

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт 2

1964

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

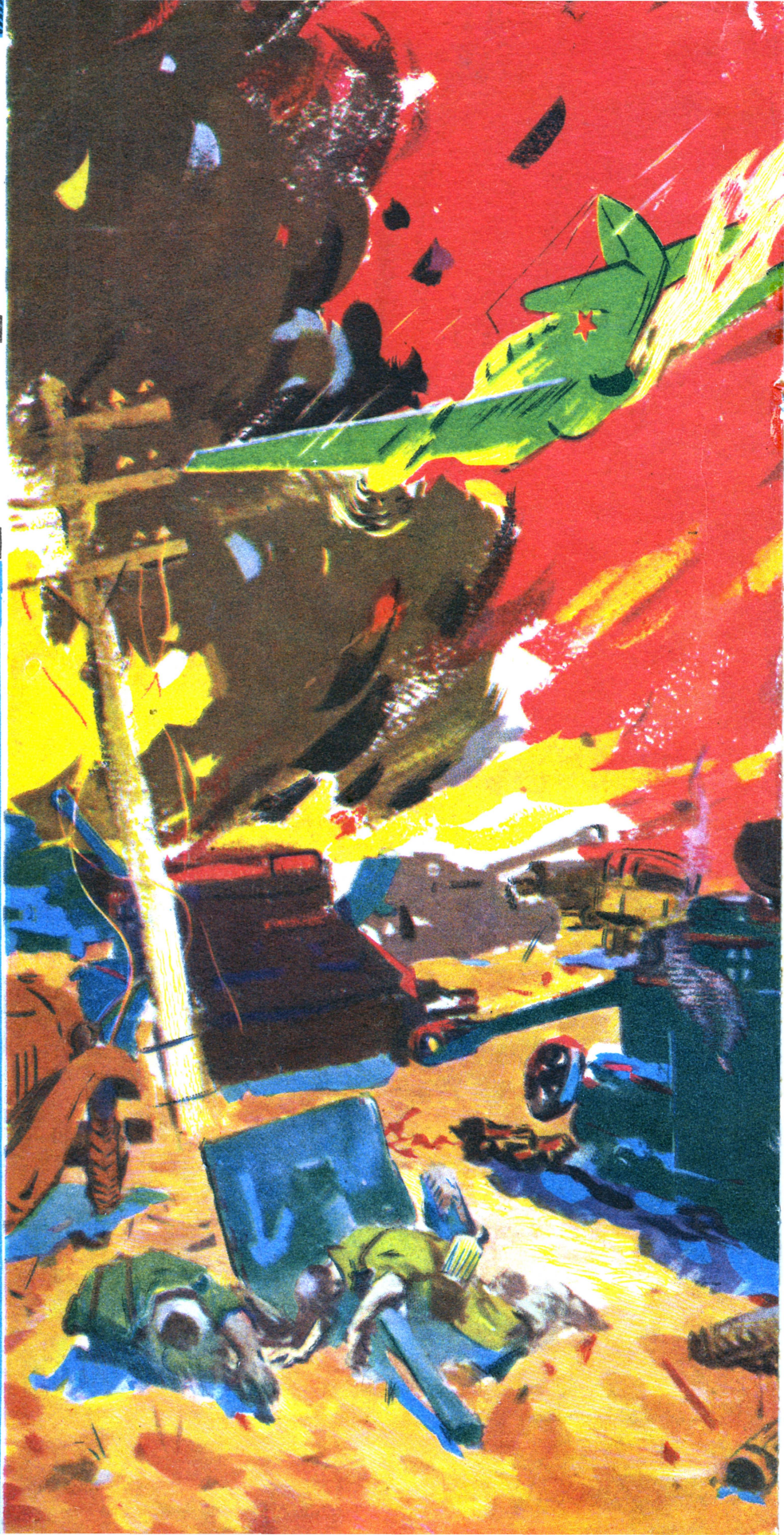
МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

ВЫ ПЕРВЫМИ КИНУЛИСЬ В БОЙ...

Из документальной повести

С. ЗАХАРОВ

Рисунки Н. Мооса

*...Эти памятники пулеметным расчетам!
Этих тысяч ребят безымянная слава!
Вы сродни ей, хоть вы и на месте почетном,
Близ портрета Гастелло — три маленьких справа...
На бессмертных скрижалях утрат и событий
Остаемся не мы — только символы наши.
Вот Гастелло. А что он водил?.. Истребитель?..
Это был бомбовоз.*

*Он погиб с экипажем!
Как мы горько обидели память героя,
Если верных его побратимов забыли:
— Капитан, разве были с тобой еще трое?
Мне казалось, что губы ответили: «Были!».
Мне казалось, он даже вздохнул облегченно —
Шевельнулись петлицы и темные шпалы:*

*«Четверых
выкликали в полку поименно!
Четверых
наши матери звали устало».
Есть у вас имена, Бурденюк, и Калинин,
И земляк мой черниговец Скоробогатый.
Есть у всех имена. Повторяют их ныне
Голубые огни, неразлучные братья...
Я хочу, чтобы встретились совесть и память
И была тишина на планете такая,
Чтоб услышали люди, как вечное пламя
Имена безымянных читает, вздыхая...*

М. Максимов, «Голубые огни».

Четвертой эскадрильей Николай Гастелло начал командовать с 24 мая 1941 года. Анатолий Бурденюк не забыл тот день. Весь личный состав эскадрильи бомбардировщиков ДБ-3 торжественно выстроился у боевых машин. Каждый, однако, немножко волновался: каков будет новый командир, ведь от него зависит многое.

— Смирно! Равнение направо! — звонко скомандовал старший лейтенант Воробьев, когда на летном поле появился коренастый, широкоплечий капитан.

Анатолий, пожалуй, волновался больше всех: ведь он как летчик-наблюдатель закреплен за флагманской машиной. Ему придется летать с командиром, придется держать серьезный экзамен. Ведь у капитана за плечами уже солид-

ный опыт боев на монгольско-маньчжурской границе, на Карельском перешейке.

Внимательно прислушивался тогда Анатолий к словам командира. А тот говорил просто, понятно, и в то же время чувствовалось, что у капитана твердый характер.

— Если мы будем жить и работать по уставу — сумеем отлично учиться и хорошо отдыхать. Устав в армии — дело великое, он дисциплинирует человека...

Гастелло командовал эскадрильей несколько недель, а все полюбили его. В воздухе Анатолий с восхищением наблюдал за артистической техникой пилотирования капитана. На протяжении всего полета, от старта до посадки, тот не делал ни одного лишнего движения, во всех действиях — точный расчет и размеренность.

Сегодня самолет Гастелло готовился к учебному бомбометанию. Анатолий Бурденюк и механик Филоненко осматривали перед вылетом материальную часть. В это время на поле у самолета послышался знакомый голос:

— И вы, Ананьев, считаете, что если застежка «молния» не сходится на вашей кожаной куртке, то это ерунда? А вдруг во время полета она зацепится за какой-нибудь рычаг? Что тогда? Сейчас же приведите куртку в порядок и запомните, что пустяков в нашей профессии не бывает. И потом, должен вам заметить, настоящий пилот никогда не гнушается черной, как говорите вы, работы техника... Пилот должен быть готовым выполнить обязанности штурмана либо техника, а штурман и техник — в любую минуту заменить пилота за штурвалом. Тогда нам не будут страшны никакие неожиданности, все пройдем и все выдержим. Только поспешайте не торопясь!

«Поспешайте не торопясь» — была любимая поговорка Гастелло.

На аэродроме царил обычная предстартовая обстановка. Флагманский штурман, собрав вокруг себя штурманов звена Воробьева, подробно знакомил их с планом полета. Гастелло, отпустив смущенного Ананьева, о чем-то совещался с военкомом эскадрильи. Анатолий, спрыгнув на землю, подошел к младшему сержанту Алексею Калинину — стрелку-радисту из их экипажа. Калинин старше Анатолия на три года: ему двадцать два, Анатолию — девятнадцать. Но комсомольский «возраст» у них одинаков, оба стали членами ВЛКСМ в один и тот же год. Алексей — северянин, родился в селе Нижняя Пеша, Канино-Тиманского района, Ченецкого национального округа. В своем военкомате он попросил, чтобы его «определили в воздушный флот», и попал в школу младших авиаспециалистов, где увлекся радиodelом.

— Ну что, готов? — спросил Анатолий.

— Все в порядке! — заодно ответил Калинин и щелкнул пряжкой парашютного ранца.

— Тогда по местам! Командир идет!..

И вот бомбардировщик Гастелло вырубивает к старту. Еще несколько минут, и огромная машина мчится по гладкой дорожке. Как всегда, незаметный отрыв от земли. Вслед за ними стартует самолет Воробьева.

* * *

Каждый день Анатолий Бурденюк открывал в своем командире все новые и новые качества, которые он старался воспитывать и в себе. Не только Анатолий, но и весь экипаж — да, пожалуй, вся эскадрилья — гордился биографией Гастелло. Сам он о себе особенно рассказывать не любил, но, как говорят, земля слухами полна. Все вскоре узнали, что летом 1939 года, когда Япония пыталась вторгнуться на территорию Монгольской Народной Республики, полк, в котором служил Гастелло, был переброшен в район реки Халхин-Гол. Во время одной из воздушных схваток самолет капитана получил повреждение и начал гореть. Но Гастелло не растерялся, благополучно довел машину до аэродрома, а через три дня снова бомбил вражеские линии и колонны...

«Знаете ли, кто такой наш Николай Францевич? — написал с гордостью Анатолий родителям. — Он наводил страх и ужас на самураев. У моего командира точный глаз, твердая рука,

Лейтенант Анатолий Бурденюк

с ним не то что в воздухе — ничего не страшно...»

И теперь, приближаясь к заданному квадрату, Анатолий внимательно всматривался в проплывающую под крылом землю.

— Летнаб! — спросил Гастелло. — Сколько до цели?

— Семь минут, товарищ капитан!

Анатолий проверил положение рукояток электрических бомбосбрасывателей, включение тумблеров. Затем поставил рукоятку механического бомбосбрасывателя в положение «предохранитель открыт» и, взглянув на указатель скорости, высоты и компаса, прильнул к оптическому прицелу, стараясь все время совмещать пузырек уровня с перекрестком прицела и определяя угол визирования на цель. Время от времени он подавал короткие, четкие команды командиру экипажа:

— Доворот на пять градусов влево... Правый вывод... Прямая...

Как только угол визирования на цель совпал с углом прицеливания, Анатолий нажал кнопку электросбрасывателя, и бомбы одна за другой устремились вниз.

Дважды заходил Гастелло на «бомбометание» и через Калинина передавал приказ остальным экипажам:

— Разворот на сто восемьдесят! Держите курс на сброшенные нами «бомбы»! Следите за воздухом: могут появиться истребители «противника»!

Затем он еще раз прошел над целью, прочесывая ее из пулеметов.

«Операция» закончена.

Анатолий закрыл бомболуки и, взяв борту журнал, записал время и высоту.

— Лучше сделать лишний заход, — говорил Гастелло на разборе результатов учебного вылета, — но зато уж каждую бомбу — прямо в цель. Даром терять боеприпасы — преступление. Кроме того, когда вы неожиданно снижаетесь, у противника сдают нервы...

Анатолий, как флагманский летчик-наблюдатель, доложил о результатах «бомбометания».

— Отлично! — улыбнулся Гастелло, выслушав его. — Так мы и будем действовать!..

* * *

Как-то Гастелло и Анатолий Бурденюк возвращались на «эмке» из Смоленска, куда ездили по служебным делам.

— Знаете, лейтенант, хорошо бы в каждой эскадрилье нашего полка создать футбольные команды. Вы в футбол играли?

— В школе считался футболистом, а в училище входил в состав сборной по баскетболу, — ответил Анатолий. — Рост-то у меня баскетбольный.

— Замечательно! Люблю, кто болеет спортом. Я с детства увлекся коньками и футболом. Даже в сборной команде Мурома играл. Помню, к нам футболисты приехали из какого-то спортивного клуба Швейцарии. Событие, конечно, огромное: первый раз за всю историю города — международный матч. Швейцарцы, как мы поняли, собирались нас шапками закидать, но сборная наша была крепкая. Игра уже кончается, а счет ноль и ноль. И надо же!.. На последней минуте я забрал мяч у швейцарского защитника и передал напарнику. Тот — раз, и в ворота! Что на трибунах творилось!.. Московскому стадиону «Динамо» такое и не мерещилось... Значит, лейтенант, решено: организуем футбольные команды, тренируемся. Да, кроме всего прочего, спорт — самый культурный отдых...

Спортсменом Гастелло был отличным. Но имел он и другие увлечения. Сын его Витя щеголял в курточках, сшитых отцом. Даже у Анны Петровны, жены капитана, были платья, сделанные руками мужа. И мебель Гастелло мастерил сам, причем не хуже столяра-краснодеревщика. Стоял у него особый шкаф с инструментами — слесарными, столярными, сапожными.

Сегодня в Смоленске Анатолий неожиданно узнал, что в юные годы его командир увлекался еще и пожарным делом. Когда мимо них по мостовой на бешеной скорости промчались красные автомобили, Гастелло проводил их взглядом и полушутя произнес:

— Если бы я в тридцать втором не попал в авиационное училище, то наверняка стал бы брандмейстером.

История этой привязанности была вкратце такова.

На Муромском паровозоремонтном заводе, где Гастелло работал когда-то слесарем, имелась добровольная пожарная команда. Все там было, как в настоящей пожарной части: и быстрые лошади, и бочки, и насосы, и блестящие медные каски. В нее-то и записался молодой слесарь Николай Гастелло.

— Конечно, не пришлось мне участвовать в ликвидации огромных пожаров, штурмовать горящие этажи, бесстрашно бросаться в дымные здания, прыгать с крыш... Осталась у меня от всей этой романтики фотография. Дома будем — напомните, покажу, — говорил Гастелло Анатолию. — Там я в полной пожарной форме запечатлен.

Но Анатолий почему-то не мог себе представить командира четвертой эскадрильи в костюме пожарного.

— Значит, футбольную команду мы создадим, — Гастелло загнул один палец. — За это я сам возьмусь. А вы, — он загнул второй палец, — беритесь за баскетболистов...

* * *

21 июня 1941 года вечером в клубе авиагарнизона, недалеко от аэродрома, демонстрировался новый фильм «Фронтовые подруги». На ярком афишном стенде Анатолий прочел фамилии любимых артистов — Бориса Блиннова, Андрея Абрикосова и Зои Федоровой.

Как всегда, пришел задолго до начала, чтобы успеть сыграть в шахматы. Но столики в фойе оказались занятыми. Среди игроков, собравшихся здесь сегодня, был не знакомый Анатолию молодой с небольшими залысынами лейтенант. За его столиком как раз и освободилось место.

— Можно? — спросил Анатолий.

— Пожалуйста, пожалуйста! Прощу!

Они расставили фигуры.

Вначале играли молча, основательно обдумывая каждый ход. Затем познакомились, разговорились.

Выяснилось, что Григорий Скоробогатый только-только прибыл в 207-й полк. Зачислен за штабом.

— Но я буду стараться вырваться оттуда, — решительно заявил новый знакомый. — Даже жене язык не поворачивается сказать, что попал в штаб... Ваша бы тоже, наверно, не одобрила.

— Я не женат, — почему-то смутился Анатолий и поспешно добавил: — Но у меня в Свердловске невеста, учится пока в институте.

— Так вы свердловчанин?

Анатолий кивнул и сделал очередной ход.

— А я из Чернигова, вернее, не из самого Чернигова, а из села Хотеевка, Семеновского района.

К их столику подошли Гастелло с Анной Петровной.

— Ну, кто кого? Смотрите, Бурденюк, не сдавайтесь, помните наше правило: поспешайте не торопясь.

— Помню, товарищ капитан, всегда помню, — ответил Анатолий.

— Коля, не мешай им, — заметила Анна Петровна. — Пойдем лучше посмотрим свежие журналы.

— Командир четвертой! — с гордостью шепнул Анатолий. — Летаю в его экипаже.

Скоробогатый внимательно посмотрел вслед.

— И я бы, пожалуй, тоже не отказался. Видно, что стоящий человек.

Лейтенант Скоробогатый так же, как и Анатолий, получил пока лишь права летчика-наблюдателя. И в штурманское училище он пошел тоже в 1938 году, хотя по возрасту был старше Анатолия на пять лет.

Доиграть партию им не удалось: прозвенел звонок, начался сеанс. Летчики смотрели фильм о верной дружбе, отваге и чести, а в это время за рубежами нашей Родины уже прозвучал условный пароль Гитлера «Дортмунд». Это был сигнал германской армии к нападению на Советский Союз. 22 июня, в четыре часа утра, фашистская артиллерия обрушила свой огонь на пограничные заставы. А через сорок пять минут капитан Гастелло по боевой тревоге поднял свою эскадрилью.

Война!.. Только это одно слово было у всех на устах. Ответить ударом на удар!

— Что бы ни ждало нас впереди, все пройдем и выдержим, никакой буре нас не сломить, никакой силе не удержат! — говорил от имени своей эскадрильи Гастелло, выступая на митинге 207-го полка. — Фашистские бандиты будут уничтожены!

А в нашем солнечном небе уже гудели бомбардировщики с черными крестами. На Либаву, Ригу, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь падали первые бомбы. По всей западной пограничной полосе — от Финского залива и до Черного моря — гремели бои.

Несмотря на внезапность нападения, летчики Красной Армии отважно ринулись навстречу врагу.

«Нанести удар по фашистским мотомеханизированным войскам западнее Сувалоки» — таков был приказ эскадрильи Гастелло.

— Задание ясно? — спросил комэск у экипажей. — Вопросов нет? Хорошо. Напоминаю: в полете необходима особая бдительность! Могут повстречаться истребители...

На летном поле наблюдатели и стрелки помогали механикам ввертывать в бомбы взрыватели, штурманы наносили на карты боевой курс...

Привычно шумят моторы. Четвертая эскадрилья, набрав высоту, летит левее Минска. Анатолию давно знакома эта воздушная трасса: сколько раз и днем и ночью пролетали они здесь до войны. Сейчас под ними промелькнет Новогрудок, около которого где-то в лесных чащах затерялась маленькая белорусская деревушка

Плужины. В ней родился и вырос отец командира — Франц Павлович Гастелло.

— А я сам, выходит, московский белорус, — шутил часто по этому поводу капитан.

— Так же, как я — уральский украинец, — в тон ему вторил всегда Анатолий.

Уже далеко и Новогрудок и Плужины, самолеты пересекли линию фронта. Вот и цель! По дороге на восток двигались гитлеровские танки и тягачи с мотопехотой. Палец Анатолия лег на кнопку бомбосбрасывателя.

Самолеты снижаются. Гастелло кивает:

— Открыть люки!

Бомбы одна за другой устремляются вниз.

На дороге паника: горят танки, автомашины, рвутся баки с бензином, осколки сметают гитлеровских солдат. Эскадрилья делает второй заход. И снова бомбы ложатся без промаха в цель.

Но все ближе разрывы зенитных снарядов. В кабинах ощущается тяжелый запах. Бомбардировщики четвертой эскадрильи поднимаются вверх и, выстраиваясь на ходу, берут курс на свой аэродром.

* * *

— Дали мы фашистам и дым, и огонь! — сказал Гастелло своему экипажу, когда бомбардировщик благополучно приземлился. — Так что поздравляю с боевым крещением. Действовали все отлично. Спасибо!

— Служим Советскому Союзу! — четко и торжественно ответили и штурман, и Анатолий, и Алексей Калинин.

Потерь в эскадрилье не было. Гастелло с рапортом отправился на командный пункт полка, а экипаж, устроившись на траве под крылом, стал припоминать все перипетии боя.

— Вам, товарищ лейтенант, хорошо! — заветливо говорил Калинин Анатолию. — А мне-то каково?

Стрелок-радист Анатолий Калинин.

— То есть? — не понял тот.

— Вы работали, а я у пулемета без дела торчал...

— Пустые огорчения! Война только начинается. Ваш пулемет себя еще покажет!

Вечером Анатолий написал письма родителям. «В Челябинск, в училище, черкну завтра, как возвратимся с задания».

В том, что новое задание завтра обязательно будет, он не сомневался.

...И снова привычно гудят моторы. Эскадрилья Гастелло идет под самыми облаками в район Бреста. Где-то около Гродно, в стороне, промелькнула группа «мессершмиттов», по видимому, не заметив советских бомбардировщиков.

«Вот Алексей Калинин, поди, стал бы переживать, — подумал Анатолий. — Прошли мимо противника — и не дали его пулемету работы».

Перед стартом капитан сказал экипажу, что в дни, когда Красная Армия вступила на земли Западной Украины и Белоруссии, ему пришлось уже летать и в район Бреста, и в районы Гродно и Барановичей, сбрасывать парашютистов около важнейших железнодорожных станций.

— Теперь на этих станциях — враг. Мы должны его разбомбить, — закончил он. — Для лучшей ориентировки будем снижаться до трехсот пятидесяти метров.

Гродно осталось позади, эскадрилья свернула к Бресту.

— Товарищ капитан, — сообщил штурман, — скоро железнодорожный мост.

— Сколько осталось?

— Пять минут.

— Летнаб, — проговорил Гастелло, — снижаюсь с правым разворотом.

Анатолий смотрел вниз.

— Не нужно, товарищ капитан. Я и так все прекрасно вижу.

— Ну что ж, начнем бомбежку. Стрелок! Напоминанье: могут появиться вражеские истребители.

Слышен наводящий голос штурмана:

— Капитан, выходите на прямую. Так... Немного левее... Еще чуточку. Так... так... Точно! Одна за другою бомбы накрыли мост.

После моста — железнодорожная станция, затем небольшой аэродром. Гитлеровцы, видимо, были уверены в своей полной безопасности. Гастелло передал по радио команду, и эскадрилья, низко кружась, сбросила все оставшиеся бомбы на летное поле. Запылали готовые к взлету самолеты противника. Одному истребителю удалось взмыть вверх, но Калинин меткой пулеметной очередью поджег его. «Мессер» дал резкий крен, выпустил клуб черного дыма и врезался в землю.

— Поздравляю с успехом! — весело проговорил Гастелло. — Кто не верил, что бомбардировщик может сбить истребителя?

Вечером того дня Анатолий писал в Свердловск:

«...Однако на обратном пути, недалеко от пункта Б, на нас налетели «мессершмитты». Несколько из них вырвалось вперед, чтобы повести лобовую атаку, но наши воздушные корабли не растерялись и встретили фашистов сильным огнем из пулеметов. Победа осталась за нами».

Правда, одна подробность, касающаяся собственного самолета, была в письме Анатолием опущена. Во время воздушного боя их бомбардировщик, прикрывающий всю эскадрилью, получил от «мессеров» тяжелые повреждения, и по приказу Гастелло Калинин радировал на КП 207-го полка: «...Один мотор совершенно выведен из строя, неисправно шасси, бензосистема нарушена...»

С КП немедленно передали: «...Экипажу разрешается оставить самолет...»

Только никто не подумал в этот момент о парашютах. В кабине с простреленными руками лежал штурман. Покинуть бомбардировщик — значило бросить раненого товарища. И Гастелло совершил чудо: посадил искорверканный самолет на аэродром.

— Как хотите, товарищи техники и механики, — сказал Гастелло, осматривая израненную машину, — а завтра, в крайнем случае послезавтра, мы должны опять лететь. Сидеть сложа руки не намерены. Сделайте, друзья, все, что можно. Поспешайте не торопясь...

— Постараемся, товарищ капитан! — заверил воентехник первого ранга Грошев. — Не подкачаем.

— А вы, лейтенант Бурденюк, с этой минуты вступаете в должность штурмана. Надеюсь, не подведете? — Гастелло тепло взглянул на Анатолия.

— Есть! — четко ответил тот, блеснув черными глазами. — Не подведу, товарищ капитан!

Утром, придя на аэродром, Анатолий увидел, что техники трудятся не покладая рук. Красноармейцы из подсобных мастерских пришивают на простреленные крылья заплатки, механик Никулин меняет замки для подвески бомб, а Гастелло помогает Филоненко сращивать тросы механического сброса. Анатолий присоединился к товарищам.

— Чудак, все же, лейтенант Власов! — рассказывал Гастелло, обтирая ветошью измазанные маслом руки. — Собрался утром на боевой вылет, а оружия не взял. Я говорю ему: «Ведь на войне всякое бывает — подобьют, и окажешься где-нибудь в тылу. Тогда как?» А он отвечает: «Моя машина все выдержит, ничего с ней не случится». Но я все-таки дал ему в полет свой пистолет. Так что пистолет за номером 28438 сейчас арендует лейтенант Власов...

Над авиагородком неожиданно показался «юнкерс-88». Обстреляв жилые дома, он низко пронесся над аэродромом, а затем, развернувшись, открыл огонь из пулеметов.

Тревожно завывала сирена: «Воздух!..»

Гастелло бросился в кабину Калинина и, встав у турели, дал две длинные очереди из пу-

леметов. Трассирующие пули прошли фюзеляж «юнкерса». Гитлеровец произвел посадку недалеко от летного поля.

Гастелло выскочил из бомбардировщика, подбежал к стоявшему вблизи грузовику и крикнул:

— Штурман, ко мне! — И, когда Анатолий завопил в кузов, постучал шоферу: — Гони!..

«Юнкерс» уже окружили наши летчики. Четверо немцев стояли перед ними, подняв руки. У одного на левом кармане серого френча, видневшегося из-под расстегнутого до пояса комбинезона, болтались три ордена креста.

— Смотрите, даже «железный крест» имеет, — пояснил кто-то. — Видать, фашистский ас!

Пленных отправили в штаб. На первом же допросе они заявили, что надеялись и в Советском Союзе хозяйничать так же безнаказанно, как в Англии и во Франции.

— Ошиблись, фашисты! — сказал Гастелло Анатолию. — И об этой ошибке узнает скоро не только сегодняшняя четверка, но и вся гитлеровская армия.

В первые дни войны советские дивизии Западного фронта вели ожесточенные бои с противником. Но слишком поздно были приведены они в боевую готовность и развернуты в приграничных укрепленных районах, отбросить гитлеровцев им не удалось.

Под угрозой оказался Минск. Третья танковая группа гитлеровцев, прорвавшись в район Молодечно, обходила наши соединения с севера. Одновременно с ней вторая танковая группа угрожала обходом с юга, из района Барановичей.

Но на пути к столице Белоруссии крепким заслоном стояла орденоносная стрелковая дивизия генерал-майора Руссиянова. Все попытки гитле-

Лейтенант Григорий Skorobogatyy

ровцев прорваться с ходу в Минский укрепленный район терпели крах. Ранним утром 26 июня на помощь разгромленному авангарду со стороны Молодечно, через Радошковичи, поползли колонны тяжелых фашистских танков...

Анатолий Бурденюк и Воробьев ждали Гастелло недалеко от летного поля. Вот показалась плотная фигура в кожаном пальто. Увидев товарищей, капитан приветливо махнул рукой.

Через минуту Анатолий, Воробьев и штурман Воробьева старший лейтенант Рыбас знакомились с очередным боевым заданием:

«...В составе четырех самолетов парами бомбардировать мотомеханизированные части противника на дорогах Молодечно—Радошковичи. Высота бомбометаний 400—600 метров. Маршрут Борисов — Минск»...

— Наш экипаж пойдет с вашим звеном, будет как раз четыре самолета, — сказал Гастелло Воробьеву. — При первом заходе сбрасываем девять бомб, при втором — сбрасываем остальные.

— Ясно, товарищ капитан!

Весь личный состав звена уже собрался у самолетов. «Оружейники» и штурманы проверяли правильность подвески бомб и снаряжение их взрывателями; воздушные стрелки — готовность своих пулеметов; мотористы подкатывали баллоны с газом. Гастелло подозвал к себе командиров экипажей вместе с их штурманами, чтобы дать последние указания. Когда Грошев доложил, что «корабли к вылету готовы», а Гастелло уточнил еще раз порядок выполнения боевого задания и секторы наблюдения за воздухом, к ним четким шагом подошел лейтенант Skorobogatyy и, резко опустив руку от пилотки, сказал:

— Товарищ капитан! На вашем бомбардировщике не хватает одного члена экипажа. Возьмите меня с собой. Если потребуется, могу быть и вторым воздушным стрелком. В такое время, понимаете, просто неудобно сидеть в штабе. Командир полка не возражает.

Гастелло внимательно посмотрел на Skorobogatyy.

— Комсомолец?

— С 1935 года!

— Отлично! А по национальности?

— Русский.

Анатолию показалось, что в глазах Skorobogatyy во время ответа проскользнуло некоторое удивление.

— Вот видите, — улыбнувшись, добавил Гастелло, — какой у нас теперь, если можно так выразиться, интернациональный экипаж: русский, украинец, белорус и... — он кивнул в сторону своего самолета, где Калинин о чем-то говорил с Филоненко, —...и коми.

— Значит, я лечу с вами?! — радостно спросил Skorobogatyy.

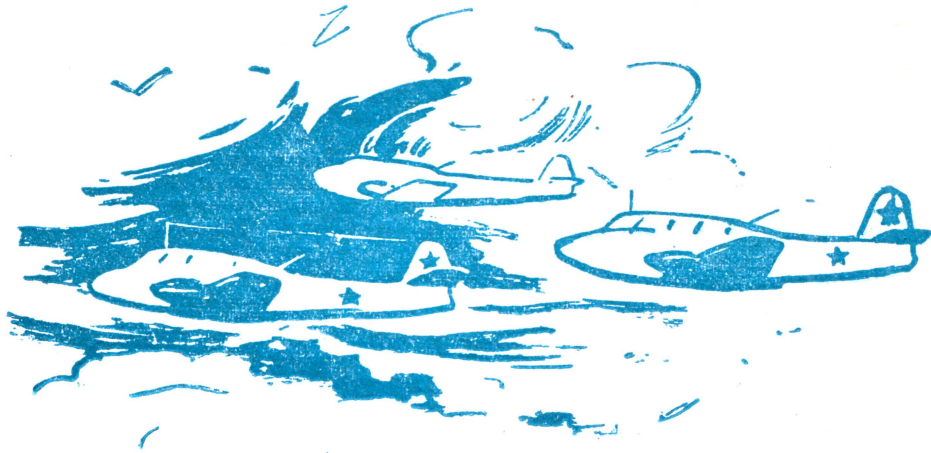
— Значит, летите.

— Спасибо, товарищ капитан! Спасибо. Я не подведу.

«Наш экипаж интернациональный и комсомольский, — подумал Анатолий, — а ведет его коммунист Николай Гастелло, член партии с 1928 года...»

Подъехал на «эмке» дежурный и сообщил точное время вылета. Гастелло сверил часы.

«На голландском языке, — вспомнилось почему-то вдруг Анатолию, — слово «штурман» состоит из двух корней: «штур» — руль и «ман» — человек. Так, кажется, нам объясняли в училище. Только гожусь ли я в рулевые? Все-таки

первый полет в качестве штурмана. Буду стараться!»

Он посмотрел на небо. Там плыли крутолобые облака.

Истекали последние минуты. Гастелло достал из планшета блокнот, что-то прочитал в нем и поднял руку.

— Товарищи! Перед тем как уйти на задание, я напому вам слова одного из замечательных летчиков нашего времени. Слушайте: «Я признаю только такого бойца бойцом, который, несмотря на верную смерть, для спасения других людей пожертвует своей жизнью. И если нужно будет Союзу, то я в любой момент могу это сделать». Сказал это...

«Чкалов!» — чуть не вырвалось у Анатолия, но он вовремя спохватился, и Гастелло закончил фразу сам.

Летчики стояли молча, но по их лицам можно было понять, что они и есть как раз такие бойцы, о которых говорил Валерий Чкалов.

Анатолий вышел вперед.

— Товарищ капитан, разрешите мне ответить за всех! Мы клянемся: если потребуется, пожертвуем своей жизнью для счастья людей, для спасения Родины!

— По местам!..

Техники и мотористы проводили машины капитана Гастелло, старших лейтенантов Воробьева, Кошелькова и лейтенанта Висковского...

Прошло несколько часов. Расчетное время полета звена истекало. На горизонте показался один из самолетов — бомбардировщик Воробьева. Он приземлился, и все, кто подбежал к нему, вместо обычного «задание выполнено» услышали:

— Экипаж капитана Гастелло погиб!..

И Воробьев, и его штурман Рыбас рассказали о том, что они видели и пережили...

...Звено Гастелло появилось над шоссе Молодечно — Радошковичи неожиданно: помогли лесистая местность и холмы. Капитан предугадал, что противник не сумеет заблаговременно заметить советские бомбардировщики. Так оно и получилось. Гитлеровцы открыли огонь из зенитных орудий лишь после того, как самолеты, сделав первый заход и сбросив бомбы с высоты четырехсот метров, скрылись в направлении на Радошковичи.

На шоссе образовалась пробка, началась паника. И тогда краснозвездные машины, вновь вынырнув из-за сосновых верхушек, недалеко от деревни Миговка, одновременно с бомбежкой начали обстрел шоссе из пулеметов.

Но пора уходить. Экипажи, маневрируя среди разрывов зенитных снарядов, повернули на восток. В это время Анатолий доложил:

— Товарищ командир! У меня горят две контрольные лампочки. Прошу сделать еще один заход... — И, прильнув к прицелу, стал следить за движением земли, чтобы сбросить оставшиеся бомбы. Вдруг толчок — и глухой взрыв. Из-под правого крыла самолета вырвался яркий сноп пламени: зенитный снаряд пробил крыльевой топливный бак. Огонь начал приближаться к мотору.

Капитан Николай Гастелло

Капитан понял, что самолет доживает последние минуты. Поэтому он быстро развернул его, сбросил на противника две последние бомбы и понесся низко над шоссе, расстреливая гитлеровцев из пулеметов.

Бомбардировщик спускался все ниже и ниже, почти касаясь немецких танков. Из пробитых баков лился бензин, оставляя огненный след, а Гастелло вел и вел машину над проселочной дорогой из Миговки в Декшняны, к пересечению шоссе Молодечно—Радосшковичи. Там, на опуш-

ке, был бензозаправочный пункт, возле которого скопилось много танков, бронетранспортеров и цистерн.

Что говорил в эти минуты командир своим товарищам — никто никогда не узнает. Но ясно одно: он сообщил им свое решение и получил утвердительный ответ. Пулеметный огонь с пылающего самолета не затихал ни на одну секунду. И Анатолий Бурденюк, и Григорий Скоробогатый, и Алексей Калинин отказались сдаться на милость противника.

Выписка из наградного листа на командира эскадрильи 207-го полка

Гастелло Николая Францевича:

...Старшие лейтенанты Воробьев и Рыбас видели, как капитан Гастелло развернулся на горящем самолете и повел его в самую гущу танков. Столб огня объял пламенем фашистские танки...

Летчика Гастелло и его экипажа нет в наших рядах, они погибли смертью героев в борьбе с германским фашизмом, но память о них будет вечно храниться в сердцах тех людей, за чье счастье бился и погиб капитан Гастелло Николай Францевич и его экипаж...

*Командир 207 полка
капитан Лобанов*

*Командир 42 дивизии
полковник Борисенко*

*Военный комиссар
207 полка, батальонный
комиссар Кузнецов*

*Военный комиссар
42 дивизии, полковой
комиссар Колобков*

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

**О присвоении звания
Героя Советского Союза капитану
ГАСТЕЛЛО Н. Ф.**

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» капитану Гастелло Николаю Францевичу.

Председатель
Президиума Верховного
Совета СССР **М. Калинин**

Секретарь Президиума
Верховного Совета
СССР **А. Горкин**

Москва, Кремль,
26 июля 1941 года.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

**О награждении Бурденюка А. А.,
Калинина А. А. и Скоробогатого Г. Н.
посмертно орденом Отечественной войны
I степени.**

За проявленные в период Великой Отечественной войны урабрость, мужество и отвагу наградить посмертно орденом Отечественной войны I степени:

1. Лейтенанта **Бурденюка Анатолия Акимовича.**
2. Младшего сержанта **Калинина Алексея Александровича.**
3. Лейтенанта **Скоробогатого Григория Николаевича.**

Председатель
Президиума Верховного
Совета СССР **К. Ворошилов**

Секретарь
Президиума Верховного
Совета СССР **М. Георгадзе**

Москва, Кремль,
25 января 1958 года.

В нижние этажи планеты

Уральская
марка

Уже давно геологи разных стран делают предположения о богатейших залежах природного газа, нефти и других полезных ископаемых в глубинных слоях земной коры. Но, чтобы освоить «нижние этажи» планеты, пришлось обратиться к машиностроителям: нужна техника, способная проникать в землю на много километров. Создать такую машину решили конструкторы Уралмашзавода. Вместе с работниками ряда институтов страны они спроектировали буровые установки БУ-300Д и БУ-300ДЭ. Обе машины предназначены для того, чтобы проходить скважину на глубину до 7 тысяч метров. Конструкторам необходимо было принять во внимание многое: и то, что в глубинных пластах возможны высокие давления и высокие температуры, и что там встретятся горные породы большой твердости.

В этом году на нефтяных промыслах страны новые машины пробурят две опытные скважины на 7 тысяч метров. В Советском Союзе еще нет ни одной скважины такой глубины. Да и во всем мире их считанные единицы. Рубеж

в 5000 метров перешагнули только Советский Союз и США.

Буровой установкой Уралмаша недалеко от Баку пройдена скважина глубиной 5040 метров. А в солончаковых степях Приаралья, неподалеку от озера Аралсор, «Уралмаш ЗД» сейчас бурит еще одну — семитысячную. Что найдут разведчики недр, пока трудно сказать. Они не хотят терять ни часа и начали работу машиной, которая рассчитана на бурение скважин глубиной 5000 метров. Чтобы ее пройти, требуется несколько лет. За это время установку укомплектуют более грузоподъемным оборудованием.

Создание установок для глубинного бурения — большое техническое достижение. В проектировании их участвовали многие конструкторы Уралмаша. Их с полным правом можно назвать разведчиками подземных сокровищ.

М. ЕРГИНА

Охраняй природу!

На границе двух областей

Одна половина озера Носкинбаш лежит в Свердловской, а другая — в Тюменской области.

Когда-то Носкинбаш славился своими рыбными запасами. Через обширные травяные болота к нему была проложена слань, по которой ежегодно вывозились сотни тонн щуки, чебака, окуня, язя.

В студеные зимы случались заморы, белая рыба погибала от недостатка кислорода. Жители деревни вручную выкопали десятки «копанцев» — канал длиной до двух километров, соединяющих озеро с «живунами» — родниками, лежащими в глубине окрест-

ных болот. Ежегодно «копанцы» прочищались, и поступала свежая вода.

Сейчас «копанцы» затянуло илом и травой, а слань, соединявшая деревню Эскалбы с Большой Землей, сгнила настолько, что по ней и пешком теперь трудно пробраться. Рыбачат на озере две бригады: одна — государственного рыбзавода, другая — кооперативного звероводческого хозяйства. Казалось бы, все в порядке. Но это не так. Уловы резко сократились. Рыбзавод терпит убытки и дает более дорогую рыбу, чем кооперация. А кооперация не имеет достаточного снастей и никаких работ по рыборазведению не ведет.

Речка Носка, по которой рыба весной подымается в Носкинбаш, заросла и обмелела. Необходимо ее расчистить. Вот уже два года не заходит в озеро язь. Говорят, что где-то в Тюменской об-

ласти, в низовьях реки Лаймы, стоят «запоры» и не пропускают рыбу к нерестилищам. Проверить это некому.

История Носкинбаша — не единичный случай. Безразлично, кто будет хозяином на водоеме — рыбзавод или кооперация. Важно, чтоб это был хозяин. Ведь речь идет о двух серьезнейших проблемах: удовлетворении потребностей народа в рыбе и охране и приумножении природных богатств.

Г. БАБАКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

«История Носкинбаша — не единичный случай». Редакция получает много писем, в которых читатели сообщают о том, что на Урале и в Сибири есть озера, которые зарастают, высыхают, и рыба в них гибнет.

Надо решить судьбу Носкинбаша и других «беспризорных» водоемов.

По Великой ПРОГРАММЕ ФАКЕЛ ГОЛУБОГО ОГНЯ

Одна из величественных строек семилетки — газопровод Бухара—Урал — завершается. В ноябре 1963 года газ пришел в Челябинск — за 1995 километров от месторождения.

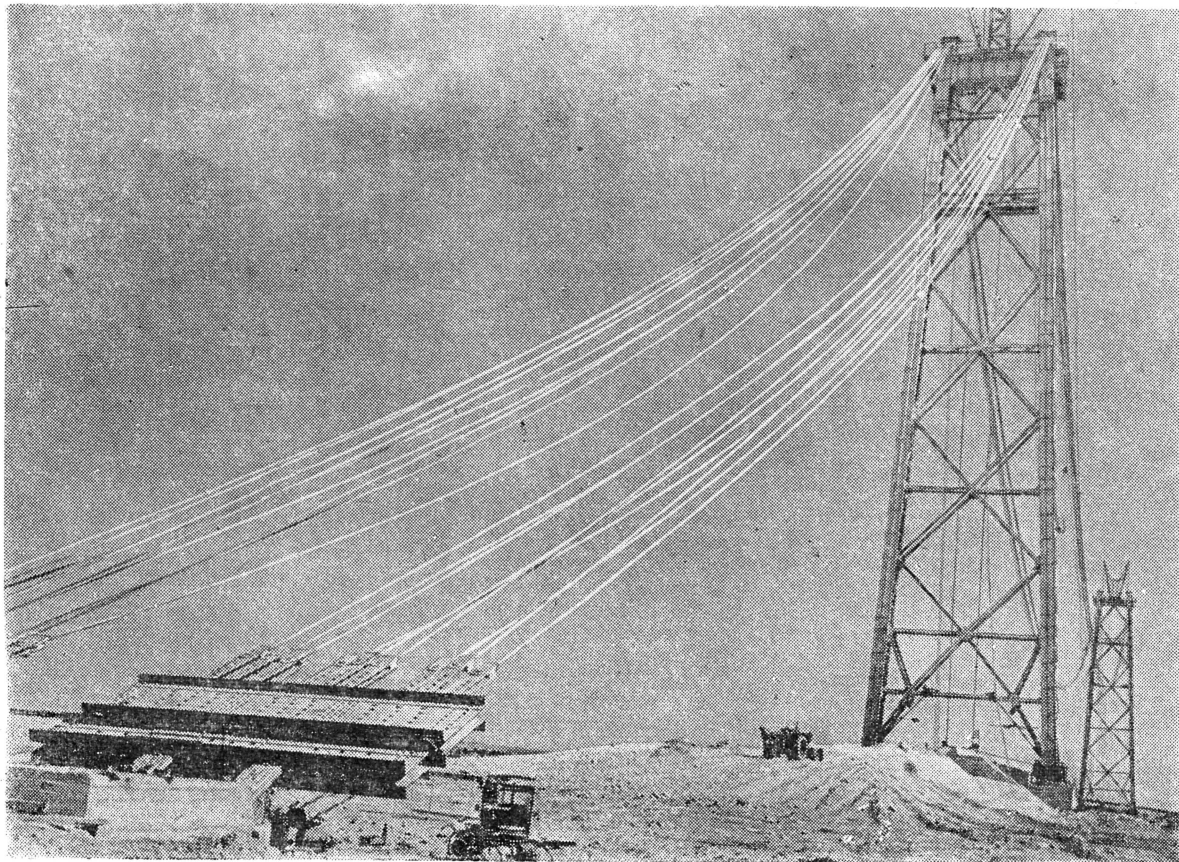
Зажегся факел голубого огня в Магнитогорске. Здесь бухарский газ получили гигантский доменный цех, десятки мартеновских печей и прокатных станов, тысячи квартир металлургов. А в Челябинск он пришел на заводы, в том числе и на тот, который поставляет трубы для газопровода.

Нитки отводов газопровода протянулись на Орск, Новотроицк, Ургенч и другие промышленные центры края. Скоро газопровод Бухара—Урал дойдет и до Свердловска.

Мне посчастливилось побывать на этой грандиозной ударной стройке. Об этом я попытаюсь рассказать читателям «Уральского следопыта» в нескольких фотографиях.

В. ГЕОРГИЕВ

Так сооружался висячий мост через реку Аму-Дарья.

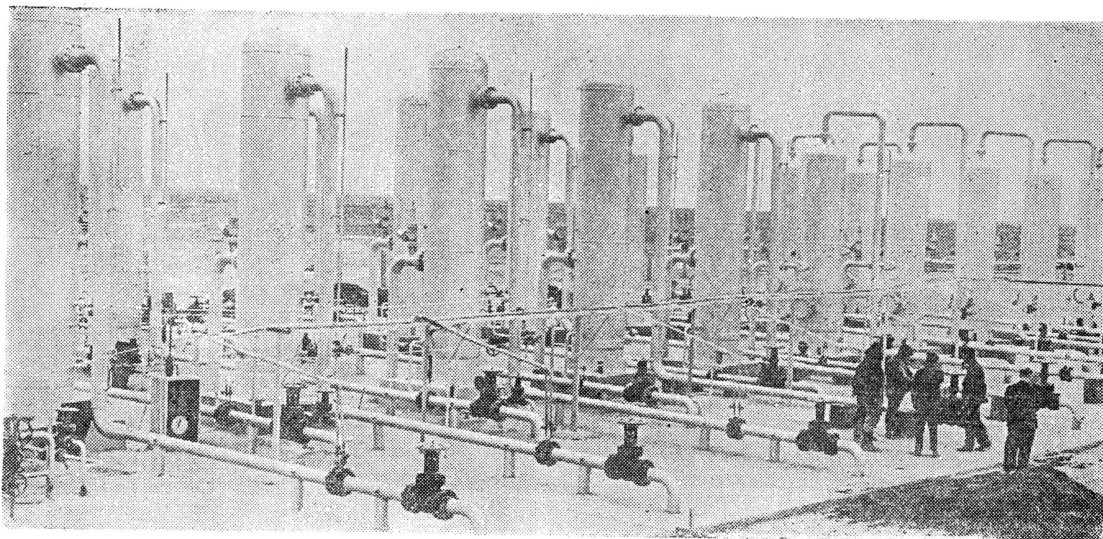

Комсомолки Мария Токранова, Рая Нигматуллина, Лида Додская, Вера Беличенко — одни из первых строителей газопровода. Сейчас девушки сменили профессию: стали операторами и будут работать на первом сборном пункте Газлинского газового промысла.

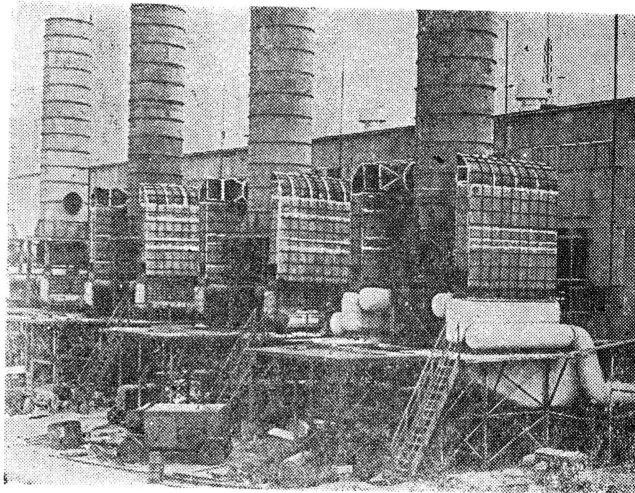

Александр Хамов приехал на строительство газопровода из Перми в 1961 году. Сейчас он руководит комсомольско-молодежной бригадой, которая работает только на «отлично».

А вот и этот первый сборный пункт. Сюда подходит газ из 29 скважин. Он будет отпускать до 20 миллионов кубометров газа в год.

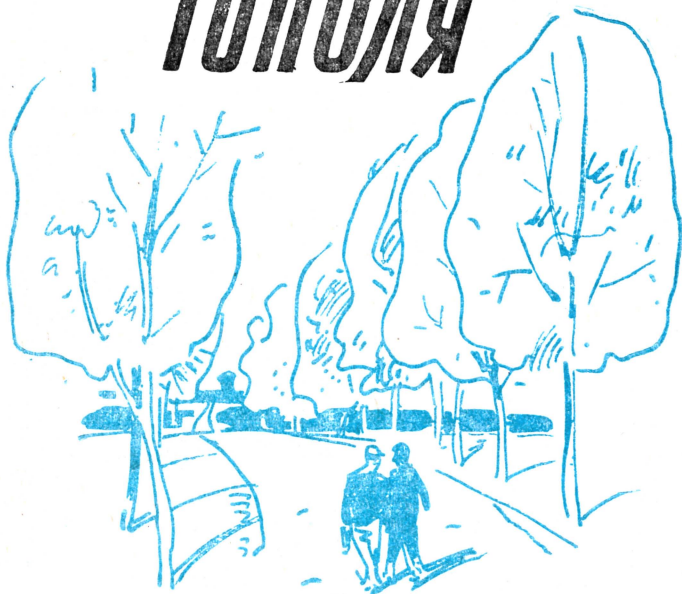
Четырнадцатая компрессорная станция. Газовая турбина здесь будет увеличивать давление газа, идущего в сторону Урала.

«Салом, Челябинск!» — Здравствуй, Челябинск! Идет сварка последних труб.

Тополя

Рассказ

Евг. ПЕРМЯК

Рисунки Ю. Ефимова

От станции до совхозного поселка Малиновка чуть больше километра. Меня должен был встретить главный агроном совхоза, но, видимо, он проспал. И не мудрено — поезд пришел в четыре часа утра. Мне указали дорогу, и я направился в Малиновку.

Дорога была на редкость прямой. Буквально, как струна. По обе стороны росли довольно большие тополя. Они так украшали ее, что слово «аллея» мне показалось более точным для этого зеленого коридора.

Я не прошел и ста шагов, как увидел бегущего навстречу человека.

«Наверно, это и есть проспавший Николай Иванович Чумаков?» — подумал я.

Так и оказалось.

Мы познакомились «очно». До этого были знакомы только телефонно. По телефону Чумаков звал меня в Малиновку, чтобы посмотреть «новейшую посадку новейшей кукурузы».

Главный агроном еще раз представился мне, и мы пошли вместе. Ему не терпелось, и он сразу же начал рассказывать о достоинствах своей кукурузы. Заметив, однако, что я люблюсь стройными тополями, Чумаков сказал:

— Все почему-то на них обращают внимание!

— На них нельзя не обратить внимания. Они все, как один. И такие стройные. Неужели вы не замечаете этой красоты? — спросил я.

— Да нет, замечаю. Только я как-то стесняюсь обращать внимание на эту красоту.

— Почему?

— Нескромно.

Я не понял ответа и переспросил:

— Почему же нескромно?

— Лучше не спрашивайте. Я уже побывал в хвостунах за эти тополя. Рассказывал как-то одному приезжему, а он не поверил. Не поверил и сказал мне, что будто бы я люблю набивать себе цену. Я цены никакой не набивал. Я сказал то, что было...

— Что же было-то?

— Увольте. Честное слово, увольте. Я боюсь, что упадет от этих тополей нехорошая тень на нашу хорошую кукурузу.

— Нет уж, не уволю, — сказал я, чувствуя, что с тополями связано нечто интересное. — Коли начали, Николай Иванович, так рассказывайте.

Мой новый знакомый густо покраснел, потом предупредил:

— Тогда я не чистую правду расскажу. Потому что правда не очень правдоподобно выглядит. И мне даже самому теперь не верится, что было это именно так. Слушайте.

И он принялся рассказывать.

— В нашей Малиновке, которая тогда еще была деревней, а не совхозным поселком, жил мальчик. Не я. Этот мальчик очень тянулся к растениям и с малых лет так любил их, что его родители начали побаиваться, как бы их сыночек

не свихнулся на этой почве. Посудите сами, если у него в двенадцать лет не только свои парники, но и теплица собственной конструкции на комбинированном тепле. И как-то этот самый мальчик, который уже очень много знал о растениях, удивился самому простому — живучести тополей. Надо сказать, что и теперь, спустя много лет, этот мальчик, получив высшее агрономическое образование, не перестает удивляться чуду тополиного черенка.

А в те годы он даже не поверил, что из черенка длиной немногим более карандаша может вырасти дерево. Но журнал, в котором он прочитал статью о тополях, утверждал именно это. Там говорилось, что по весне обычно стригут старые деревья и выбрасывают их вет-

ви. А между тем из каждой ветки можно нарезать не один десяток черенков. Так и сказано было в журнале. А затем и нарисовано, как острый нож срезает ветку у почки, из которой и должно вырасти дерево. Для этого нужно сунуть черенок во влажную землю. Сунуть так, чтобы одна почка оказалась снаружи, а остальные в земле. И те, что окажутся в земле, станут корнями будущего тополя.

Прочитав статью, Николаша — так его звали — дождался, когда на этой самой станции, где я вас не сумел встретить вовремя, начнут стричь тополя. И когда он этого дождался, то напросил веточек. Десятка два. Притащив их домой, он, как указывалось в журнале, наделал черенков — и в землю. И так штук сорок. Одни полил, а другие для проверки оставил без воды.

Прошла неделя, верхняя почка лопнула и дала листики. А потом из листиков стала расти веточка. Хлыстик такой. И можете себе представить, уже к осени эта веточка переросла Николашку чуть не в полтора раза. Почти деревце. Но деревце без ветвей. Теперь ему нужно было дать ветви. Это проще всего.

Каждый хлыст или ствол будущего тополя мальчик обрезал. Оборвал с хлыста лишние листочки и оставил их не более чем нужно было, а верхушку укоротил. Весной на месте каждого оставленного листочка, или, вернее, почки, появились веточки. Начала образовываться крона. Точно, как было написано в журнале. И это, можете себе представить, было интереснее самой интересной сказки...

Были ветки. Бросовые ветки, которые сваливали в мусорную кучу на станции. Потом их сжигали. Сжигали тысячи будущих деревьев. Таких же красивых, какие растут на станции.

И мальчик стал думать: а что, если посадить черенки тополя от станции до Малиновки? Вот тут! По обе стороны дороги! У мальчика была очень горячая голова. Но все же он никогда не задумывал ничего такого, что было ему не под силу. И он стал считать. От станции до Малиновки — тысяча сто метров. Тысяча сто... И если через каждые два метра посадить по черенку, то потребуется всего лишь пятьсот пятьдесят черенков. Это по одну сторону. И столько же по другую. Тысяча сто. А если через три метра, то и того меньше.

А что такое тысяча сто черенков? Тысячу сто черенков вдвоем можно приготовить в один день. В минуту — два черенка. Ну пусть один.

А что такое посадить тысячу сто черенков? Много? Очень много. Но так ли уж много, если принять во внимание капустную рассаду... А черенки сажаются еще проще. Да, да... Они сажаются совсем просто.

Прошу минуту внимания. У вас в руках небольшой лом. Можно и кол. Вы протыкаете в земле отверстие. Затем су-

ете черенок. Затем ногой уплотняете влажную землю. И все. Понимаете, все! Это — раз и два. И еще раз, два, три...

Когда Николаша все это спланировал, и его товарищ, которого звали Гришкой, а теперь Григорием Матвеевичем — я вам его покажу для точности... — так вот, когда его товарищ, которого звали Гришкой, тоже поверил в реальность этого предприятия, они поклялись тайно обсадить дорогу в Малиновку. Тайно не потому, что это были чересчур скромные мальчишки. Я этого не скажу. Они были вполне нормальные ребята. И тому и другому было боязно, что вдруг да ничего не получится! Вытопчут черенки. Или сохнут. Хотя этого ожидать было нельзя. Короче говоря, принялись за дело. И опять же по плану.

Сначала наготовили черенков. Не по карандашу, а подлиннее. Чтобы с гарантией. И не тысячу сто штук, а больше. Почти две тысячи. И в погреб. Для профилактики от высыхания. А потом до школы и до солнышка бежали на дорогу. Со шнуром. С рулеткой. Чтобы не как попало, а по черте. И так — дней пять. Утром часа три, и как темнеть начнет, тоже часа два. Чтобы меньше глаз видело. А потом для перестраховки, еще штук триста понатыкали. Мало ли? Выпад! Неудачный черенок!.. Или даже корова копытом наступила — и конец черенку... Извините, я очень долго рассказываю. Но теперь уже не больше двух минут попрошу вашего внимания...

Высадили, так сказать, попотели, а усталости никакой. Потому что, когда горит человек в труде, какое же может быть уставание. Надеждой жили. И надежда не обманула. Вот она как сказала. Можете верить, можете нет. Пятьсот пятьдесят по эту сторону и пятьсот пятьдесят по ту. * * *

Закончив рассказ, Николай Иванович вздохнул, затем оглянулся на две ровные линии тополей и задумался.

Я тоже остановился в конце дороги и тоже, любуясь уходящими к станции полями, думал, как много заключено в детских настойчивых руках...

ДОРОГУ ХИМИИ

● Боевое задание следопытам

Какое питание нужно земле, чтобы получить высокие урожаи? Чего недостает почве в твоём районе — суперфосфата, калия, извести? Чтобы дать точный рецепт, надо иметь подробную карту почв своего района.

В прошлом году в третьем номере «Уральский следопыт» рассказывал вам, ребята, какие почвы есть на Урале, как исследовать их, провести анализ. Что нужно, чтобы создать агрохимическую карту.

В начале зимы старшеклассники Манчажской и Ачитской средних школ, Красноуфимского района, Свердловской области, обратились ко всем сельским школьникам с призывом — выйти в поход за плодородие земли, помочь в составлении почвенных карт!

«Мы понимаем, как это нужно сейчас, — писали ребята. — Все мы изучаем химию, каждый год работаем в учениче-

ских производственных бригадах. При составлении карт мы еще теснее соединим теорию с практикой, еще лучше подготовим себя для работы в сельском хозяйстве.

Мы думаем сделать так: зимой часть ребят получит специальность химиков-аналитиков, другие научатся пользоваться рабочими картами, а весной — все в поле».

«Уральский следопыт» поддерживает школьников Манчажской и Ачитской школ и еще раз обращается ко всем следопытам Урала: Создадим агрохимическую карту нашего края.

Если в каждом районе, колхозе, на каждом поле появится табличка-диагноз — географическая карта нашего края станет и агрохимической. Тысячи следопытских гектаров исследованной вами, ребята, земли дадут отличный урожай.

● По инициативе Ленина

По инициативе В. И. Ленина в Высшем Совете Народного Хозяйства, образованном в декабре 1917 года, был создан специальный отдел химической промышленности. Сохранились документы, которые свидетельствуют о том, какое огромное значение придавал Владимир Ильич развитию химии. Среди документов — телеграмма Уральскому совнархозу от 28 октября 1918 года.

«Предписываю Березниковскому заводу немедленно начать работы по организации радиового завода, согласно постановления Высовнархоза. Необходимые средства отпущены Совнаркомом. Работа должна вестись под управлением и ответственностью инженера химика Богоявленского, кото-

рому предлагаю оказать полное содействие. Предсовнаркома Ленин».

● Вермикулит — защитник растений

«Чудо-камень» — так назывался очерк, напечатанный в прошлом году в шестом номере «Уральского следопыта». В нем рассказывалось о вермикулите — разновидности слюды. Вермикулит необходим строителям как теплоизоляционный материал, легкий и долговечный. Нужен он и труженикам сельского хозяйства.

Вермикулит одновременно и почву удобряет, и создает стерилизующую среду для корней, и регулирует температурный режим, и способствует доступу влаги в почву. Вот почему им сейчас особенно заинтересовались ученые.

Группа сотрудников лаборатории неметаллических ископаемых института «Уралмеханобр» занята поисками наиболее совершенного способа обогащения вермикулита. И недалеко то время, когда наши колхозы получат влагеёмкий порошок, защищающий растения от засухи.

● Совсем просто

Огородники Асбеста, Свердловской области, давно заметили, что отходы асбестовой промышленности — серпентиниты, сотнями тонн идущие в отвалы, способствуют росту картофеля, свеклы, капусты.

Серпентинитами заинтересовались ученые. Они обнаружили в них окись магния. Значит, эта пыль может заменить известь и обогатить почву магнием.

Сотрудники Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства провели ряд опытов. Оказалось, что отходы асбестовой промышленности повышают кислотность почв и поэтому урожай картофеля, кукурузы, сахарной свеклы возрастает на 20 процентов (!).

На Урале серпентинитов масса. Ежегодно их можно брать 100 тысяч тонн и причем в готовом виде: они даже не требуют размола. Мимо такого богатства проходить никак нельзя.

А другие отходы производства? Например, шлаки сталеплавильных цехов? В состав их входят фосфор, медь, марганец, кобальт. Известно, например, что под влиянием шлаков урожай пшеницы на неплодородной почве увеличивается на 24 процента, да еще и поспевает она раньше. Самое интересное — действие шлаков на почву длится 6—9 лет.

Отходы промышленности — источник самого разнообразного питания растений. Но увы! Это богатство зачастую идет в отвалы. А почвы так нуждаются в нем.

● Туго будет сорнякам

Все чаще можно видеть над полями самолеты, за которыми, подобно дождевой полосе, тянется шлейф сероватой пыли. Это воздушные пропольщики рассеивают остро пахнущий порошок — гербициды. Для ржи, пшеницы, проса и других культур он безвреден, а сорнякам от него гибель — они тотчас же вянут.

На окраине Уфы двадцать лет назад был сооружен новый химический завод, который, наряду с другими реактивами, выпускал в небольших количествах и гербициды. Теперь предприятие выросло, а гербициды стали основной продукцией, причем выпуск их увеличился в десятки раз.

О том, как строители создавали цех 2,4-Д — цех гербицидов, о героическом труде уфимской молодежи, мы рассказывали в первом номере в очерке «Букет сирени».

Ныне башкирские гербициды используются в сорока областях и краях РСФСР. Несколько партий их было отправлено на Кубу, в Монголию, КНДР и ГДР.

В прошлом году уфимцы дали сверх плана тысячу тонн своей продукции.

Туго придется сорнякам!

● Первое место в Европе

В 1916—1917 годах Россия ввозила колчедан из Испании, фосфориты — из Африки и Флориды, серу — из Италии, калийные соли — из Германии, селитру — из Чили.

Сейчас по выпуску химических продуктов Советский Союз занимает второе место в мире и первое в Европе. Наша страна экспортирует серную кислоту, коксохимические и

лесохимические продукты, красители, каучук, резиновые изделия.

● Удобрения из дождя и снега

Оказывается, атмосферные осадки — это не только влага для растений, но и пища. В них всегда содержится некоторое количество растворенных газов, азотной кислоты, хлора, фосфора, калия...

В Коми АССР были проведены интересные исследования. Они показали, что за счет осадков, выпадающих в районе Сыктывкара, почва ежегодно получает от 2,9 до 4,5 килограмма азота на гектар, причем две трети получают с дождем и одна треть — со снегом.

Если считать, что для нормального развития растений требуется вносить 30—45 килограммов азотных удобрений на гектар земли, то 10—12 процентов падают буквально с неба.

● Защита от гнуса

Бензин — новое средство защиты от гнуса. Опрыснутые им животные становятся на

трое суток неприступными для комаров и слепней и других насекомых.

Казалось бы, что для животных назойливые насекомые — пустяк.

Ученые провели опыты в Московской, Тюменской и Омской областях. Оказалось, что применение бензина увеличило привесы молодняка (каждого животного) за лето на 6—8 килограммов, а подопытные коровы давали по одному центнеру молока дополнительно.

● Солома — соперник керамики

Строительные плитки из соломы напоминают керамические, но прочнее и дешевле. При испытаниях они прошли «огонь и воду».

Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института новых строительных материалов подсчитали, что только из одной тонны такой соломы можно получить сто квадратных метров изоляционных плит толщиной двадцать пять миллиметров или двести квадратных метров таких же плит толщиной пять миллиметров.

Соломенные плиты можно красить, оклеивать обоями, покрывать бумажным пластиком, эмалью.

В 1980 году в мире будет производиться около 280 миллионов тонн удобрений. Из них 120—135 миллионов даст химическая промышленность Советского Союза.

Если в 1965 году будет применяться на полях столько удобрений, сколько запланировано, то мы получим прирост урожая: более полутора миллиардов пудов зерна, 20 миллионов тонн сахарной свеклы, 30 миллионов тонн картофеля.

Всесоюзная ударная комсомольская стройка цеха двойного суперфосфата в Красноуральске, Свердловской области, вступила в строй. Этот цех будет выпускать столько двойного суперфосфата, сколько его необходимо для сельского хозяйства трех областей, равных Свердловской.

Каждый рубль, вложенный в производство удобрений, обеспечит в среднем прирост урожая на 10 рублей.

ПУТЬ К ИСЧЕЗНУВШИМ БЕРЕГАМ

Михаил НЕМЧЕНКО

Времяпроходцы

Пожилой геолог, познакомивший меня с Георгием Алексеевичем Смирновым, первым делом задал ему вопрос, показавшийся мне тогда очень «странным»:

— Ну, какие новости с Фаменского моря?

— А вот тут у меня как раз интересный гость оттуда.— Георгий Алексеевич взял со стола небольшой зеленовато-серый камень.— Извлекли, так сказать, из отмели... В общем, думаю, что мы там все-таки кое-что найдем, в этом самом Фаменском море.

— Где это такое море? — не выдержал я.— Что-то не слышал...

— Было такое.— Глаза Смирнова улыбнулись.— Между прочим, и на том месте, где мы с вами сейчас стоим. Только плескалось оно здесь давненько — триста сорок миллионов лет назад. Слышали о такой науке: палеогеографии?

...С того дня Георгий Алексеевич не раз брал меня в «настольные» путешествия по древним материкам и океанам. Рассказывая, он вынимал из ящичков образцы пород, и словно оживали разложенные вокруг палеогеографические карты. Передо мной возникали каменистые равнины девонских континентов и влажные папоротниковые джунгли каменноугольного периода, горы, вырастающие в дыму и пламени вулканических взрывов, и населенные удивитель-

ными созданиями моря, то отступающие, то вновь заливающие огромные пространства будущей Европы и Азии. И, чем больше я узнавал, тем больше поражался ювелирной тонкости методов, с помощью которых все уверенней заглядывает в темные глубины времен палеогеография,— молодая наука о древних ландшафтах Земли. Удивительно дальноркая наука, родоначальником которой был наш знаменитый земляк академик Александр Петрович Карпинский.

Кто останется равнодушным, слушая рассказ о том, как по едва заметным знакам ветровой ряби на окаменевшем песчанике ученые определили направление ветров, дувших почти четверть миллиарда лет назад над одной из тогдашних пустынь! Как ленинградский палеогеограф А. В. Хабаков по расположению и размерам галек, оставленных давно исчезнувшими горными потоками, установил не только направление их русел и среднюю скорость течения, но и примерную высоту древнеуральских Альп, с которых стекали эти реки конца палеозойской эры...

Да что и говорить, у этой науки есть, чем поразить воображение. И все-таки я не мог удержаться от прозаического вопроса:

— Ну, а где они конкретно могут пригодиться эти карты канувших в вечность земель и вод?

— А вы любите ходить по ягоды? — спросил Смирнов.

— По ягоды?! — Признаюсь, я несколько опешил.— Люблю. Только... какое это имеет отношение к палеогеографии?

— Самое прямое. Вот представьте себе, что вы приехали в незнакомую местность и собираетесь идти по землянику. Где вы будете ее искать? Ясное дело, в сосновом бору или на просеке вокруг пней. На болото вы за ней не пойдете, так же как никому не придет в голову искать клюкву на сухих припекаемых солнцем пригорках. Вот и с нашими подземными «ягодами» — полезными ископаемыми — аналогичная история. Каждое из них «произрастает», образуется в совершенно определенных ландшафтных условиях. И, чтобы давать поисковикам правильные направления, надо хорошо знать эти условия, знать географию тех времен, когда формировались интересующие нас ископаемые. Особенно, если они осадочного происхождения... Ясно теперь зачем? — Георгий Алексеевич прошелся по комнате и, видимо, думая о чем-то своем, негромко заключил: — К сожалению, пятнадцать лет назад это было ясно далеко не всем...

Дороги и развилки

Солнечный весенний день 1948 года. Кабинет одного из руководителей Уральского геологического управления. Судя по всему, разговор подходит к концу.

— Значит, никакой надежды? — в последний раз спрашивает Смирнов.

— Я вам уже сказал.— Голос начальника сух и официален.— И вообще мне даже как-то странно слышать от бывшего геолога подобные прожекты. От нас требуют новых месторождений, а вы вдруг предлагаете заниматься такой сугубо академической штукой, как палеогеография...

— Именно потому и предлагаю, что она поможет нам быстрее находить месторождения,— пробует возразить Смирнов.— Ведь что же получается? Московские и ленинградские палеогеографы проводят у нас на Урале столько интересных исследований, а мы, уральцы, в работе этой почти не участвуем...

Но начальник явно не расположен открывать дискуссию.

— Короче говоря, ни о какой палеогеографической партии не может быть и речи. Поймите! Нам с вами план выпол-

Георгий Алексеевич Смирнов.

нить надо.— Он снимает телефонную трубку, недвусмысленно давая понять, что его ждут дела.— И, кстати, вам должно быть известно, что и в Уральском филиале Академии наук тоже никто палеогеографией не занимается.

— Верно,— кивает головой Смирнов.— Но сейчас как раз собираются начать. И согласны меня взять...

— Ах вот как! — Начальник кладет трубку на место.— И кем же они вас берут?

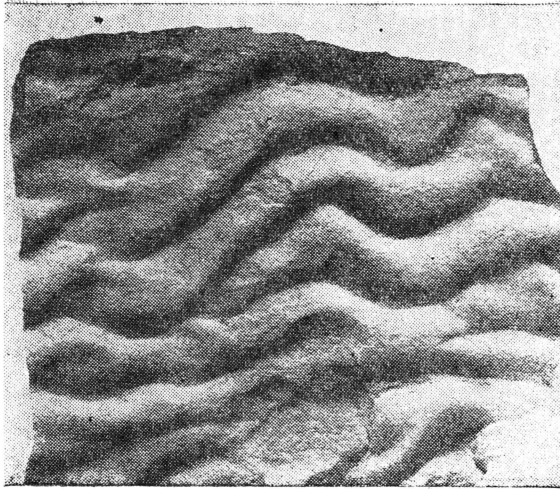
— Пока младшим научным сотрудником.

— Н-да... — Начальник неожиданно спрашивает: — Сколько вам лет, Георгий Алексеевич?

— Хвастаться нечем,— шутливо разводит руками Смирнов.— Через год разменяю пятый десяток.

— Вот видите. Поздновато вам, семейному человеку, превращаться из начальника партии в младшего научного сотрудника. В общем, по-дружески советую хорошенько подумать, прежде чем принимать окончательное решение. А то, смотрите, как бы не пришлось потом пожалеть...

Медленно шагая домой по шумным весенним улицам, Смирнов заново переживал состоявшийся разговор. Да, конечно, в срок лет все это не так-то просто. В геологическом управлении он давно и прочно акклиматизировался. Стаж. Привычная, хорошо оплачиваемая работа. Там, в горногеологическом институте УФАНа, он будет получать почти вдвое меньше. Да и вообще так круто все менять, когда на висках уже седина... Ведь неизвестно еще, как оно

В таком виде на поверхности пласта песчаника сохраняются «следы» воздействия волновых движений древнего моря.

у него пойдет, это новое, требующее полной самоотдачи дело...

И тут, как всегда в трудные минуты жизни, вспомнился Георгию Алексеичу его учитель — тот, кто столько лет строго и испытующе смотрит на него с портрета, висящего над письменным столом. Вспомнились слова, сказанные им однажды у костра на лесном привале: «Коротка жизнь, Георгий. Эх коротка... И самое горькое — не успеть себя в ней по-настоящему найти. Смолоду и до старости искать надо! И запомни: никогда не поздно начать все с начала».

«Никогда не поздно»... Кто-кто, а Алексей Николаевич Иванов имел право это сказать. Когда-нибудь о нем еще напишут книгу, об этом человеке с поистине удивительной биографией. Самоучка, окончивший пять классов гимназии, полжизни проработавший маркшейдером на старой Кизеловской шахте, он уже стариком, на пенсии, вдруг неожиданно для всех пошел в науку. И как пошел! Если интересуетесь, откройте 17-й том Большой Советской Энциклопедии — там кратко говорится о работах виднейшего уральского ученого-геолога А. Н. Иванова, которому за особые заслуги степень доктора наук была присвоена без всяких диссертаций. Вот с кем посчастливилось встретиться Георгию Смирнову, когда, впервые выйдя на развилку жизненных дорог, он никак не мог решить, какую же из них выбрать.

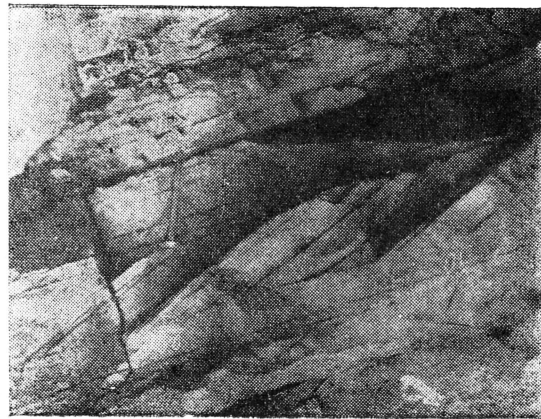
Сомнения начались сразу же после окончания школы. Слишком многое увлекало молодого парня: математика и путешествия по родному краю, книги по естественной истории и самодельные приемники, к восторгу домашних успешно ловившие Москву в те годы, когда Свердловск еще не имел собственного радиовещания. А больше всего хотелось работать. Работать крепко, по-настоящему. И Георгий, с мальчишеской горячностью решив одним ударом разорубить гордиев узел своих колебаний, стал электромонтажником.

Впрочем, ненадолго. Весной 1929 года, окончив курсы буровых рабочих, он отправился на разведку железных руд. Бурил в Алапаевске, Бакале, Сатке, на далекой таежной Вишере. Дело шло не плохо, и вскоре Смирнова поставили буровым мастером. Но тут он снова удивил всех неожиданным решением, попросившись рядовым коллектором в съемочную партию к Алексею Николаевичу Иванову.

— Чудит парень, — пожимали плечами знакомые. — Сам не знает, что ему надо.

Смирнов, и правда, еще точно не знал. Просто столбики керна, извлекаемые из скважин, увлекали его гораздо больше, чем сам процесс бурения. Вот и надумал пойти в «сборщики камней»...

Георгию Алексеичу навсегда запомнился небольшой эпизод этой первой в его жизни экспедиции. Дело было на Западном Урале. Как-то они с начальником партии шли вдвоем вверх по тече-

Вот они, косые слои, помогающие палеогеографам определять направление древних потоков.

нию извилистой лесной речки Анюши. В одном из береговых обнажений, отбивая молотком образцы пород, молодой коллектор нашел несколько окаменелостей. «Визейские известняки» — определил Иванов. И, осмотрев наклон пласта, спокойным будничным голосом, словно о чем-то само собой разумеющемся, сказал: «Через двести метров будет угленосная толща».

Про себя Смирнов только недоверчиво усмехнулся, услышав столь безапелляционный прогноз. И, когда за поворотом реки увидел в обрыве толстую полосу глинистой сажисто-черной массы, чуть не вскрикнул от изумления, посмотрев на начальника так, словно перед ним был волшебник.

— Алексей Николаевич, как же это вы так... угадали?

— Это не я, Георгий, — ответил Иванов. — Это — геология.

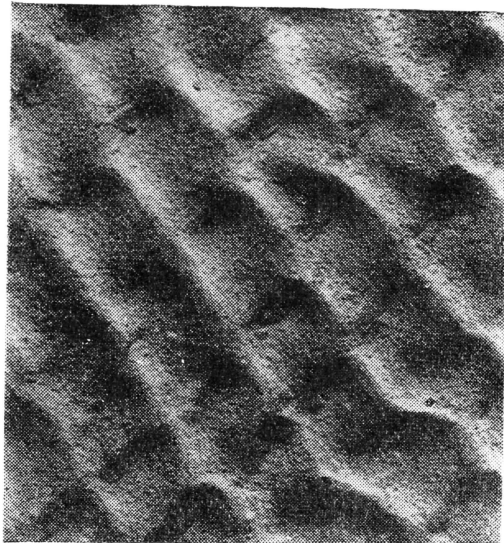
Вот тогда-то впервые по-настоящему понял Георгий Смирнов, каким волшебным зеркальцем может быть в умелых руках простой, внешне ничем не примечательный камень. И еще понял, что отныне выбор сделан. Он будет геологом — больше никем.

Мечта, зовущая вглубь

Много еще таежных дорог и троп исходил Смирнов со своим учителем. Поступив в 1932 году на геологический факультет Уральского университета, он по-прежнему каждое лето становился коллектором съемочной партии. Шли первые пятилетки — время первого большого штурма уральских недр. В разных направлениях пересекая родные горы, Смирнов своими глазами видел, как год от года все детальней и подробнее становятся геологические карты — верные проводники к подземным кладовым. И невольно хотелось мысленно заглянуть далеко вперед, помечтать о будущем любимой науки.

— Алексей Николаевич, — обратился он однажды к Иванову, — ну вот станут геологические карты окончательно подробными, а дальше что? В каком направлении будет развиваться геология?

— Окончательно подробными? Ну до этого, брат, еще далеко... А потом, что ж,

Поверхность пласта песчаника, на которой запечатлены течения двух перекрещивающихся направлений в морском бассейне далекого геологического прошлого.

потом пойдем все дальше вглубь. Займемся вплотную глубинными пластами и древними эпохами...

Вглубь! Это о них, непроглядных пучинах миллионнолетий, таящих в себе ключи к бесчисленным геологическим загадкам, думал студент Смирнов, когда летом тридцать шестого года отправился на лодке по Чусовой, чтобы исследовать в береговых отложениях остатки жизни начала каменноугольного периода. Результатом была скромная курсовая работа «О палеоэкологии визейского времени». Мог ли он тогда знать, что двадцать лет спустя эта работа войдет как составная часть в одну из его монографий.

Июнь 1941 года Смирнов встретил вдали от населенных мест. Много дней отряд геологов, которым он руководил после окончания университета, работал в тайге, ничего не знал о событиях, происшедших в мире. А когда вышли к железной дороге и увидели идущие на запад воинские эшелоны с боевыми призывами на вагонах, — без слов поняли все.

Вскоре с одним из таких эшелонов уехал на фронт и Смирнов. Войну он начал под Тулой командиром радиозвезда, а кончил в Румынии помощником начальника связи корпуса. На четыре года геологию пришлось забыть. За-

быть так основательно, что, когда Георгий Алексеевич вернулся домой, ему очень многое пришлось вспоминать заново, с самого начала.

И снова — экспедиции. Уфимский амфитеатр — немало интересных находок сделала поисково-съемочная партия Смирнова в этом районе. Но, чем больше вчитывался геолог Смирнов в книгу Уральских недр, тем больше встречалось ему темных, размытых временем страниц. И все чаще приходила мысль: мало знать условия залегания пород, надо детально изучать их родословную. Ибо, как невозможно понять заключительные главы объемистого научного труда, не прочитав его первой части, так нельзя до конца раскрыть загадки сегодняшних недр, не зная, как менялся облик Земли в геологическом прошлом.

Георгий Алексеевич обратился к литературе. Снова и снова внимательно изучал он книги академика Карпинского, работы советских палеогеографов, посвященные Уралу. Смирнов видел: сделано уже немало. Но зияющие белыми пятнами палеокарты красноречивей слов говорили о том, какие огромные пространства нетронутой палеогеографической целины еще предстоит освоить. Целины, которую можно было по-настоящему поднять только повседневной систематической работой. И Георгий Алексеевич твердо решил стать одним из таких «целинников».

...Вот так и получилось, что пятнадцать лет назад в горногеологическом институте Уральского филиала Академии наук появился новый младший научный сотрудник.

Тайна „угленакопительницы“

«Колумбы исчезнувших земель» — так иногда в шутку называют палеогеографов. И, если вдуматься, это не такое уж шутливое сравнение. Да, им, разведчикам и кропотливым реставраторам ландшафтов минувшего, в полной мере дано испытать тревоги и радости первооткрывателей.

Есть у палеогеографов и свое, так сказать, магическое слово, звучащее для них таким же призывным кличем, каким был для моряков старинных каравелл несущийся с мачты крик «Земля!». Это слово — «разрез»! Обнажениям древних

пород обязаны следопыты недр своими знаниями о былых морях и землях.

От разреза к разрезу и пролегают маршруты палеогеографических экспедиций. Многие сотни километров накручивают за лето на спидометры «зеленые кони» — как любовно именуют разведчики свои походные двухтонки. И, чем больше остается позади исследованных обнажений, тем отчетливее проступает на картах древняя география Каменного Пояса.

Нелегко они даются, эти карты. Взять хотя бы историю с «древнеуральской Волгой».

Об этой реке — праматери Кизеловского бассейна — уральским геологам было известно, казалось бы, не так уж мало. Знали, что была она по-волжски широкой и многоводной, впадая перемещавшейся за сотни тысячелетий болотистой дельтой в теплое море, заливавшее в те времена почти весь Урал. Знали, что росли на ее низменных топких берегах, а то и прямо в воде гигантские сигиллярии и лепидодендроны, окаменевшие остатки которых и сегодня находят в кизеловских и губахинских угольных толщах — спрессованных временем кладбищах сырых палеозойских лесов. Знали даже о том, что царила в тех мрачных прибрежных чащах мертвая тишина, нарушаемая лишь шелестом крыльев огромных насекомых: ведь тогда, в каменноугольном периоде, на Земле еще не было ни одной птицы.

Но не знали геологи главного: откуда и в каком направлении текла эта исчезнувшая триста миллионов лет назад река-угленакопительница.

Большинство, правда, придерживалось мнения, что река несла свои воды с востока. Но, начав вплотную заниматься палеогеографией Западного Урала, Смирнов убедился, что эта гипотеза несостоятельна. Факты говорили совсем о другом. И, чтобы добыть как можно больше таких фактов, Георгий Алексеевич и его помощники развернули по всему Кизеловскому бассейну настоящую охоту за косослоистостью.

Вам, конечно, приходилось видеть песчаные дюнки, образуемые течением на дне ручьев и рек. Год за годом, век за веком растут эти маленькие подводные холмики, покрываясь все новыми слоями песчинок. И пласты песчаника, в которые превращаются через много

миллионнолетних речные отложения, сохраняют в себе следы древних дюнок — косослоистость. Вот за такими «отпечатками» дельтовых потоков «древнеуральской Волги» и охотился Смирнов в обнажениях угленосной толщи.

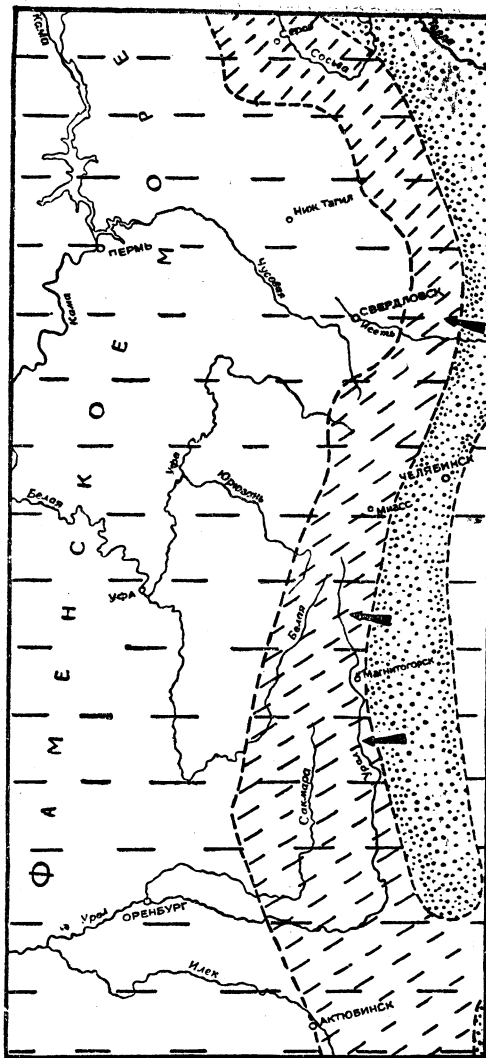
Замеры, диаграммы, снова замеры... Устав от бесконечного однообразия этой черновой работы, Георгий Алексеевич порой спрашивал себя: «Не хватит ли?». И тут же сердито обрывал: «Нет, мало!». Он знал, что ни одной из этих косослоистых пачек в отдельности верить нельзя. Ведь многие из них могли оказаться отпечатками петляющих дельтовых извилин, направленных совсем не в ту сторону, куда несла свои воды река. Только собрав горы материала, изучив пространственную ориентировку сотен и сотен косых слойков, можно было статистически определить главный вектор течения.

И в конце концов он был определен: почти три четверти исследованных обнажений показали преобладающий наклон слоев к востоку. Итак, река текла с запада! Доказательства были столь неопровержимы, что теория «восточных истоков» без лишних споров сошла со сцены. Молодая уральская палеогеография выдержала экзамен на зрелость. По-настоящему радостно было на душе у Георгия Алексеевича, когда он нанёс на карту свою, с таким трудом вырванную у недр, схему древней Кизеловской дельты.

Это открытие позволило во многом по-новому представить картину углеобразования на Урале.

Продолжение Кизеловского бассейна надо искать на западе — такой практический вывод сделали палеогеографы из проведенных исследований. И этот прогноз, совпадающий с заключениями некоторых других специалистов, в последнее время начинает подтверждаться. Именно западнее Кизела недавно обнаружены новые перспективные угольные пласты.

Ну, а восточный склон Урала? Здесь стрелка прогноза направлена далеко-далеко на север вдоль намеченной палеогеографами береговой полосы древнего Сибирского континента. Есть основания предполагать, что под таежным океаном уральского Севера скрывается еще не одно богатое месторождение каменного угля.

Побережье Фаменского моря, нанесенное на карту палеогеографами. Стрелками показаны наиболее крупные потоки, стекавшие с гористой уральской суши. Полоса вдоль берега — зона песчаных отложений, снесенных с суши.

Широким фронтом

Полтора десятилетия назад Георгий Алексеевич был единственным на весь Урал «картографом геологической старины». А сейчас десятки палеогеографов работают в Перми и Уфе, Сыктывкаре и Челябинске — во всех центрах уральской геологии. С интересными работами выступили в последние годы Л. А. Умова, А. М. Кутергин, И. В. Пахомов, В. П. Мухина и другие исследователи. Многие из них — ученики Смирнова. Немало радостных встреч произошло позапрошлой весной, когда все они

съехались в Свердловск на первое совещание по палеогеографии Урала. Совещание поставило смелую задачу: в ближайшие годы создать крупномасштабный палеогеографический атлас нашего края по всем эпохам.

Крупномасштабный! Это значит, что существующие карты рассматриваются лишь как первоначальная канва, по которой будет наноситься все более тонкий ажурный рисунок стертых временем ландшафтов. «Географию далеких эр — крупным планом!» — под таким девизом ведут сегодня исследования следопыты геологической истории Урала. И направляет, координирует их работу лаборатория геологического института УФАна, руководимая кандидатом геологоминералогических наук Георгием Алексеевичем Смирновым.

Да, теперь уже никому не придет в голову называть палеогеографию «сугубо академической штукой». Молодая наука стала верной и действенной помощницей геологов-поисковиков. Пришла она и в Уральское геологическое управление. Сейчас здесь несколько палеогеографических партий. У каждой из них — своя «подопечная» геологическая эпоха. Кстати, одной из этих партий руководит жена Георгия Алексеевича — Тамара Александровна Смирнова, соавтор ряда его работ и неизменный спутник в экспедициях.

Вот и последние два лета они вместе занимались исследованиями на Южном и Западном Урале. На этот раз главной целью их путешествия был турнейский век — самый первый, предшествовавший визейскому, этап каменноугольного периода. Но при этом они заглядывали и поглубже — в верхние слои девона. И заглядывали, надо сказать, особенно пристально. Дело в том, что там, в верхнедевонских отложениях, обнаружены очень интересные для науки камни.

Отмель в обрыве

Нет, Георгий Алексеевич и его товарищи не были «первооткрывателями» этого скалистого выхода песчаников на берегу степной южноуральской речки Узельги. Геологи не раз бывали здесь и раньше. Только никто из них не увидел в пластах речного обрыва ничего заслуживающего особого внимания. Потому

что, оказывается, есть вещи, которые можно увидеть лишь «палеогеографическим зрением».

Море — вот что отчетливо разглядел Смирнов, изучая обнажение на Узельге. Собственно, следы этого моря, покрывавшего в фаменский век Русскую платформу и почти весь Урал, он и прежде встречал во многих разрезах. Но здесь перед ним было мелководье — та прибрежная зона, где долгими тысячами лет осаждались истертые обломки горных пород, сносимые с суши реками и ливневыми потоками. Кусок этой островной суши, высящейся некогда на востоке Урала, и лежал сейчас «в размолото-спрессованном виде» зеленовато-серым песчаником речной кручи. Песчаником, в котором перемешался прах древних хребтов и плоскогорий, источенных девонскими ветрами береговых утесов и размытых рудных тел...

Рудных тел! Об этом не мог не подумать палеогеограф Смирнов, разглядывая плотные тяжелые камни, где среди светлых кварцевых зерен угадывались крупинцы тяжелых минералов. И, конечно, он вспомнил в этот момент о богатых магнетитовых песках, обнаруженных недавно на черноморском берегу Кавказа, о вольфрамите, олове, золоте, добываемых из песчаных россыпей в разных районах земного шара. А почему бы не поискать такие же клады в окаменевших отмелях ископаемого уральского моря?

Взять пробу оказалось не так-то просто. Много часов исследователи, сменяя друг друга, толкли в чугунной ступе у своей палатки куски неподатливого камня. Но результат заставил забыть о несовершенстве «аппаратуры»: почти весь шлик состоял из магнетита.

Месторождение?! Увы, последующий тщательный анализ показал, что среднее содержание железа в песчаниках Узельги гораздо меньше, чем казалось вначале. Руда бедная. И все-таки это руда! Не известная до сих пор на Урале «древнеморская» руда, сам факт открытия которой заставляет по-новому взглянуть на фаменские отложения. Теперь разведчики недр будут внимательней исследовать отмели древнего моря. И, кто знает, может быть, в недалеком будущем в этих, считавшихся бесперспективными, толщах будут сделаны новые интересные находки.

РУССКИЙ ЛЕС

Аф. МАТРОСОВ

*Полегла трава густая,
Спит ивняк по берегам.
Ночью стая горностаев
Разбежалась по лугам.*

*С той поры в убранстве белом
Рощи, горы и поля.
Словно известью и мелом
Запорошена земля.*

*Лес по-зимнему украшен,
Сизым инеем оброс.
И теперь ему не страшен
Разгулявшийся мороз.*

*Лоб мохнатая ушанка
Закрывает до бровей.
Богатырская осанка:
Смотрит строже и бравей.*

*Молчаливый, величавый.
Не шумит, не шелестит.
В бороде его курчавой
Пыль алмазная блестит.*

*Ветры он встречал лихие
И лихие холода,
Но под натиском стихии
Не сгибался никогда.*

*Лес сломить в единоборстве
Никому не удалось...
Видно, русское упорство
И ему передалось!*

КВАНТЫ ИЛИ МЫСА

Рассказ

Олесь БЕРДНИК

Рисунки Ю. Ефимова

Планета ночи

— Капелла! Капелла! — звучало в пространстве.

Пальцы космонавта привычно пробегали по узлам электронного мозга, пытаясь отыскать повреждение. Ничто не помогало. Незнакомый мощный пояс радиации мгновенно вывел из строя всю аппаратуру квантовых двигателей и радиосвязи.

— Капелла! Капелла! Что с вами? — доносился озабоченный призыв Земли.

А «Капелла» — экспериментальный квантовый корабль — падал на Плутон, хотя по программе полета он не должен был быть и вблизи этой планеты.

Восемь часов назад произошло несчастье. Основные двигатели замерли. За молчала радиостанция. Только автономный молекулярно-кристаллический приемник принимал еще призыв Земли. Но ответить космонавт не мог.

Одиночество

Он решил действовать. Корабль летел в неизвестность. Если его не остановить — родная система навсегда останется позади, гигантская сила инерции понесет корабль к далеким звездам. Молчаливая и беспомощная «Капелла» станет игрушкой межгалактической пустыни.

Космонавт включил специальные стартовые двигатели. Полет замедлился. Миновали часы. И вот... падение на Плутон. На планету вечной ночи и тайн.

Что ждет его там? Без горячего! Без друзей! Без связи!

А впрочем, некогда размышлять. Надо во что бы то ни стало посадить корабль, сохранить его для тех, кто ступит когда-либо в мир ночи. Сохранить корабль и научные ценности, добытые в опасном полете. Это самое главное. Впереди еще достаточно времени, чтобы подумать о себе, о «личном».

— Капелла! Капелла! — звала Земля.— Почему молчите? Мы потеряли связь с вами! Капелла! Капелла! Квантовый корабль «Солнце» готов стартовать с Луны на поиск. Капелла! Мы ждем ваши координаты!..

А из тьмы Космоса медленно надвигалась зеленовато-туманная поверхность Плутона. Острыми жалами поблескивали пики гор. Змеями чернели причудливые извилины — то ли пропасти, то ли русла бывших рек.

— Капелла! Буредей! Почему молчишь? — с болью кричало Пространство. Нет, это уже не Пространство, не просто Земля, а человек, друг. Он, Буредей, узнает его. Командир группы звездолетов на Луне. Соратник по многим полетам, одноклассник по юношеской космошколе — Огнев.

Буредей включил стартовые двигатели. Корабль мелко завибрировал. Багряные вспышки озарили окна.

Хоть бы посадить на равнине! Хоть бы не разбить «Капеллу».

С планеты навстречу кораблю завихрилась туча блестящих кристалликов. И в то же мгновение «Капелла» содрогнулась от удара.

На полуслове оборвался голос Земли. Буредея вдавило в антигравитационное кресло. Затуманилось сознание. Снаружи послышался скрежет.

А затем тишина...

Тишина и тьма.

Тьма и тишина.

«Капелла» очутилась в плену Плутона.

При ударе корабля о поверхность планеты космонавт потерял сознание. Он долго лежал в кресле неподвижно. Затем до слуха его, точно сквозь вату, донеслось тихое шипение, тонкий свист.

Буредей прислушался. Свист не прекращался. Почему-то застыли щеки. Начал пощипывать нос, точно на сильном морозе. Стало трудно дышать.

Буредей закрыл шлем скафандра. Включил подачу кислорода и обогрев. По щекам потекли холодные струйки талого инея.

Пульт погас. Погасли глазки электронных машин, индикаторы навигационных приборов, экраны локаторов. Сердце «Капеллы» перестало биться. Сквозь какие-то щели уходило ее последнее дыхание...

Сжав зубы, сдерживая боль, Буредей поднялся с кресла и прошелся по кабине. Он ничего не мог сделать. Автоматы не работали — ни основные, ни дублирующие. Он вытер иней на дверях автономного управления, раскрыл их. Выключил подачу воздуха в кабину — его нужно сохранить для скафандра — и по коридорам добрался до реактора. Кое-где толстые стены корабля были разорваны страшным ударом — сквозь раны пробиралось дыхание морозной темноты, блестели звезды.

Буредей осмотрел записи автоматов. Собрал их, перенес в центральную кабину. Пусть все будет вместе. Когда наступит последний час, он подведет итоги полета, запишет свои мысли о корабле. А пока — выйти наружу. Исследовать поверхность Плутона. Ведь здесь — он первый. Вероятно, отыщется что-то интересное. Пусть это тоже будет его вкладом в знания...

Со всех сторон «Капеллу» окружали причудливые нагромождения скал.

Буредей пошел вперед, с трудом передвигая ноги в скользких россыпях мерзлых зеленоватых кристалликов. Идти было необычно тяжело. Наконец ему удалось выбраться на твердое, на «землю» Плутона. Он осветил ее прожектором. Под ногами чернела плавная, сплошная, без единой щели, порода. Он попробовал отбить кусок. Порода не поддавалась. Вещество Плутона оказалось тверже земных алмазов. Буредей оглянулся. Совсем недалеко был горизонт. На нем зубцами

громоздились такие же скалы, как и вблизи. В свете ярких звезд они казались таинственными, головокружительными. Совсем небольшая планета. Не больше Марса. Но порода, ее масса! Почему она такая плотная?..

Он вздохнул. Что ж, у него хватит времени, чтобы изучить этот удивительный мир. И записать наблюдения. Он будет счастлив тем, что сможет подарить людям еще одно открытие.

Буревей сверился с пеленгатором, отметил место корабля и двинулся дальше, выбирая проходы меж скалами. Горный массив резко оборвался. От самого подножия до горизонта полукругом расстилась равнина, покрытая ровным слоем зеленоватых кристалликов. Они поблескивали холодными искорками.

Буревей постоял, включив внешние микрофоны. На планете царила тишина, абсолютная тишина.

Он взобрался повыше и остановился на скалистом выступе. Из-за горизонта сверкнула яркая звезда. Солнце! Оно маленькое, почти не отличается от далеких звезд, но сердце чувствует его животворное тепло, его родные лучи. Где-то там и Земля... Совсем рядом со светилом.

Земля! Отчизна моя... Мой дом! Среди пустыни иных миров мы узнаем глубину своей любви. Мы устремляемся за лучом разума своего в беспредельность, а сердце наше все равно связано нитью любви с твоим сердцем...

Космонавт зашагал назад, к кораблю. И вдруг ему показалось, что рядом кто-то есть. Кто-то живой, разумный. Точно неотступный взгляд ощутил Буревей на себе, точно невидимые руки коснулись его.

Он оглянулся. Скалы, пропасти, нагромождения кристаллов... Что это? На каменной площадке возвышается что-то странное. Это не скала, нет. Неужели создание разумных существ? Здесь, среди льдов и мертвой тьмы?

Подошел, взволнованный, к причудливому предмету, осветил его прожектором и увидел очертания неземного лица, высеченного в черной породе, крепко прижатые к груди руки. Вся гигантская фигура была воплощением собранности, сосредоточенности, неподвижности. Но глаза казались стрелами, направленными могучей силой воли в пропасть мироздания. Как удалось неизвестным творцам через эту мертвую породу высказать свой

замысел? Кто они были? Пришельцы или жители Плутона? А может быть, путешественники с других планет — Юпитера, Урана? Разумные существа, о которых мы уже знаем, но которых до сего времени не встретили! А может быть, они были коренными жителями и погибли по неизвестным причинам, оставив другим, далеким братьям последний привет — стремление своего разума в беспредельность, высказанное в черном камне...

Молчит пустыня. Молчит Пространство. Только глаза неизвестного брата пронзают Космос, стремясь к единению с огнями далеких миров...

Статуя и призрак

Миновало много часов.

Буревей уже не отмечал их. Он работал, чтобы забыть о себе и времени.

Отремонтировал кабину, наложив на разрывы пластмассовые швы, наполнил ее воздухом, обогрел атомными батареями. Большую часть времени он тратил на поиски знаков чужой культуры. После утомительных путешествий возвращался на корабль усталый, съедал консервированную пищу, отдыхал и присаживался к столу, чтобы аккуратно записать впечатления. Ритм прежде всего! Пока он придерживается ритма жизни — он человек. Нарушит — и хаос покатит его сознание к равнодушию и смерти.

Иногда Буревей глядел на себя в зеркало. Он не замечал ни морщин на лбу, ни густой седины, покрывшей за несколько суток черные волосы. Какое это имеет значение? Ему казалось, что это не он: исхудавшее лицо, иссохшие губы и желтизна на щеках. Только синие лучи глубоко запавших глаз напоминали знакомого Буревея, которого сознание привыкло называть «я»...

Ему удалось принести на корабль несколько образцов породы Плутона, набрать в контейнер кристаллы. Анализ показал, что порода Плутона массивнее земных в несколько раз. Такой на Земле и на ближних планетах исследователи не встречали. Кристаллики представляли собой замерзшую сверхтяжелую воду. Буревей радовался: это будет сюрпризом для будущих поселенцев. А они будут. Непременно.

Человечество изучит родную систему и устремится к иным звездам. Здесь, на

Плутоне, построят станции, космодромы, институты. Энергия ядра даст тепло, над планетой закружатся искусственные солнца. Растают льды, образуется атмосфера. И зашумят здесь деревья, травы — здесь, где пока царит мрак и холод. Зазвонят детские голоса... И глаза новых, грядущих поколений пронзят межгалактическое пространство неудержимым желанием знания, как и взгляд того, Неизвестного, образ которого воплощен в камне...

Расширяя круг поисков, Буревай обозначил координаты корабля, статуи, намечил маршруты. Он хотел исследовать всю равнину, пролегающую между громадами гор и скал. Однажды неподалеку

от статуи Неизвестного с ним случилось неожиданное.

Над зубцами скал взошла звезда — Солнце. Буревай несколько минут с нежностью глядел на нее. И вдруг содрогнулся!

На фоне звездного пространства мелькнуло какое-то тело. Одно неуловимое мгновение — и фигура преградила путь Буревай. Она задрожала, всколыхнулась и двинулась навстречу.

Что это? Неужели житель Плутона? Здесь, среди снегов и холода? Правда, ученые предвидели возможность жизни в любых условиях — среди жары и даже в холоде космического пространства.

Все ближе фигура. В свете далекого Солнца она кажется полупрозрачной. Она похожа на человека Земли. Может быть, галлюцинация?

Буревей закрыл глаза. Опять раскрыл.

Фигура виднелась совсем близко. Женщина. Очертания ее туманны. Но как выразительны большие глаза. Полные губы шевелятся, слышны четкие взволнованные слова:

— Друг Буревей! Наконец!.. Мы отыскали вас...

Буревей ничего не ответил. В голове вихрем пронеслись мысли. «Нет-нет, этого не может быть! Это игра утомленного мозга...»

А женщина, протянув ему навстречу руки, говорила:

— Мы гордимся вами. Среди пустыни вы сохранили мужество. Еще совсем немного, и вы будете на Земле. Слышите ли вы меня? Понимаете ли?

Буревей проглотил комок, остановившийся в гортани, хрипло произнес:

— Я слышу вас. Но кто вы? Здесь нет воздуха, а вы без скафандра. И как я слышу вас?

— Мне некогда объяснять,— улыбнулась женщина.— Будьте терпеливы. Скажите ваши координаты. И включите прожектор через двести часов. Слышите — через двести часов!

Он сообщил координаты, и фигура женщины мелькнула ярким пятном в пространстве, исчезла.

Вновь никого. Тишина. Неподвижность. Яркие звезды и мертвая планета.

Буревей оглянулся. В мужественном сердце зародился страх: неужели он сошел с ума? Но почему видение было таким жизненным, земным, родным? Почему разговор шел о спасении? Координаты... Прожектор...

Он пытался хоть чем-нибудь обосновать увиденное. Объяснение не находилось. Возможно, он что-то пропустил из последних научных достижений Земли? Что же именно? Путешествие без ракет, без скафандра? Чепуха! Пространственное телевидение? Как? И как услышал он голос? Быть может, могучий луч радиогравипередатчика, направленного действия? За шесть миллиардов километров? Нет, не может быть! И для этого нужно, чтобы на Земле знали, где он находится. А этого никто не мог знать...

Буревей двинулся было вдоль горного массива, чтобы снова искать остатки цивилизации.

Но даже эта задача вдруг потеряла для него смысл. Он вновь и вновь возвращался к видению. Через двести часов ему нужно зажечь прожектор. Прожектор? Зачем? Неужели сюда прибудет корабль? Он может быть лишь квантовым. «Солнце», о котором сказал Огнев? О, Земля, я ничего уже не могу понять...

Нужно стиснуть волю в кулак. Нужно сдерживать бурные удары сердца. Вперед, вперед!.. Тайны Плутона ждут человека, Вперед, Буревей! Новые чудеса и тропы жизни ждут тебя!

Кванты или мысль?

Теперь Буревей, закончив программу очередных исследований, подолгу приставал у статуи. Где-то в глубине хранил он неясную надежду, что видение появится.

Но никто не появлялся. Пустыня молчала. Молчал Космос.

Так в сомнениях, надежде и борьбе минуло сто девяносто часов. Пора. Пора включать прожектор!

Буревей подготовил батареи, проверил мощный прожектор и вынес все устройство наружу. Куда бы его приспособить? Повыше. На скалу. Чтобы Огнев мог увидеть луч, облетая Плутон.

Он скользил, падал, хватаясь руками за гладкие черные скалы. Только бы не разбить прожектор. Только бы не отказали батареи...

Вот уже корабль, покрытый зеленоватыми слоями кристаллов, далеко внизу. В нежно-лазорево освещении выделяется на фоне хмурой равнины таинственная статуя.

Хватит. Горы остались внизу. Отсюда хорошо будет видно.

Буревей установил батареи в углублении скалы, прикрепил к ним прожектор.

Проверил контакты, кабели. Затаив дыхание, включил.

Мощный голубой снап огня метнулся в пространство.

Можно спускаться. Теперь все хорошо. Они увидят. Они найдут его и корабль.

Буревей взволнованно поглядел на хронометр. Осталось полчаса. Скоро.

Горит. Пылает прожектор! Зеленоватые кристаллы отсвечивают холодным огнем. Вся вершина утеса, точно маяк спасения.

Внезапно из-за скал вырвалась гигантская звезда. Она мелькнула огненным хвостом. Раз! Второй раз!

Это не звезда. Это квантовый корабль! Они прилетели вовремя, как говорила женщина!

Корабль промчался над скалами, исчез.

Сердце Буредея упало. Неужели не заметили? Нет, не может быть! Проектор сияет ярко, он виден за десятки тысяч километров в Космосе.

Буредей поспешно спускается по скале, скользит, больно ударяется о выступы породы. Спокойно! Спокойно! Сейчас они возвратятся. Конечно, они возвратятся!

Он переводит дыхание. Трудно! Почему ему так трудно? Темнеет в глазах, боль в груди.

Под ногами пустота. Надо раскинуть руки, чтобы удержаться. Нет, нельзя!

А пропасть тянула, манила. Обламывая гроздь кристаллов, подымая облака зеленой пыли, Буредей заскользил вниз. «Только бы не пробило скафандр...»

...Грезилась Буредею космические пространства. Но были они не черными, а нежно-голубыми. И звезды казались не далекими гигантскими солнцами, а близкими и родными людьми.

Мчится он меж планетами в сопровождении удивительной, многоголосой мелодии, мчится между звездами. И странно, что не нужно ему ни ракет, ни аппаратов. Просто так летит, по одному желанию своему.

Но перед ним выросли черные каменные громады, тонкие зеленоватые иглы кристаллов готовы вонзиться в его сердце. Повевало дыханием пустыни. Возникла статуя. Статуя неизвестного брата. Глаза его устремлены в Космос, ищут разгадку вековой тайны. Это он встал на пути Буредея.

Затем в одно мгновение исчезло все — статуя, Космос, звезды... Буредей застонал. Шевельнулся. До слуха донесся грубовато-ласковый голос:

— Наконец! Ну, открывай, открывай глаза. Некогда, слышишь?

Перед ним было знакомое лицо. Кто это? Ну конечно, Огнев! Откуда он? На Плутоне? Но здесь не Плутон... Он без скафандра, вокруг — стены небольшой каюты. За широкой спиной Огнева оптический люк. И за ним — россыпи больших звезд. Он в каюте корабля. Он в полете. Но как это случилось?..

Огнев смеется.

— Проспал. Все проспал. А сейчас очнулся — и удивляешься. А нам с тобой сколько забот. Разыскивай его среди снегов плутоновых. Вытаскивай. Неси. Думаешь, легко?

Буредей, совсем проснувшись, радостно улыбается.

— А ты все такой же... Никакой этики.

И, вспомнив вдруг, где он недавно находился, подался к товарищу, сжал, точно клещами, руку.

— Послушай, Огнев. Меня-то вы взяли, а записи... На пульте, в корабле?..

— Взяли, взяли. Ты что же, полагаешь, мы только за тобой летели? Невелика цаца, нам экспериментальные данные нужнее!

— Не шути! Я серьезно...

— Ну-ну. Я тоже серьезно, — Огнев обнял его. — Успокойся, мы все сделали. Исследовали повреждения, измерили радиацию, взяли твои пробы...

— А статую... статую Неизвестного вы видели?

— Все видели! Сфотографировали, зарисовали... Успокойся. Вот с тобой было что-то неладное. Больше двухсот часов проспал. Мы уж опасались, что так и не проснешься. Транс. Земля приближается. Так что все в порядке. Впереди свои. Космоцентр. Новые корабли. Там такие конструкции готовятся!

— Ты лучше скажи: как вы меня разыскали? Кто сообщил?

— Кто? — удивился Огнев. — Ты сам...

— Я?!

— А кто же еще?

— Как?

— Ну, это уж тебе лучше знать. В этом я ничего не понимаю. Прискакали в Космоцентр посланцы из Института Мысли. Ваш Буредей, говорят, на Плутоне. Немедленно посылайте туда квантовый корабль. Мы усомнились. Они нам продемонстрировали запись. Видео пленка. На ней записано твое видение... среди плутоновых скал. Всякие там сентиментальные мысли... Ну, а дальше ты знаешь. Мы рванулись в Космос. И забрали тебя.

Буредей удивленно слушал товарища и лишь в конце перебил его:

— Невероятно. Я тоже видел такие чудеса, что никогда не поверил бы, если бы услышал об этом. Вдруг среди льдов, среди скал женщина... привидение!

— Не привидение, — раздался иронический голос за спиной Огнева, — а мой ассистент, работник Института Мысли —

Риона. Прекрасная девушка, реально существующая и не имеющая ничего общего с привидениями.

— О,— живо отодвинулся Огнев.— Уважаемый академик все тебе объяснит. Руководитель Института Мысли — Багрян. Сам выразил желание полететь за тобой.

— За мной? — удивился Буревай.— Почему? Чем я заслужил?

— Заслужил, заслужил,— махнул рукой Багрян. Он обошел Огнева, присел на постель, рядом с Буреваем, пристально поглядел ему в глаза.

— Ну, я пошел,— засопел Огнев, вдруг почему-то заторопившись.— Нужно готовиться к финишу. А вы побеседуйте.

Он вышел из каюты, с трудом протиснувшись в люк.

— Рассказывайте, — попросил Буревай.— Чем я заинтересовал вас? Зачем я понадобился Институту Мысли?

— Вы, конечно, знаете,— начал уверенно Багрян,— что эксперименты с передачей мысли мы сейчас проводим в космических масштабах. Дальше...

— Подождите, подождите! — воскликнул космонавт.— Я начинаю понимать! Телепатия, парапсихология!.. Видение, которое я видел,— сигнал с Земли?

— Все верно,— кивнул Багрян.— Для нас в этом нет ничего удивительного. Давно уже ведется спор между Космоцентром и Институтом Мысли. Они говорят, кванты покорят пространство. А мы утверждаем: мысль! Вы помните дискуссию?

— Помню, кажется... — качнул головой Буревай.— Это было давно. Лет семь назад. Я серьезно не воспринимал эту дискуссию...

— Тем хуже,— скептически возразил Багрян.— Парадоксальнее всего то, что самые сильные доказательства в нашу пользу дал космонавт...

— Кто?

— Вы.

— Я?

— Да, вы! Только благодаря нашим экспериментам вы спасены, добыты интересные сведения о Плутоне и получены неоценимые данные по межпланетной связи в принципиально новых аспектах.

— Подождите,— пробормотал Буревай.— Я еще не все понимаю. Вы пытаетесь общаться на расстоянии. Предположим, у вас это получается... Но я? Ведь между вами и мной не было договорен-

ности, я находился за шесть миллиардов километров от Земли...

— Ну и что же? — подхватил Багрян.— Против факта не возражишь. Вы, вероятно, слышали, читали, что некоторые люди часто воспринимали настроение и даже слова других, близких им людей, особенно, когда последние находились в критическом состоянии?

— Кое-что читал. Но...

— Никакой случайности в этом нет. Все закономерно. В минуты отчаяния конденсируется колоссальная психическая энергия. Она могучим разрядом излучается в Пространство. По закону магнитной тождественности разряд этот воспринимается психически близким объектом.

— Значит, вы... восприняли меня? — недоверчиво спросил Буревай.— На таком расстоянии?..

— Расстояние в телепатии не имеет никакого значения,— спокойно возразил Багрян.— Здесь вступает в действие другая закономерность, нежели при передачах радио- и гравитолучей. Сохраните любопытство до Земли. Там узнаете обо всем. Тем более, что я... А впрочем, разрешите закончить. Если я помчался на край системы, то можно представить, насколько это важно.

— Что важно?

— То, что случилось. Мы выявили сразу двоих — вас и еще одного... одну...

— Кого двоих?

— Психодвойников. Индивидуумов, психический резонатор которых «вибрирует» в одной частоте. Работник, о котором я говорил,— женщина. Девушка, совсем юная. Вы знаете уже ее имя. Риона. Она у нас недавно. Огромные способности. Но немного недисциплинированна. Взбалмошна, как говорят. Именно она приняла ваш призыв.

— Никакого призыва я не делал,— растерялся Буревай.— Просто внутренне... прощался с Землей.

— Вот-вот,— оживился Багрян.— Это как раз и есть наш метод — внутреннее обращение. И она, Риона, поймала ваше внутреннее обращение. Шел очередной опыт. Удалось даже кое-что записать, трансформировать через аппаратуру. Да вы сами увидите.

— Разрешите... А как же я... Почему я поймал, то есть увидел ее видение там, на Плутоне?

— А это уже сложнее,— радостно потер ладони Багрян.— Это высшая ступень.

Концентрация энергии, создание специального... Но подождите. Я вам открываю наши «секреты», а еще не спросил основного.

— Что же? Говорите, я чрезвычайно заинтригован.

— Мы решили забрать вас.

— Меня? Куда?

— К себе. Из Космоцентра.

— Ну что вы! — засмеялся Буревей. — Меня забрать? Это нереально.

— Наоборот, — махнул рукой Багрян. — Наоборот! Не забрать от Космоса, а дать вам Космос по-настоящему. Уже полжизни я воюю с техницистами-учеными, доказывая им, что беспредельность очень трудно осваивать ракетами.

— Смотри какими ракетами, — заметил Буревей ревниво. — Квантовые ракеты не имеют границ для проникновения в мироздание.

— Квантовые, сверхквантовые, мезонные, фотонные... Запускать в пространство миллионы тонн вещества, посылать людей на риск, ждать их через тысячи и миллионы лет, учитывая парадокс времени. Не годится. Не говоря уже о том, что ракетой вы никогда не превысите границу — скорость света.

— Придет время — превысим! Любая граница условна.

— Вот мы и разрушаем вашу границу, — подхватил Багрян. — И не когда-нибудь, а сегодня. Но на принципиально иной основе...

— Мысль?

— Да. Мысль! Но я говорю и о связи между космонавтами, а со временем — и с другими разумными существами при помощи парапсихологических явлений. Я говорю и о путешествии между планетами, между звездами, об изучении иных

миров, систем, галактики. Нет границ для изучения Мира с помощью мысли. Почему? Потому что скорость распространения мысли мгновенна. Она не укладывается в аспекты пространства — времени. Она включает их в себя. Вы понимаете? Посылая путешественников в безграничность, скажем, к иной галактике, мы не будем ждать их через миллионы лет, а через несколько часов, минут или секунд...

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Буревей.

— Прекрасный орешек! — Багрян смешно пошевелил лохматыми бровями. — Но вы не ответили: пойдете к нам? Могу сказать вам откровенно: таких, как вы, на Земле десятки, не больше. Да и тех мы пока еще не знаем. Ваш переход в Институт Мысли поднимет исследование на невиданную высоту. Вы даже не можете представить, какие перспективы откроются перед наукой...

Авторизованный перевод с украинского Ю. Копыт.

ПРОВОДНЫЙ

Владимир СИБИРЕВ
Рисунки Н. Мооса

1.

ЯК,
Обгоняя стаю птичь,
Взлетел отлично,
Лег на курс.
И пассажир был необычен —
Густоголос и белокур.
Он по плечу шутливо хлопал,
Мол, здесь я — старый следопыт:
Под правой плоскостью — Европа,
Под левой — Азия лежит.
И, забывая о штурвале,
Я слушал...
И передо мной
То скалы мрачные вставали,
То, ослепив голубизной,
Как след серебряных копытцев,
Мерцали петельки озер;
Летел, стремителен, как выстрел,
Журавль
На чей-то страстный зов,
Ползли
На ледяную насыпь
За ледоколами в пролом
Широколобые баркасы
С голубоватым муксуном...
А бас,
Как шмель в оконной раме:
— С пеленок в промысловиках...
Пока что
Только пробный камень
Я не держал в своих руках...

2.

Да,
Пробный камень, говорят,—
Не просто дар земли.
Его искали наугад,
Да так и не нашли.
А есть он где-то,
Возле нас,
Не виданный никем,
Он, может быть, тебе не раз
Встречался между тем.
Он — не помеха, если прав
Ты в избранном пути.
Зато беда, когда лукав,
Когда двуличен ты!
А, может, пробный камень —
Миф!
И все-таки хочу
Столкнуться с глыбой,
Черт возьми!..
Была бы по плечу!

3.

И вдруг гроза.
Наш самолет
Меж небом и лесами
Затрепетал, как мотылек,
Наткнувшийся на пламя.
Я отмахнулся от «шмеля»,
И он примолк, встревожен...
— «Земля!» Ты слышишь нас, «Земля!»
...Но там молчали тоже.
Наушники впились в виски —
Ну хоть бы писк комарика!

КАМЕНЬ

Катались, словно желваки,
По подбородку
«Ляринги».

4.

Пускай ухмылку спрячут
Миллионеры-асы.
Я выполнял задачу
Не на полярной трассе,
А на своей, облетанной.
И был не хуже всех:
На краешке болота
Сел, как на полосе!..

5.

Мой бодрый спутник
Разом стих.
Дождечик на нем обвис.
Но дело не в дождевике...
Зачем-то вещмешок
В руке!
К чему
Настороженный взгляд!
Как будто два часа подряд
Мы не летели вместе с ним,
Не грелись солнышком одним,
Бесед душевных не вели
О красоте родной земли!..
Помочь желая мужику,
Я потянулся к рюкзаку
И отшатнулся, онемев:
Из-под увесистых застежек,
Меж пальцев, на клешни похсжих,
Струился...
Соболиный мех!
И сразу вспомнил —
На летучке
Шел как-то утром разговор:
К охотникам
Какой-то «купчик»
Повадился
С недавних пор.
Остряк.
Широкая натура.
И, ко всему,
Губа не дура:
Немало выкачал добра.
И будто
Эта же фигура
В порту маячила вчера!

6.

А утро было синим-синим!
У солнца одолжив искру,
Настоянная на бензине,
Заря зажгла нам по костру.
Друзья нашли нас.
Все — как в сказке,
Когда исход определен.
Мой спутник снова щурил глазки,
Во все высокое влюблен.
...Решение пришло не сразу.
Он к моему припал плечу:
— Пойдем, поговорим
Глаз с глазу!..
Я зло ответил:
— Не хочу.
А он за мной:

Мол, честно добыл...
— В чем дело!!
Вижу: мех в руке.
Бери! И... разопьем «особой».

7.

Так вот зачем
Ты мерз в тайге
И лез обвязанный веревкой
По ребрам выветренных скал!!
С заряженной безкурковкой
В обнимку
По увалам спал...
Уж лучше б рысь тебя загрызла,
Когда в щетине и в пыли
Ты, календарь достав,
На числа
Смотрел
И видел в них рубли!
И вновь дышал бивачным дымом,
При первом вскакивал лучше...
А жизнь своей дорогой,
Мимо
Прошла с треногой на плече.
И думал я:
Весь век — экзамен.
С неумолимостью резца
Наш каждый день,
Как пробный камень,
Пытает руки и сердца.

8.

...Машина моего комэска¹,
Сверкнув клинками лопастей,
Взвилась над синим перелеском,
А наша очередь —
За ней.

...Диспетчер,
Служба перевозок
Пусть мне простят,
Но я не бог.
Отдал галеты,
Папиросы,
Но взять его на борт
Не мог.
Я указал ему тропинку,
Что за осиновым ложком
Ведет
В охотничью «глубинку».
Не долетел,
Дойдет пешком!
И, может, с высоты полета
Он будет снится мне
Весь век,
Сидящий на краю болота —
Не жаба и не человек.
...Пусть раздробит олень копытом
Меня за синим Иртышом,
Коль в путь собравшись
Следопытом,
Пойду обратно торгашом!

¹ Комэск, на языке летчиков — командир эскадрильи.

Знаешь ли ты прошлое Урала?

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ на Урале. Археологические памятники свидетельствуют, что уже к X веку новгородские и киевские славяне были связаны с племенами Прикамья. В XII веке на Урале появляются новгородцы, а в 1472 году Пермский край вошел в состав Московского княжества.

Колонизация Среднего Урала завершилась образованием Верхотурского (1599 г.) и Туринского (1602 г.) уездов.

ПЕРВУЮ АЗБУКУ для зырян создал на Урале в 1372 году священник-миссионер С. С. Храп, более известный под именем Стефана Пермского. Он же перевел первые церковные книги на язык коми (зырян).

ПИОНЕРЫ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ Урала — Каменский и Невьянский заводы. Оба предприятия были пущены в конце 1701 года. В XVIII веке на Урале появилось более 200 горнозаводских предприятий.

ПЕРВЫЕ ЧАСЫ. В 1721—1722 годах В. Н. Татищев дважды предлагал устроить большие боевые часы в заводах, на «знатных» церквях, а также обучать местных мастеров изготовлению стальных и столовых часов. Примерно в 1723—1724 годах появились стальные часы в канцелярии обербергамта, а затем боевые (с боем) — на церковной колокольне в Екатеринбурге. Во второй четверти XVIII века часы с боем установили на колокольне в Невьянске. На большей же части уральских заводов долгое время были распространены простые песочные часы.

ПЕРВАЯ ПОЧТА. К 1698 году появилась Сибирская почта (Москва — Тобольск — Якутск). Она проходила через Урал. В марте 1721 года установили постоянную связь между Вяткой, Кунгуром и Уктусом, а в 1735 году — от Екатеринбурга до Оренбурга.

В Екатеринбурге в середине XVIII века открылась почта для пересылки казенных дел и «партикулярных» писем в Москву и Петербург. Длительное время она отправлялась только дважды в неделю.

ПЕРВОЕ ВОССТАНИЕ на Урале относится к лету 1723 года. Оно произошло на строящемся Екатеринбургском казенном заводе. Тяжелые условия труда и голод довели до отчаяния солдат, крестьян и рабочих людей: они решили уйти со

строительства. Однако вскоре вожаков-«возмутителей» схватили и подвергли жестокой казни.

ПЕРВЫЕ УРАЛЬСКИЕ ДЕНЬГИ представляли собой четырехугольные плитки из меди и назывались платами. Первая рублевая плата, изготовленная на Екатеринбургском денежном дворе в 1725 году, весила 1,6 килограмма.

ПЕРВОЕ УРАЛЬСКОЕ ЗОЛОТО было найдено случайно шарташским раскольником Ерофеем Марковым в 1745 году. Позднее в этом районе возникли Березовские золотые промыслы, на которых только в XVIII веке было добыто примерно 300 пудов драгоценного металла. Первооткрывателю полагалась сумма, которую бы он мог заработать в заводах за 800 лет. Маркову же выдали всего наградных 25 рублей 5 копеек!

ПЕРВАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА была построена в 1794—1798 годах на Гумешевском медном руднике; она использовалась преимущественно для водоотлива. Консультировал пусковые работы П. К. Фролов.

ПЕРВЫЕ УРАЛЬСКИЕ КНИГИ были отпечатаны в типографиях — Пермской, открытой в 1792 году, и Екатеринбургской, открытой в 1803 году. Первой была издана книга медика М. Л. Гамалея (1792 г.). В 1809 году в Екатеринбурге была напечатана книга «Описания заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих».

ПЕРВЫЕ ПАРОХОДЫ были построены под руководством инженера П. Г. Соболевского на Пожевском заводе в 1816—1817 годах, затем на Суксунском заводе в 1845, на Воткинском заводе в 1846, на Верх-Исетском заводе в 1853, на Нижне-Тагильском заводе в 1857—1858 годах. Екатеринбургская механическая фабрика, основанная в 1838 году, участвовала в создании оборудования для пароходов.

ПЕРВЫЙ ИЗУМРУДНЫЙ ПРИСК в России открыт на Урале и вступил в строй 27 января (8 февраля) 1831 года. Первооткрывателем его был крестьянин Белоярской волости М. С. Кожеников. Он нашел изумруд в корнях вывороченного ветром дерева.

А. КОЗЛОВ

● Разведчики торфа

Если бросить взгляд на физическую карту Урала, то можно увидеть много мест, заштрихованных горизонтальными черточками. Болота! В таких местах и работают отряды разведчиков торфяных месторождений Свердловской геологоразведочной партии.

Один из них, под руководством Льва Алексеевича Уколова, по заданию Пермского сельскохозяйственного управления вел изыскательские работы в районе города Оханска — на Каме. Торф тут богат органическими веществами и в смеси с навозом дает большой агротехнический эффект, поэтому колхозники предполагают использовать его на удобрение.

Отряд Петра Тимофеевича Аполлонова разведывал торфяное месторождение для перспективного развития Басьяновского предприятия. На-

чаты исследования Юконовского болота, близ Махнево, площадью 10 тысяч гектаров. А отряд Анатолия Андреевича Куркова определял качественное содержание торфа и вел съемку болот в районе Кудымкара.

Круглый год работают разведчики торфа, порой в очень трудных условиях. Вот раскинулось болотище на 16 километров в длину и на 4—9 ки-

лометров в ширину. Каждый день в ближайший поселок не побежишь. Значит, туда, где остановится отряд, нужно нести все — от инструментов до провианта. Летом донимает гнус. Да и ходьба по болоту — тоже своего рода искусство.

Зимой на болоте, конечно, легче, дорога лучше. Но не все зимой, когда почва замерзнет, сделать можно.

Торфоразведка — тоже следопытство, она требует мужества и настоящей выдержки.

Э. ЕРМАКОВА

● Среди деревьев нет близнецов

В сосновом бору ветер колышет кроны бесчисленных деревьев. Стройные колонны красавиц-сосен тянутся нескончаемой вереницей вдоль лесных дорог. И кажутся они все сестрами-близнецами.

Но это только на первый взгляд. Точное научное исследование показывает, что в лесу не найдешь ни одного дерева, в точности копирующего другое. Как среди людей есть блондины и брюнеты, чернокожие и желтокожие, так и в лесном мире имеются, по выражению ботаников, различные расы или формы.

Сотрудники ботанического сада Института биологии провели интересные исследования. Они показали, что в лесах Урала широко встречаются черносеменные, буросеменные и белосеменные формы сосны. Более редко можно найти узкокронную форму. Она сильно отличается от обычной тем, что диаметр кроны вдвое меньше, а само дерево имеет вид кипариса.

Приведем такой расчет. Деревья в лесу стоят густо, касаясь друг друга. При относительно равномерном их распределении по участку на од-

ном гектаре может располагаться 500 деревьев. Если же взять насаждения из узкокронных деревьев, то их разместится в два раза больше. Производительность участка резко возрастает. И хотя узкокронные деревья всегда более тонкие, зато они дают ценные ровные длинные стволы — «пиловочник», как говорят лесники.

Есть в лесу и в прямом смысле «краснокожие индейцы» — деревья с красным цветом коры. Сотрудник ботанического сада Б. П. Грудцын обратил внимание, что они при падении на землю часто раскалываются. Оказалось, что древесина «краснокожих» хрупкая на излом, но зато более тяжелая и твердая: при испытании на

изгиб выдерживает напряжение до 900 килограммов на один сантиметр. Ботанический сад закончил исследования по изучению декоративной белой ивы, растущей по берегам уральских рек. Она имеет много различных форм. Особенно хороши деревья с ветвями, свисающими длинными плетями с серебристо опущенной листвой. Теперь уральские города и поселки получают новое декоративное дерево для посадки у рек, прудов и озер.

С. МАМАЕВ
кандидат сельскохозяйственных наук

● Почва живет и зимой

Наступила зима. Почва замерзла и покрылась снегом, погрузилась в «зимнюю спячку». Долгое время почвоведы считали, что в промерзшей земле никаких изменений не

происходит. Между тем известно, что количество питательных веществ в почве меняется в зависимости от сезона: летом их больше, осенью — меньше. А зимой?

В последние годы почвоведы и микробиологи все же решили проверить: действительно ли зимой земля находится в состоянии «покоя». Начались круглогодичные наблюдения за свойствами лесных дерново-подзолистых почв припышминских боров Свердловской области. И оказалось, что в верхних горизонтах количество микроорганизмов и питательных веществ увеличивается не только по сравнению с осенью, но и даже с летними месяцами. Значит, жизнь в зимний период не прекращается.

Чем это объясняется? Прежде всего жизнедеятельностью микроорганизмов, с помощью которых происходит разложение органических остатков; они обогащают почву. Кроме того, при замерзании влага, которая содержит питательные элементы, перемещается от теплых слоев к холодным — снизу вверх.

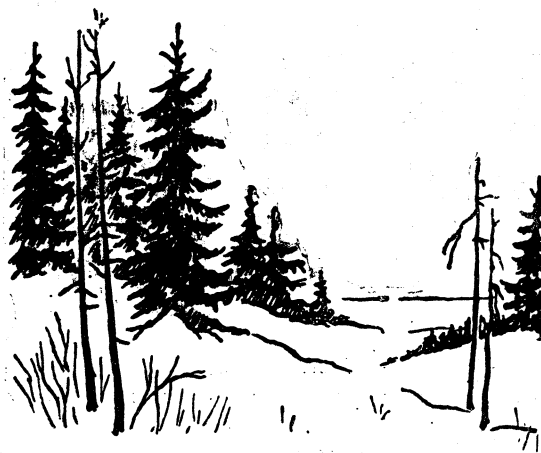
Итак, доказано, что зимой активно идут физико-химические и микробиологические процессы в почве, создается запас питательных веществ для развития и роста растений весной.

В. ФИРОВА
кандидат биологических наук

● В институте геологии

Чтобы разобраться в геологической истории Урала, необходимо знать возраст горных пород и минералов. Геологические эпохи имеют свои названия, например, девонский, каменноугольный (карбон) периоды и другие. С отложениями девона связаны бокситы Северного и Южного Урала, нефть в Башкирии, а с карбоном — уголь на западном и восточном склонах Урала, нефть во Втором Баку.

Как выглядела географическая карта Урала в те далекие от нас времена? Ответ на это ищут научные сотрудники лаборатории литологии и фацеального анализа (лито-

логия — наука об осадочных породах, фацея — древняя географическая обстановка формирования осадков, из которых возникли породы). Лабораторией руководит Г. А. Смирнов. Сотрудники лаборатории изучают древнюю географию геологического прошлого и составляют карты для различных этапов развития Урала.

Работы много. Нужно выяснить расположение берегов древних морей, островов, крупных рек, горных массивов, животных и растительный мир. Экспедиции выезжают в различные районы, изучают отложения. «Вот встретились раковины: они — немые свидетели древнего моря. Вот остатки растительности — здесь была суша. По раковинам и скелетам морских организмов можно судить о степени солености воды, глубине и некоторых других особенностях водных бассейнов. Анатомические признаки наземных растений позволяют определить характер древнего климата.

Лаборатория литологии и фацеального анализа работает в содружестве с работниками Уральского геологического управления.

* * *

В лаборатории экзогенной металлогении, руководимой профессором А. К. Гладков-

ским, изучают полезные ископаемые, которые образовались на поверхности земли в условиях нормальных температур и давлений. Это — бокситовые, железные, никелевые руды.

Экспедиции лаборатории выезжали в Северо-Уральский и Южно-Уральский бокситоносные бассейны, в Казахстан, на Тихвинское месторождение и на Курскую магнитную аномалию.

На Северном Урале уточнены границы древнего моря и суши, режим водного бассейна и условия образования бокситов морского происхождения. В Казахстане и под Тихвином решен вопрос об условиях изменения минерального состава бокситов на поверхности под воздействием выветривания.

Оказалось, что старое представление о неизменяемости бокситов на поверхности не соответствует действительности. Как и все другие горные породы, они выветриваются и в умеренном климате в конечном итоге превращаются в каолиновые глины.

Обобщающие работы лаборатории представлены на международный симпозиум по бокситам, прошедший в октябре прошлого года в Загребе (Югославия), и на предстоящий международный геологический конгресс в Дели.

Е. ПЕТРОВА

ПОИСКИ
НАХОДКИ
ОТКРЫТИЯ

ДУНАЙСКИЕ

Б. КРУПАТКИН

Рисунки В. Бубенщикова

Те, кому доведется посетить одну за другой несколько братских стран, на всю жизнь сохраняют волнующее и радующее ощущение нерушимой дружбы, идущей из глубины сердец.

О ней — о дружбе, негасимой, как вечный огонь сердца, мне и хочется поведать в небольших новеллах и журналистских записях, навеянных всем виденным в братских странах.

Староместский орлой

Каждое утро, в любую погоду, когда Прага еще только пробуждается и величавый Ян Гус сбрасывает со своих могучих бронзовых плеч пелену тумана, на площади собирается толпа людей, чтобы увидеть Староместский орлой — сказочные куранты.

Поражает огромный циферблат с несколькими золотыми кругами, многочисленными обозначениями и знаками: движения часов, минут, созвездий, фазы солнца и луны... Вот истекает шестидесятая минута, и вдруг оживают неподвижные фигуры у циферблата: грозная Смерть немолимо звонит в колокол, испуганно качает головой Стяжатель с мешком, в бесконечный путь направляется Странник, мечется в поисках спасения Турок — олицетворение ненавистного народу гнет... Удивлению зрителей нет предела. Но чудеса продолжаются. Внезапно растворяются окна над циферблатом, появляется фигура апостола. Он движется, идет по балкону, и вслед за ним, один за другим, проходят с запада на восток двенадцать апостолов. И вот уже под крышей башни взлетает каменный петух. Звонкое, бодрое «ку-ка-ре-ку» несется над старой площадью...

Солнечным днем мы стояли в толпе пражан на Староместской площади и, не отрывая глаз, смотрели и слушали куранты. И, как много веков назад, перед нами заученно отзвонила свою норму секунд Смерть, не спеша прошли по балкончику фигурки апостолов, вспрохнул каменный петушок...

— Мemento мори! (Помни о смерти!) — задумчиво произнес наш друг из журнала «Новая мысль» Ян Пршибыл. — «Мemento мори». С детства этот латинский афоризм угнетал наши души. И, когда гимназический ксендз так же стоял с нами перед этими курантами, он всегда строго повторял эти слова, указывая перстом на фигуру Смерти... Но как меняются времена! Посмотрите на наших детей. Никто уже с трепетом не глядит на Смерть, она для них просто звонарь. Зато с нетерпением ждут «ку-ка-ре-ку».

— Известно ли вам, — снова заговорил Ян после продолжительного молчания, — что вскоре после того, как мудрейший мастер Гануш в пятнадцатом веке создал на удивление всему миру эти сказочные часы, они замолкли на двести лет?.. По преданию, спесивые хозяева древней Праги не обрадовались великому творению Гануша. Их грызла дума о том, что руки искусного мастера могут сотворить еще большее чудо, и Прага лишится первенства, а вместе с этим и немалых доходов: чудесный орлой привлекал много богатых гостей.... «И, чтобы быть уверенными, что никогда не создаст он другого орлая, решились они на злодейское дело», — нараспев прочел Ян памятные с детства строки старой книги. — Великому мастеру выкололи глаза! Слепой и больной, забытый всеми, он однажды пробрался в башню и остановил чудесный механизм «до лучших времен». Так гласит легенда...

— Пойдите, дорогой коллега! Нечто подобное и нам известно! — невольно воскликнул я. — Послушайте...

«И спросил благодетель:

— А можете ль сделать пригожей, Благолепнее этого храма,

ВСТРЕЧИ

Другой, говорю? —
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!
Прикажи, государь! —
И ударились в ноги царю.
И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в суздальских землях,
И в землях рязанских,
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!»

Ян Пршибыл удивленно смотрел на меня.
— Что это?!

— Поэтическая легенда о трагической судьбе других гениальных мастеров из народа... Вы бывали в Москве? Видели храм Василия Блаженного у кремля? Его сотворили во времена Ивана Грозного известные русские зодчие. И скорбную участь их описал наш поэт Дмитрий Кедрин.

Мы долго молчали. Казалось, будто сама История раскрыла перед нами страницы...

Урок человеческого достоинства

юбопытную историю рассказал нам однажды старый художник из Праги.

— Я помню Карловы Вары, Карлсбад, в прежние времена, — сказал он. — Изредка я лечился здесь и всегда чувствовал себя, как это говорят у вас в России, «не в своей посуде»... Да? Я жил не в жалкой благотворительной лечебнице для бедных, которых «благотетели» заставляли ходить к источнику с издевательской

дощечкой на груди: «Бесплатно». Но и без этого общество «великого и пустого света» находило много возможностей, чтобы унижить достоинство простых людей, приезжавших сюда лечиться.

Мы с друзьями старались как можно реже появляться на центральных пятачках Карловых Вар, уходили в лес, в горы... Излюбленным местом нашего отдыха была сосновая роща на окраине курортного городка, у памятника Бетховену, близ отеля «Ричмонд». Почти рядом находился памятник Мицкевичу, недалеко — памятник Сметане. Прямо пантеон!.. Здесь мы читали вслух стихи о гордых и свободных людях, страстно клеймили убожество и тупость власть имущих. Нашим кумиром был Бетховен, и, может быть, не столько за его изумительную музыку (тогда мы еще мало ее знали), сколько за прославленное свободолюбие, за его смелое пренебрежение к титулам и чинам...

Мы знали, что именно здесь, в этих курортных местах, в соседнем Теплице, где собиралась самая «великосветская знать», Бетховен дал бессмертный урок человеческого достоинства не кому-либо, а самому Гете, которого полшутя-полусерьезно именовал «Ваше превосходительство», ибо Гете, как известно, при всей своей гениальности не чуждался чинов при Веймарском дворе.

Почти у каждого из нас хранилась репродукция с нашумевшей картины Ромлинга «Бетховен и Гете в Теплице в 1812 году»: в то время как Гете, сняв шляпу, стоит, склонившись перед идущей по парку императорской фамилией, Бетховен, заложив руки за спину, гордо проходит сквозь строй князей и герцогов, даже не взглянув на них...

Мы были убеждены (я и сейчас уверен в этом! — с чувством воскликнул старый художник), что Бетховен на памятнике у «Ричмонда» запечатлен именно в этот момент.

Каждый день в то давнее лето у памятника появлялась написанная красными чернилами «листочка» — отрывок из письма Бетховена. Я столько раз читал и переписывал его, что и сейчас помню.

«Короли и князья могут создавать профессоров и тайных советников, могут осыпать их титулами и орденами, но они не могут создавать великих людей, создавать души, которые возвышались бы над житейским навозом... И, когда вместе находятся два таких человека, как я и Гете, эти господа должны чувствовать наше величие. Вчера, возвращаясь домой, мы встретили на пути всю императорскую фамилию. Мы издали увидели ее. Гете бросил мою руку, чтобы стать на краю дороги. Несмотря на все мои уговоры, я не мог заставить его сделать хотя бы шаг вперед. Тогда я навинул шляпу на голову, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, врезался в самую гущу толпы. Принцы и царе-

дворцы выстроились в шеренгу; герцог Рудольф снял передо мною шляпу; императрица первая поклонилась мне... В виде развлечения я смотрел, как шествие продефилировало мимо Гете. Он стоял на краю дороги, низко склонившись с шляпой в руке. Потом я задал ему головоломку, не пощадил его...»

— Этим летом я снова здесь, — улыбнулся художник. — И меня радуют перемены. Я смотрю на наших людей. Какими новыми они стали! Кажется, сам воздух стал чище... И вот однажды я встретил человека, который сразу заинтересовал меня. Он стоял, прислонясь к вековому дубу, на том месте, которое я считаю уже «своим», и внимательно разглядывал памятник Бетховену. Лицо его с крупными чертами было темным от загара. В черных волосах поблескивала седина.

«Добру ден! Будте здрав!» — приветствовал он меня, словно старого знакомого.

Я ответил, и мы разговорились. Богумил Гоулек оказался моим земляком — токарем Пражского автомобильного завода. За плечами его — большой жизненный путь: годы подневольного труда, фашистский концлагерь... Гоулеку за пятьдесят, но он несокрушим, как кряжистый дуб, и уверен в том, что, поскольку до недавних лет жизни ему не было, то теперь самое время наверстать. Он учится в вечерней школе взрослых, посещает с двенадцатилетним внуком воскресные симфонические концерты, охотно ходит на лекции о происхождении Вселенной и выписывает все журналы по автомобильной технике. Гоулек слушал недавно Девятую симфонию Бетховена и теперь у памятника, внимательно глядяваясь в ее творца, попросил меня рассказать о нем.

Солнце клонилось к горам, день угасал, и мы медленно пошли по тропе Бетховена среди скрипящих от вершинного ветра сосен... Косые лучи, словно длинные пальцы по клавишам, скользили по сверкающим стволам деревьев, и тропя Бетховена звучала: мы слышали это оба! Я — художник из Праги, и Богумил Гоулек — пражский рабочий. Вы можете потом спросить его сами...

С тех пор мы стали друзьями, встречались ежедневно у колоннады и уходили в лес.

В один из дней, на своем обычном пути по набережной реки Теплой, у отеля «Отав» мы увидели большую группу зевак. «Не случилось ли чего?..» Оказалось, на набережной прогуливался Форд — тот самый, настоящий американский Форд — автомобильный король, приехавший на лечение в Карловы Вары. Полноватый и ничем не примечательный господин, благообразный, с проседью, как преуспевающий клерк, он важно вышагивал с женой и собачкой, а невдалеке, демонстрируя величие «короля», стояла его машина — длинный, как трамвай, сверкающий лаком и металлом, единственный на весь курорт огромный «форд», рекламно запечатлевший фамилию своего хозяина.

Зеваки глазели на заокеанскую знаменитость, и меня охватило знакомое с давних лет чувство гнева, когда на некоторых лицах я прочел плохо скрытое благоговение перед богатством. «Жива, не сгнула старая хвороба!» — думал я, все больше распаяясь.

В это время к «Отаве» медленно и важно подкатила еще одна шикарная машина — «шевроле». Из нее показался достойный коллега мистера Форда — мультимиллионер из Чикаго, по

происхождению чех. Он некогда покинул родину, разбогател на спекуляциях и ныне назойливо демонстрировал землякам, «чем был — и чем стал». Вел он себя, как боксер-победитель в цирке: посылал дамам воздушные поцелуи, махал пухлой рукой, прищелкивал толстыми пальцами, и тупое лицо его лоснилось от пота.

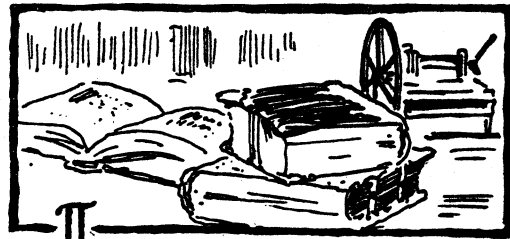
Пройти было невозможно. Толпа зевак увеличивалась, иностранцы приветствовали своих кумиров, к ним присоединялся и кое-кто из прохожих, забывших стыд и гордость. Раздались даже жидкие аплодисменты. Форд чинно поклонился, а чикагский богачей, сияя, восторженно поднял вверх обе руки...

Гоулек взял меня под локоть и процедил сквозь зубы: «Пойдем, художник. Разгоним их, как Бетховен!»

И, стремительно рассекая толпу, как боевой корабль волны, Богумил двинулся прямо на Форда. Я едва поспевал, но шел плечо к плечу. Сильный и гордый, с высоко поднятой головой, рабочий социалистического автозавода подошел к американскому «автомобильному королю» и внушительно сказал: «Здесь люди ходят, сэръ!» Форд стушевался, слегка приподнял шляпу и, натянув поводок собачки, ушел за угол. Жена его, семена на «шпильках», поспешила за своим владыкой... Гоулек стремительно повернулся к чикагскому миллионеру. Наверное, для своего заокеанского «земляка» у него нашлись бы более крепкие слова. Но тот уже успел юркнуть в лимузин.

Гоулек буквально таранил реддеющую толпу, гневно восклицая: «Стыдно! Стыдно!». Все молча расступались, ибо ответить было нечего: по главной улице народного курорта шел подлинный хозяин всей Чешской земли. Как это прекрасно говорят у вас в России — Его Величество Рабочий Класс!..

Прометей из древнего Полоцка

Перед вами стариннейший печатный станок с русским шрифтом. Предполагают, что он из первой русской друкарни в Праге шестнадцатого века. Создал ее доктор медицины Франциск Скорина из Полоцка, что на Белой Руси, в 1517 году...

Наш гид по старой Праге, сидя подвигая старушка Мария Карловна, произнесла все это заученной скороговоркой и быстро засеменяла

к другим экспонатам в огромном зале знаменитой еще с двенадцатого века библиотеки бывшего Страговского монастыря. Но тут запротестовали даже самые смиренные из нас. Древнейший печатный станок с русским шрифтом?.. Русская типография 1517 года?! Почти за полвека до издания первой печатной русской книги в России! А доктор медицины — первопечатник русских книг Франциск Скорина из Белоруссии?! Сколько волнующих вопросов!

Мы настойчиво хотели получить на них ответы, и Мария Карлова побежала за «самым лучшим» консультантом.

В ожидании мы столпились у станка, рассматривали книги, одну интереснее другой, — огромные фолианты с орнаментами и праворами, и первые «книги для пения» с четырьмя линиями нот, молитвенники и «колдовские книги», и самые ранние в истории человечества первопечатные издания... И среди них древнейшие первые печатные русские книги — творения Скорины, печатавшиеся 450 лет назад!..

Консультант — научная сотрудница Пражского музея национальной письменности — оказалась высокой молодой блондинкой в сером платье. Она начала разговор с того, что представлялась сама и представила своего «уважаемого русского коллегу» — аспиранта из Ленинграда Виктора Ефимовича... Пришедший вместе с чешской девушкой наш земляк, молодой, художавый, окающий волжанин в белой рубашке с короткими рукавами, улыбаясь, объявил, что его «научный руководитель товарищ Милослава» сможет ответить на все вопросы по истории книгопечатания. Что же касается Скорины («подлинное имя которого не Франциск, а Георгий — запомните для начала!»), то кое-что о нем расскажет сам Виктор Ефимович...

Внимательно слушали мы рассказ о русском Прометее, зажегшем в шестнадцатом веке факел знания, и нам виделись в тумане времен шпили крепостных замков древнего белорусского города Полоцка, из ворот которого уходит в мир сын местного купца Луки Скорины — Георгий...

То были бурные годы человеческой истории. Время великих преобразований порождало героев — сильных, страстных, целеустремленных. И вот рядом с ними мы видим молодого парня из далекой Руси, простолюдина из Полоцка. Как подлинный сын Возрождения, он в совершенстве овладевает многими языками и многими науками. Достоин, как равный среди равных, работает он среди современников Леонардо да Винчи и Микеланджело в Италии, живет в Кракове, в Праге, в Киеве, в Падуе, Венеции, Вильно, встречается с Коперником, Томасом Мюнцером, с Мартином Лютером, бесстрашно отстаивает свои идеи, одинаково смело действуя словом, пером, а когда нужно, и кинжалом... Жизнь его полна успехов и неудач, невероятных приключений и бесчисленных путешествий по многим странам... Но, в отличие от авантюристов, искателей легкой наживы, он бескорыстно служит одной идее — дать народам Руси печатное слово разума, знаний...

...Шуршат тихие ветры с Влтавы над старыми стенами, темно-зеленый плющ трепетно касается пористых камней кладки двенадцатого века... А мы видим окруженный башенной крепостью

древний Полоцк. Купеческий сын Георгий Скорина настороженно вглядывается в большой мир. Юноша, обученный грамоте, знающий латынь, свободолюбив, нетерпим к гнету и не раз вступает в перепалку с соглядатаями и стражниками воеводы. Спасаясь от угрозы заточения, Георгий Скорина покидает родной город.

Крылья крепнут в полете... Юноша попадает в Краков с мечтой — учиться, чтобы быть полезным Родине. Здесь, в католическом Краковском университете, нарекают Георгия, сына Луки из Полоцка, — Франциском. Он страстно приобретает к наукам, и скоро ему подвластны уже все «семь свободных искусств», составляющих программу университета: грамматика, риторика, логика, арифметика, астрономия, геометрия, музыка...

Путь к знаниям идет через ядовитый туман религиозных догм, каждый шаг вперед свершается в жестокой борьбе, и уже с университетских лет Скорина наживает себе «смертельных врагов в стане церковников и титулованных мракобесов.

Крылья крепнут в полете... Смело бросается он в житейские волны, устремляясь к своей заветной цели. Вот мы видим его уже в Киеве — он изучает богатую культуру Киевской Руси. Затем совершенствуется в знаменитом чешском университете в Праге, с письмом великого Коперника достигает белорусский хлопец и далекой Италии. Он — в прославленном Падуанском университете... В 25 лет Скорина блестяще заканчивает здесь медицинскую коллегия и, как глядят старые летописи, «первым из восточных славян получил звание доктора в науках медицинских»...

Доктор Франциск из Полоцка — в сказочной Венеции, перед ним прекрасная будущность. Но Георгий Скорина не для того устремляется к знаниям! «Не только для себя рождаемся мы на свет, но — наиболее — для служения общему благу», — так говорит он друзьям, так напишет он позже в предисловии к одной из своих книг... Из солнечной Италии, через всю Европу, свершает он полный лишений путь в холодную заболоченную Беларусь — в родной Полоцк. В думах он видит себя уже и в Москве.

Тепло встречают Георгия друзья, и доктор медицины раскрывает им свою мечту о Книге для народа... Но их мало, до боли мало, друзей Скорины. А врагам ненавистен холопский доктор, увенчанный европейскими дипломами. Само его существование здесь — опасно. Козни, преследования, угрозы отравляют жизнь, а средств для создания типографии нет, и ждать их неоткуда. А жизнь Георгия Скорины в опасности.

И снова, как много лет назад, вынужден Георгий тайно покинуть родной город. Но теперь Скорина твердо знает, что делать. То, что не удалось на Родине, совершит в вольной Праге, знакомой и близкой его сердцу. Там найдет он друзей и единомышленников.

Первая книга вышла в августе 1517 года! «Я, Франтишек Скорынин сын, из Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел сию Псалтырь тиснуть русскими буквами и славянским языком». То была первая библия на языке Руси, она была богато иллюстрирована. Среди иллюстраций есть и гравюра самого Скорины.

— Я взял с собой репродукции с этой гравюры. Смотрите! — Виктор Ефимович бережно поднял портрет. — Больше четырех веков из кни-

ги в книгу переходит эта гравюра, ее знают книголюбы во всех странах мира...

Художник современник Скорины, изобразил его в окружении книг. Скорбное лицо, мужественное и умное, взгляд устремлен вдаль...

Книгу за книгой издает Георгий Скорина.

«Людям посполитым к доброму научению» — с таким посвящением шли они на Русь, для «своей братии Руси» из далекой Праги. Их насчитывалось уже 22. Но недруги настигли Скорину и в Вольной Праге. По велению тех, кто хотел держать народ в темноте, его друкарня была разгромлена немецкими ландскнехтами, сам он был вынужден взяться за кинжал и пал тяжело раненый...

Прошли годы, и мы встречаем снова доктора Скорину — теперь уже в Вильно. Он и здесь создает типографию. А недруги неотступно преследуют его. С особой яростью восприняли они известие о том, что Георгий печатает книгу, которую сам же сочиняет, — совершенно светскую «Подорожную книгу», раскрывающую людям окно в мир из душных застенков церковных догм.

И Скорина оказывается в темнице, его друкарня сожжена по наущению барона Рейхенберга, уничтожен труд многих лет.

Но Скорина снова вырывается на волю и снова берется за создание типографии...

«Не зло связывает людей в сердцах их, а добро и разум, знанием освещенный», — провозглашает он.

...Полные впечатлений, шли мы по улицам и площадям Праги. На одной из центральных площадей издали звала к себе огромная витрина магазина: «Советская книга». Десятки прекрасных изданий на чешском и русском языках радовали глаз. И с волнением подумалось о том, что пять веков назад Георгий Скорина посылал на Русь из Старой Праги первые русские книги, а ныне советская книга пришла в Прагу, как друг и добрый советчик.

Станко и Златица

В старину город назывался Сингидунум — городом света. И сейчас, когда стоишь на площадке высокой стены вековой крепости Калемегдан — боевого ядра древнего Белграда, город кажется весь пронизанным трепещущим светом.

Мы стояли у «Вестника Свободы», пожалуй, нашего самого старого знакомого на югославской земле: юноша, опираясь на меч, поднимая в

руке сокола (чудесное творение скульптора Ивана Миштровича), приветствовал нас с вершины своей высоченной ребристой колонны задолго до того, как мы увидели с борта теплохода сейчаслицу Югославии... Казалось, сокол взлетит сейчас с руки «Вестника Свободы», вззовется над светлой радугой нового моста через Саву — туда, где вдоль бульвара Ленина поднимаются на железобетонных сваях многоэтажные здания Нового Белграда, раскинувшегося на огромной территории осушенных болот.

С площадки на крепостной стене далеко видны старый и новый город, и Дунай, и Сава. Здесь всегда много белградцев и гостей. Наш гид, молодой и энергичный, черный и худощавый Бранко, познакомил нас тут с друзьями-студентами...

Мы обратили внимание на двух молодых людей, склонившихся над книгой. Они стояли в тени развесистого дуба, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь просветы резных листьев, причудливо разрисовали трепещущим золотым шитьем светлое платье девушки, оттеняли острые скулы на суровом лице мужчины. Пожалуй, прежде всего бросалось в глаза именно то, что они не так молоды. Но не только это. Нечто своеобразное роднило их и в то же время отличало от остальных студентов. Вглядевшись, мы поняли, что причиной тому была их седина...

Мы хотели спросить о них Бранко, но мужчина вдруг поднял руку и, призвав к вниманию, воскликнул:

— Златица нашла! Нашла Златица! Слушайте!..

Девушка вышла из-под тени дуба. Ее окружили студенты. Видимо, продолжался какой-то давний спор. Голос девушки был грудной, теплый и в то же время слегка гортанный.

— Это — слова из книги Владимира Назора, — сказала она. — Я была права. Хотя это проза, но мы в горах переложили их в песню: «Приветствую тебя, заря утренняя, сестра наша ранняя. Привет тебе и поклон. Ты рассветаешь для всех, но никого так не радуешь, как меня...»

Мы смотрели на молодую девушку, всю освещенную солнцем, смотрели на ее лицо с глубоко запавшими глазами и прядями седых волос и вдруг с болью увидели: у нее была одна рука — второй длинный рукав белого платья был пуст и, как поникший парус, слегка трепетал от легкого ветра...

В крепостной парк мы спускались вместе со студентами. В густой тени старинной Часовой башни — Сахат Кули — Бранко поведал короткую, но трагическую историю Златицы и ее друга Станко.

...То было в последние месяцы войны. Советские войска вместе с отрядами Югославской Народной Армии громили фашистских оккупантов, пядь за пядью освобождали Сербию и Хорватию, Черногорию и Словению, Македонию и Герцеговину...

Небольшой партизанский отряд спускался с гор к Дунаю. С отрядом шли женщины, дети, старики, бежавшие из окрестных сел к партизанам от фашистского ига. Разведчики приносили радостные вести: идет по Дунаю советская военная флотилия, мчатся к переправам советские танки, летят краснозвездные самолеты. Свобода близка!..

Но за крутым перевалом ждало партизан последнее испытание. На горной дороге неужи-

Данно появились немецкие мотоциклисты-пулеметчики, за ними двигалась большая колонна войск... Партизан заметили и после короткого неравного боя взяли в смертельное кольцо. Обогрились кровью родные горы. Бойцы залегли за камнями. Женщины и старики помогали партизанам: заряжали диски автоматов, перевязывали раненых, сбрасывали на горные тропинки острые камни. К вечеру фашисты подтянули минометы, и смерть стала косить людей без разбора.

Командир отряда Ранко Кавран, раненный в обе ноги, переползал от группы к группе и тихо спрашивал, не поднять ли белый флаг, чтобы спасти детей.

— Умрем вместе! — отвечали матери.

И бой, смертельный, неравный, вошел в ночь, озаренную бледным светом молодого месяца. И вдруг все смолкло...

Как выяснилось потом, гитлеровцы получили сообщение, что советские войска переправились через Дунай. Теперь им было не до партизан.

На рассвете отряд Каврана подсчитал свои потери. Тут же, в горах, рыли могилы. Среди многих погибших бойцов был отец семилетней Златицы — любимицы всех партизан. Под рухнувшей от минометного огня скалой погибла мать девочки — тихая учительница Францка. И с ужасом обнаружили партизаны, что исчезла Златица... Ее нашли далеко в горах в густых кустах самшита. Видимо, сюда унес ее, спасая от обстрела, маленький связной отряда двенадцатилетний Станко. Плечо и рука девочки были туго перевязаны рубашкой Станко, ярко-красной от крови. Мальчик лежал тут же, рядом со Златицей, крепко сжимая в руке гранату, готовый защитить ребенка. Он сам был тяжело контужен...

Жизнь детей спасли врачи советского госпиталя, но Златица лишилась руки.

Вместе со Станко были они поселены в детском доме зеленого города Нови Сад, на Дунае, вместе учились в школе, работали на заводе, вместе поступили в Белградский университет.

— Их возраст и седины здесь никого не удивляют, — закончил рассказ Бранко. — Среди югославских студентов таких немало...

Недолго довелось нам пробыть в Белграде, но в один из ближайших дней со Златицей и Станко мы встретились снова.

С полудня до заката солнца жизнь в городе замирает. В часы зноя закрыты почти все магазины, жалюзи, как опущенные долу ресницы, прикрывают окна жилых домов, отелей, министерств и контор... Хорошо в эти часы в тенистых аллеях парков, бульваров, скверов.

Такой сквер раскинулся и у старого белградского отеля «Москва», вдоль широких каменных ступеней, ведущих на соседнюю улицу. Отдыхая после экскурсии, мы сидели под цветущей акацией — инженер с Северского завода, врач из Еревана и я. На соседних скамейках разместились югославские солдаты в рубашках свободного покроя и широкополых защитных шляпах-панамках, играли дети, старики читали «Новости». Рядом продавали мороженое, киоск торговал бутербродами и пирогами...

— Любовь и жары не боится, — философски заметил наш врач Баграмян, всегда склонный к ироническим обобщениям. Он кивнул головой направо, где на скамейке, у куста сирени, тесно прижавшись друг к другу, сидела пара. Муж-

чина в белой вышитой рубашке держал на коленях тетрадь, женщина в сиреновом платье склонилась ему на плечо...

— Видимо, молодой композитор принес девушке ноты своей новой песни, — сказал, улыбаясь, северский инженер.

— Пишете: икс квадрат, — донесся вдруг до нас в полуденной тишине гортанный женский голос. — Пишете!...

До сих пор я равнодушно слушал болтовню друзей. Но этот голос был волнующе знакомым. Ну конечно же! Это — Златица и Станко!..

Через минуту мы уже, как старые знакомые, сдвинули две скамейки, и беседа стала общей.

Студенты-дипломники решали задачу.

— Для университетских экзаменов, — с улыбкой пояснила Златица. — Но для нас это — и много больше. Как лучше по-русски: Следующее? Грядущее? Будущее?... Мы творим проект будущего стадиона в нашем родном граде.

— Это будет наше najlepше... сердечное наше спасибо людям, народу, кои взрастили нас, — сказал Станко, поднимаясь и беря Златицу под руку. — Пойдемте, драги приятели, узнамо се градом Београд!..

Мы с удовольствием еще раз прошли по улицам и бульварам белого города. Станко и Златица часто путали русскую и сербскую речь, смеялись над этим, немного смущались, но все было понятно, и мы от души восклицали:

— Разумем вас! Добро!..

Значок Ленина

ы были в Белграде на мемориальном кладбище.

Могилы югославских и советских солдат — все в цветах, белых, красных, иссиня-черных розах. И среди всего этого выделяется памятник советскому воину: солдат в шинели и шапке-ушанке с автоматом на груди стоит, прислонясь к уральским сосенкам, по сторонам застыли в вечном почетном карауле подмосковные березы; склонились днепровские ивы...

Бережно положив к ногам воина венок из живых цветов, постояв в молчании, мы медленно пошли дальше, с волнением читая имена на бесчисленных могильных плитах.

«Василий Михайлович Михайлов, майор, Герой Советского Союза»...

«Усман Закирович Якубов, майор»...

«Зинаида Николаевна Чакман»...

«Борис Залманович Финкин, полковник»...

«Шайми Назипович Назиров»...

«Ф. Д. Федин, лейтенант, Герой Советского Союза»...

«Мишка-танкист»...

«Маша».

О многих героях напоминают лишь имена. Но нередки и другие надписи: «Непознати борац Црвене Армии» — неопознанный боец Красной Армии... Почти скрыты кустами темно-красных бархатных роз плиты на братских могилах:

«119 неопознанных бойцов»...

Может быть, «Мишка-танкист» — это наш Михаил Егоров, водитель грозной «самоходки» из Ленинградской танковой бригады? Мы не раз встречались с ним в первые годы войны. Не он ли погиб здесь, освобождая югославскую столицу?!. А «Василь»? А «Маша»?.. Может быть, и их мы знали? Может быть, в те пронизанные солнцем сентябрьские дни сорок четвертого они стояли где-то здесь, в этих местах, в одном строю с нашим попутчиком — грузным агрономом Юрием Петровичем из Казахстана, тогда молодым капитаном 10-го гвардейского стрелкового корпуса... Это к ним обращалось в те дни политуправление 3-го Украинского фронта:

«Ты вступил на территорию родной по духу и крови нам Югославии... Высоко и почетно в Югославии имя твое... Ты окружен любовью и уважением всего югославского народа как воин-победитель, воин-освободитель... Всегда и везде помни; что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и уничтожить бегущих под твоими ударами гитлеровских разбойников...»

С честью выполнили они освободительную миссию: и те, кто дошел с победой до Берлина и вернулся к мирным нивам и городам, и те, кто лежит здесь, в югославской земле.

У ворот кладбища мы встретились и разговорились с группой белградских рабочих. У нас не было переводчика, но русский язык знаком тут многим, а славянская речь близка и нам. Когда же вдруг высокий седоусый серб бросился обнимать нашего Юрия Петровича, восклицая: «Помнишь ли Старчево, друже!..», — когда он бережно передал ему на руки своего светловолосого внука, и тот, подражая деду, доверчиво обнял Юрия Петровича, когда стало известно, что Милован Станкович, бывший лейтенант Воеводинской бригады народно-освободительной армии Югославии, двадцать лет назад побратался с нашим капитаном Юрием Петровичем в освобожденном Старчево, на пути к Белграду... Бойцы вспоминали минувшие годы, и все попутчики Станковича наперебой называли места боев, радостно обнимая и тиская при этом Юрия Петровича: «Друже, а Дониmilованец зпомнишь?», «А Клокочевац, а Обрановац?» — Бывший капитан Красной Армии пожимал руки югославским друзьям и тихо приговаривал: «Помню, друже, помню!..»

День клонился к исходу. Ветер принес прохладу с Дуная и Савы. Шли после трудовых дел белградцы и замедляли шаги, узнавая русских. Неумолкаемое «здрavo!» звучало вновь и вновь..

А, когда стали прощаться, Милован Станкович, пожимая всем руки, передал просьбу своих товарищей: подарить на память об этой встрече значок с изображением Ленина. Только значок Ленина!..

ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

Книга о героях

Эта книга пришла не из далекой древности и повествовала не о мифической героях-титанах. Она еще пахла типографской краской, когда ученики чебаркульской школы № 6, Челябинской области, получили ее от автора с надписью: «Дорогим и славным советским школьникам города Чебаркуля. Если книга «В походах и боях» послужит делу воспитания патриотизма, буду рад. П. И. Батов».

Дважды Герой Советского Союза Павел Иванович Батов во время Великой Отечественной войны командовал 65-й армией и о ратных подвигах бойцов и командиров знал не по рассказам. Ребята с волнением читали страницу за страницей. Перед ними раскрывались потрясающие картины смертельных схваток советских воинов-героев с фашистским чудовищем. Одно место в книге особенно поразило ребят. Здесь рассказывалось о подвиге солдата 616-го стрелкового полка Николая Голубятникова. Находясь в секрете, Голубятников был окружен фашистами и вел неравный бой, пока силы не оставили его. Фашисты схватили истекавшего кровью солдата, нанесли ему два удара кинжалом в шею и отрезали уши. Далее автор сообщал, что вручил герою в госпитале орден Красного Знамени.

— Значит, Николай Голубятников не погиб?

И вот во все концы страны полетели письма. Ребята писали генералу Батову и в Министерство обороны, и в Центральный архив Советской Армии, и в областные военкоматы. Но следов героя не находилось. Сообщили только, что рядовой Николай Голубятников после длительного лечения в госпиталях уволен из Советской Армии в 1944 году.

Вскоре случилось такое, чего никто не ожидал.

*«Николай Дмитриевич,
наш сосед...»*

Как-то утром по дороге в школу ребят обогнала маленькая двухместная автомашина, какие бесплатно выдаются инвалидам войны. В ней сидел широкоплечий человек в фуфайке, с простым открытым лицом.

Он приветливо улыбнулся Наде Плохих.

— Кто это? — поинтересовались ребята.

— Николай Дмитриевич, наш сосед. На одной улице живем.

— А фамилия у него какая?
— Фамилия? Фамилии я не знаю. Он лесником раньше работал. Трудно ему, изранен весь... — И тут у Нади глаза округлились: — Ребята, а знаете, что?! — и осеклась.

В перемену Надя зашла в учительскую.
— Вот, кстати, и ты, — встретил ее преподаватель Парфенов. — Смотри-ка сюда. — И он раскрыл третий том «Истории Великой Отечественной войны». Надя увидела фотографию, на которой генерал Батов вручал боевой орден раненому воину, и заспешила в класс.

Вечером ребята были в домике на окраине города. Николай Дмитриевич приветливо сказал:

— Проходите, дорогие гости. Чем могу служить?

Все посмотрели на Надю. Та смутилась.
— Николай Дмитриевич, вам это знакомо? — и она протянула ему книгу «В походах и боях».

Голубятников, не торопясь, просмотрел ее.
— Нет, не читал.

— Почитайте, пожалуйста. — Надя раскрыла страницу, где описывается подвиг солдата.

Все затихли. Взгляд Николая Дмитриевича медленно скользил по строчкам. Потом стало слышно его прерывистое дыхание, на щеках появился румянец, а на глаза навернулись слезы...

Это было под Курском

Вечером 24 июня 1943 года командир роты 616-го стрелкового полка вызвал к себе двух солдат-уральцев — Николая Голубятникова и Андрея Бестужева.

— Пойдете в секрет, — сказал он. — Вы, Голубятников, назначаетесь старшим. Участок у нас опасный. Будьте начеку. При нападении предупредите меня по телефону и открывайте огонь. Ясно?

— Ясно, товарищ командир! — ответил Голубятников. — Врага не прозеваем.

— Надеюсь на вас. Ну, желаю удачи. — И офицер крепко пожал солдатам руки.

Наши части на Курской дуге со дня на день ждали наступления противника. Из штаба полка предупредили, что ночью возможна вылазка фашистов. Поэтому командир роты решил на-

править в секрет лучших солдат, уже не раз отличившихся в боях.

Голубятников и Бестужев с автоматами в руках, ручными и противотанковыми гранатами за поясом разместились в окопе у железнодорожной насыпи. Густой кустарник и буйная трава надежно маскировали секрет. Стояла обманчивая тишина. Голубятников, держа наготове автомат и гранату, напряженно всматривался в темноту.

Темнота постепенно стала рассеиваться. Голубятников уже различал силуэты далеких деревьев. Вдруг впереди раздался грохот. Опытный солдат без труда определил, что немцы открыли огонь из шестиствольных минометов — «скрипачей». Снаряды ложились все ближе и ближе. Совсем рядом будто ударила молния, и Голубятников потерял сознание...

Очнувшись, он увидел, что там, где был Бестужев, чернела свежая земля. «Надо скорее откопать, может, жив». Но при попытке сделать движение тело пронизала страшная боль. Голова кружилась. А в кустарнике уже появились немцы. Голубятников потянулся к телефонной трубке. Телефон молчал. «Значит, перерезали провод». Превозмогая боль, Николай приподнялся, швырнул в ползущих гранату и открыл огонь из автомата. Фашисты отпрянули, потом снова появились с разных сторон. Их было много. Солдат дрался яростно. Вражеские пули пробивали ему руки и ноги, но он продолжал стрелять и бросал гранаты...

Когда фашисты ворвались в окоп, один из них схватил не подающего признаков жизни солдата за воротник шинели и стал яростно трясти. Сознание на миг вернулось к Николаю. Затем он ощутил тупой удар в шею и впал в забытие... Фашист еще раз вонзил кинжал в шею, отсек уши.

...Будто, сквозь сон, Николай Дмитриевич услышал голос:

— Убит наш Голубятников, ребята. А где же Бестужев?

Солдат собрал последние силы. Их хватило всего на несколько слов, похожих на стон:

— Жив я... Бестужев засыпан...

И снова забытие.

Пришел в себя Голубятников только на второй день. В госпитале рядом с ним находился Андрей Бестужев. Возвращение к жизни этих двух солдат казалось чудом.

Здесь, в госпитале, Голубятникову был вручен орден Красного Знамени самим командующим — генерал-лейтенантом Батовым. Потом Николай Дмитриевич на самолете отправили в Елец, где знаменитый хирург, профессор Бурденко сделал ему сложную операцию.

* * *

Следопыты Чебаркульской школы разыскали десятки героев гражданской и Великой Отечественной войн. В июне прошлого года ребят пригласил в Москву начальник Генерального Штаба Советской Армии маршал Советского Союза С. С. Бирюзов. Здесь они встретились с прославленными генералами, в том числе и с П. И. Батовым.

Сейчас пионеры-следопыты заняты поисками боевого товарища Голубятникова — Андрея Бестужева.

А. КОРЗНИКОВ

«ЗА ВЕСЕЛОГО УРАЛЬЦА СЕРЕЖУ!»

Отряд юных следопытов восьмилетней школы № 38 города Нижнего Тагила по заданию краеведческого музея летом совершил большой поход. Цель — собрать материал о герое Великой Отечественной войны Сергее Коровине, повторившем подвиг Александра Матросова.

Город Висим — родина Сергея. Здесь мы встретились с его матерью и сестрой, друзьями. Они рассказали нам, что, рано оставшись без отца, Сергей всегда был хорошим помощником в семье, любил лес, рыбалку. После окончания фабрично-заводского училища при Уралвагонзаводе работал слесарем в механосборочном цехе. В апреле 1941 года его призвали в ряды Красной Армии. Вскоре из Березовска пришло первое письмо. Второе получили из Подмосковья. Третье — с фронта.

А в марте 1945 года Евдокия Федосеевна Коровина узнала о гибели сына. Гвардий капитан Тувалькин сообщил ей о смерти отважного гвар-

дейца. К письму была приколата небольшая записка из фронтовой газеты «За честь Родины».

«Комсомолец Сережа Коровин,— писала газета,— гордился тем, что он уралец, и всегда подолгу рассказывал своим товарищам об этом богатом и красивом крае.

— Урал — кузница победы. Нет ничего такого у нас на фронте, чего бы ни давал Урал,— любил часто повторять разведчик.

За добрый характер, простоту, товарищескую помощь и смелость любили бойцы своего товарища. Любили и гордились его дружбой, гордились тем, что он смелый разведчик, тем, что он уралец, что на его груди горят орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

Сколько раз Коровин со своими друзьями-разведчиками пробирался в тыл врага, приводил языков, добывал ценные сведения! Сколько раз он попадал в сложные переделки и каждый раз выходил победителем! Победил он и на этот раз в неравной жаркой схватке с врагом.

Немцы пробрались на высоту, имевшую важное значение.

Группа гвардейцев вызвалась уничтожить фашистский пулемет. К пулемету пополз Коровин с гранатой в руке. Он продвигался, несмотря на иквальный огонь врага...

Вперед, только вперед! Вот и пулемет. Сережа поднялся во весь рост и бросил гранату. Но в этот же миг пуля сразила Коровина. Смертельно раненый боец покачнувшись, собрал последние силы, бросился вперед, прямо на вражеский пулемет, и закрыл его своим телом. И сразу же поднялись товарищи Сережи Коровина и решительным ударом очистили высоту от врага. Мало кому из гитлеровцев удалось уйти живым. Это была месть за друга, за веселого уральца Сережу».

А. СМОЛЯНСКИЙ

У МАРИЙСКИХ СЛЕДОПЫТОВ

Большая Тавра — марийское село в Красноуфимском районе, Свердловской области. В нем много мальчишек и девчонок — пытливых, любознательных, боевых. Недавно они организовали следопытский отряд.

Наш корреспондент П. Истомин недавно побывал у марийских ребят.

В ОВРАГЕ ЯШКЕЛДЕ

Встретились мы на берегу живописной студеной реки Ай. Смуглые мальчишки и девчонки из села Большая Тавра вели здесь раскопки. На траве были аккуратно разложены: бивень мамонта, огромные кости каких-то доисторических животных.

— Откуда все это?

— Из оврага Яшкелде, — ребята показали на крутой глинистый склон, пересекавший берег реки Ай.

— Первое открытие сделал Слава Митькин, — сказал руководитель отряда Александр Иванович Сапин. — Слава обнаружил в овраге залежи охры, а когда мы стали раскапывать склон, то нашли кости мамонта. Сообщили в Свердловский краеведческий музей. С тех пор после весенних паводков отряд наш обходит овраг, осматривает берег реки. Каждый раз что-нибудь находим. Сегодня нам повезло. Видите, какие трофеи!

ЦЕЛЕБНЫЙ ИСТОЧНИК

С давних пор, говорят старожилы, на Сарсынской горе «свершается чудо». На вершине, всегда в один день, а именно 18 июня, появляется родник. К его журчащему, падающему вниз потоку приходят люди и пьют холодную, освежающую воду с незнакомым привкусом. Кто-то заметил, что вода снимает боли в желудке. Широко разнеслась молва об этом источнике, но только не каждому удавалось испить целебной воды: она исчезала ровно через три дня в недрах горы.

Удивительным родником заинтересовались следопыты Больше-Тавринской школы. Метр за метром осмотрели они всю поверхность земли вблизи горы Сарсынской, но следов целебного источника не нашли. И, когда уже хотели прекратить поиски, Слава Митькин обнаружил ключ, к которому вели звериные тропы. Попробовали воду на вкус.

Она в Славкином роднике была точно такой же, что и на Сарсынской. Родник назвали по местности, где он находился: Пайметпамаш. Он соединялся с источником на Сарсынской горе по закону сообщающихся сосудов. В свердловской лаборатории признали открытие очень важным и премировали Славу путевкой в Артек.

МУЗЕЙ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ

О трудовых подвигах своих отцов, рабочих совхоза Большая Тавра, рассказывают материалы школьного музея, созданного руками следопытов в течение пяти лет. Галерею героев труда открывает портрет Андрея Дмитриевича Дмитриева, награжденного за высокие показатели на уборке урожая орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Андрей Дмитриевич работает старшим комбайнером.

Занесены в летопись трудовой славы и школьники, которые в летние каникулы наравне со взрослыми трудятся на полях в специально

организованных школьных бригадах. А ребята старших классов — Люда Митькина, Катя Александрова, Слава Митькин и другие — решили освоить следопытский целинный гектар. Недалеко от села они облюбовали участок заброшенной земли и теперь расчищают его, чтобы весной провести здесь первую борозду.

Есть в музее и исторические материалы, рассказывающие о расселении марийцев по уральской земле, об участии их в борьбе за Советскую власть.

П. ИСТОМИН

Юрий ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

Рисунки С. Киприна

Приключенческий роман

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поединок

— Слушайте, Сомов! На кой черт вас прислали?

— Меня не спрашивали, хочу я сюда попасть или нет. Наверное, точно так же, как не поинтересовались и тем, понравится ли вам мое общество.

— Предупреждаю: я здесь начальник группы! Понимаете? И если я прикажу...

— Плевал я на ваши приказы.

— Что-о?!

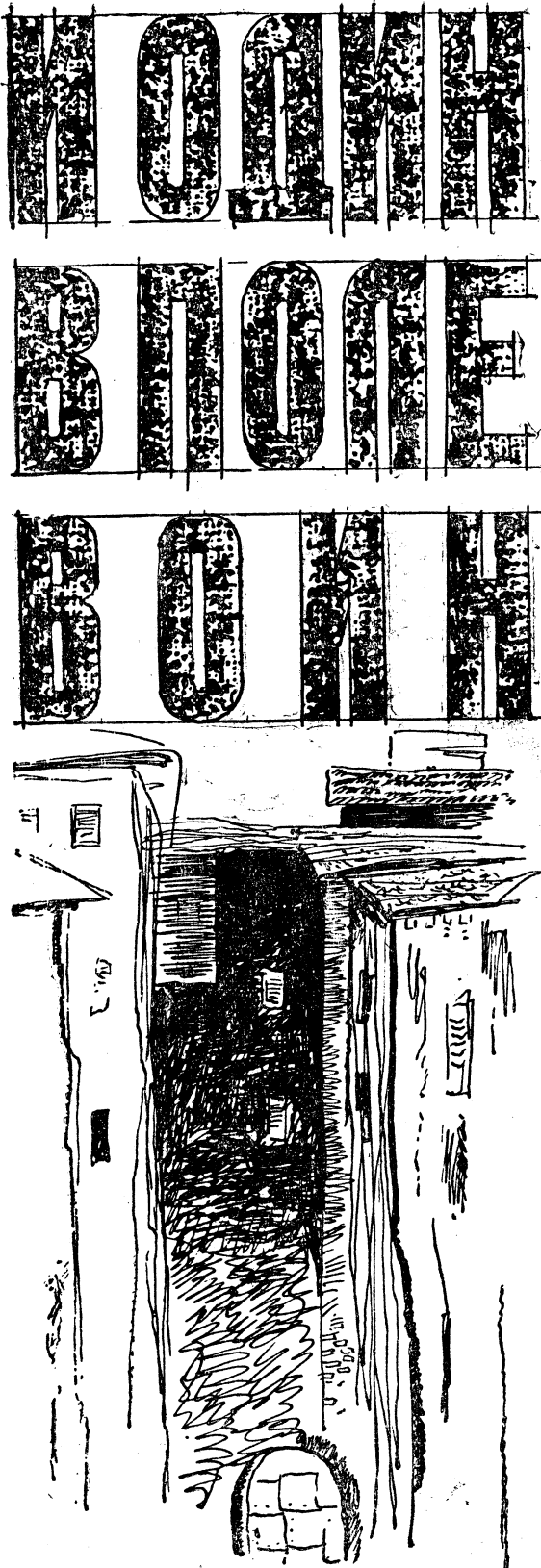
Протопопов вскочил, будто в нем развернулась тугая пружина, и кулаками, в которых были крепко зажаты прямоугольнички домино, оперся на стол, подавшись вперед всем своим крепким приземистым телом. Маленькие черные глазки, глубоко сидящие под широким выпуклым лбом, впились в новичка, желваки на челюстях вздулись клубком и перекатывались под кожей, как два больших ореха. Казалось, Протопопов силится разгрызть их, чтобы поскорее впиться зубами в горло противника, который так спокойно курит сигарету и с легкой улыбкой посматривает на него.

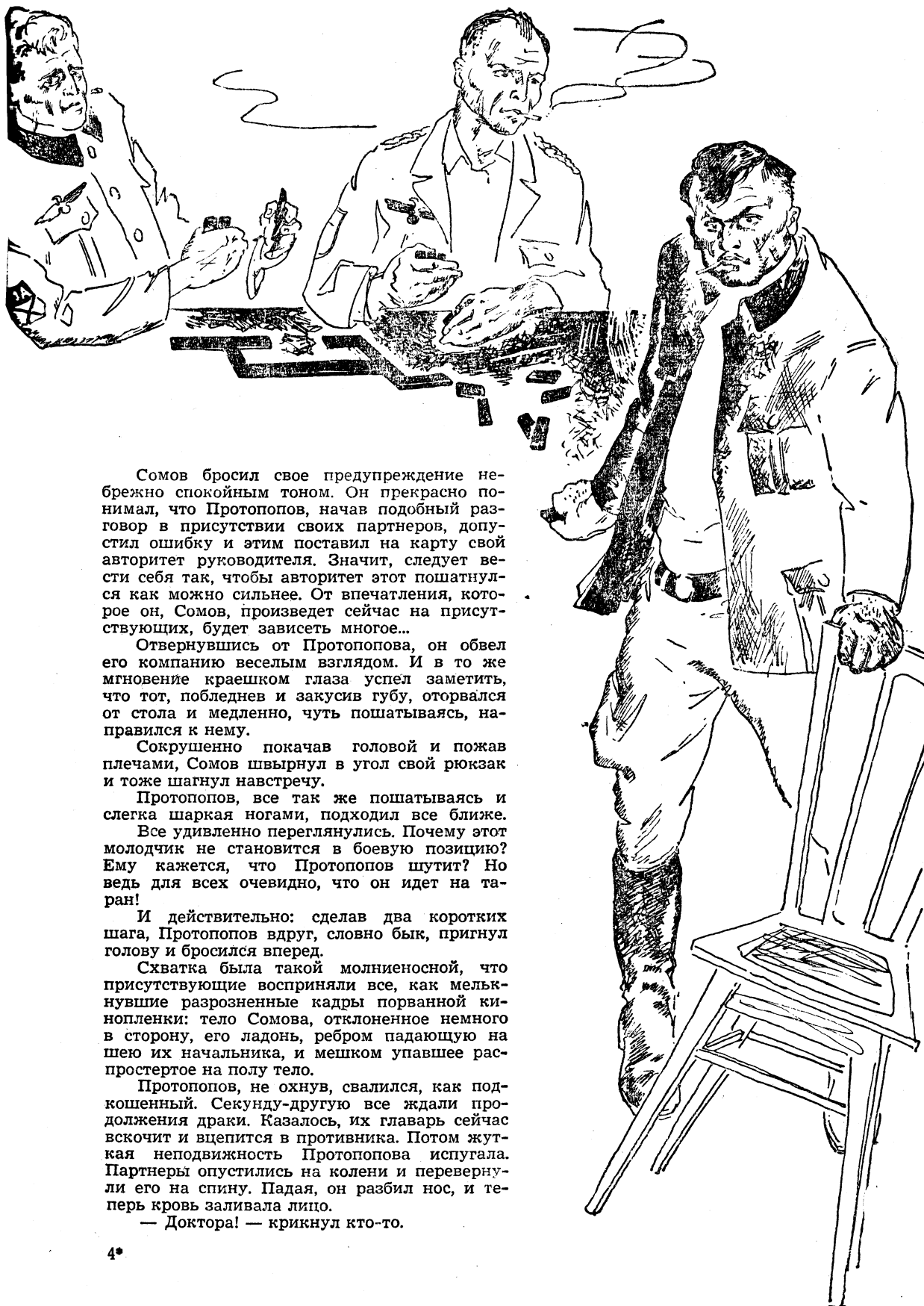
Три партнера Протопопова с интересом смотрели на незваного гостя, который помещал им играть и теперь так дерзко ведет себя. Да еще с кем! С бывшим заместителем начальника разведки одной из дивизий Власова, который и здесь сумел стать верховодом! Многие пострадали от его злого, несдержанного характера. Теперь даже высшие по чину перед ним — ниже травы, тише воды. Куда уж там этому молодчику, бывшему лейтенанту гренадерского полка гитлеровской армии.

— Да знаешь ли ты...

— Прошу не тыкать! Мы с вами вместе свиней не пасли!

Первая часть второй книги печаталась в № 8—12 1963 года.

Сомов бросил свое предупреждение небрежно спокойным тоном. Он прекрасно понимал, что Протопопов, начав подобный разговор в присутствии своих партнеров, допустил ошибку и этим поставил на карту свой авторитет руководителя. Значит, следует вести себя так, чтобы авторитет этот пошатнулся как можно сильнее. От впечатления, которое он, Сомов, произведет сейчас на присутствующих, будет зависеть многое...

Отвернувшись от Протопопова, он обвел его компанию веселым взглядом. И в то же мгновение краешком глаза успел заметить, что тот, побледнев и закусив губу, оторвался от стола и медленно, чуть пошатываясь, направился к нему.

Сокрушенно покачав головой и пожав плечами, Сомов швырнул в угол свой рюкзак и тоже шагнул навстречу.

Протопопов, все так же пошатываясь и слегка шаркая ногами, подходил все ближе.

Все удивленно переглянулись. Почему этот молодчик не становится в боевую позицию? Ему кажется, что Протопопов шутит? Но ведь для всех очевидно, что он идет на таран!

И действительно: сделав два коротких шага, Протопопов вдруг, словно бык, пригнул голову и бросился вперед.

Схватка была такой молниеносной, что присутствующие восприняли все, как мелькнувшие разрозненные кадры порванной киноленты: тело Сомова, отклоненное немного в сторону, его ладонь, ребром падающую на шею их начальника, и мешком упавшее распростертое на полу тело.

Протопопов, не охнув, свалился, как подкошенный. Секунду-другую все ждали продолжения драки. Казалось, их главарь сейчас вскочит и вцепится в противника. Потом жуткая неподвижность Протопопова испугала. Партнеры опустились на колени и перевернули его на спину. Падая, он разбил нос, и теперь кровь заливала лицо.

— Доктора! — крикнул кто-то.

— Незачем, — как ни в чем не бывало, раскуривая сигарету, бросил Сомов. — От такого удара не умирают. Плесните на него водой, через пять минут очухается...

И в самом деле, через несколько минут Протопопов открыл глаза и обвел присутствующих бессмысленным взглядом. Но вот глаза его остановились на Сомове, он рванулся, чтобы встать, но руки сразу же согнулись в локтях, голова откинулась назад и глухо стукнулась о мокрый пол.

— Отнесите его на диван и подложите что-нибудь под голову! — спокойно распорядился Сомов, и недавние партнеры Протопопова молча подчинились властным ноткам, прозвучавшим в его голосе.

Подойдя к столу, Сомов, будто случайно, опустился на тот самый стул, который только что занимал начальник группы.

— Да вы, оказывается, мастер драться! — не скрывая своего восторга, прошептал белокурый молодой человек с погонами обер-лейтенанта на потрепанном френче.

— Приходилось, — небрежно пробормотал Сомов.

Протопопов опять раскрыл глаза и, будто стараясь разорвать тонкую пленку, мешавшую ему видеть, часто-часто замигал. Потом его взгляд, неотрывный, исполненный ненависти, снова остановился на Сомове. Увидев, что Протопопов садится, его друзья затаили дыхание. Не может быть, чтобы он смирился с поражением, не попытался немедленно расквитаться! Напрасно Сомов с таким безразличием передвигает костяшки домино, выкладывая из них какой-то сложный узор.

Но, к всеобщему удивлению, свести счета Протопопов не торопился.

— Пошли ко мне! — неожиданно приказал он двоим из своей группы — майору и капитану.

Все трое вышли.

Молоденький лейтенант подсел к Сомову. Ему не терпелось удовлетворить свое любопытство, поближе познакомиться с этим новичком, который ведет себя так независимо, нет, просто отчаянно!

— Здорово все-таки у вас вышла эта штука! — он рубанул ладонью в воздухе. — Только теперь берегитесь! Протопопов вам не простит. Он и отца родного прикончит, если тот ему поперек дороги станет.

— А я не из пугливых.

— Еще бы! Дать ему такую сдачу! Одного не пойму: нарочно вы его дразнили или в самом деле хотите возвратиться в Россию?

— Может быть, мы сначала познакомимся?

— Домонтович Михаил Данилович.

Сомов назвал себя.

— Так вас интересует, действительно ли я решил возвратиться? Самым серьезным образом!

— Ну и ну! Ведь это же все равно, что добровольно влезть в петлю. Проще сделать это здесь. Меньше возни и моментальный эффект.

— А я еще собираюсь пожить.

— Не понимаю, честное слово, не понимаю! Абсолютно никакой логики! Хотите пожить, а сами на рожон претесь. Почему?

— Там у меня жена, родители, а тут никого.

— Так вы же им и предсмертного поцелуя не успеете передать! Как только попадете в Россию, вас в первый же день расстреляют! Служба в немецкой армии! И вы хотите с этим заявиться домой?

— Но ведь это была служба по принуждению. Меня, полурусского-полунемца, гитлеровцы почти насильно забрали из лагеря военнопленных, чтобы напялить мундир солдата вермахта. Да и воевал я преимущественно на Западном фронте...

— Вы думаете, вам поверят?

— А я рассчитываю на психологический момент, — ответил Сомов. — Наверняка лишат свободы на несколько лет. И все же это лучше, чем всю жизнь влачить жалкое существование на чужбине.

— Почему жалкое? В наш лагерь приезжали представители благотворительных и всяких других обществ. Они обещали помощь, работу...

— Святая наивность!

— Вы — то слишком большой оптимист, то отчаянный скептик...

— Одной меркой можно мерять только одинаковые вещи. А тут... Мне пришлось побывать в Париже, и я видел эмигрантов, которые драпанули из России в начале революции. Им точно так же, как нам теперь, обещали тогда и поддержку и приют. А чем закончилось? Бывшие графини моют посуду в ресторанах, бывшие князья служат лакеями. А ведь это же «элита» дореволюционного русского общества. Чего же ради с нами будут цапкаться? В лучшем случае загонят куда-нибудь на плантации или копи. В Африку, например...

Сказанное Сомовым, очевидно, произвело впечатление. Домонтович уставился на бумажку, вдоль и поперек которой машинально вычерчивал квадраты и треугольники. Рука его замерла.

— Ваша группа полностью отказалась возвратиться домой? Или есть в ней такие, что и возвратились бы, да боятся об этом сказать? — Сомов внимательно следил за выражением лица собеседника, но тот, тряхнув головой, будто отгоняя грустные мысли, снова принялся за прерванное занятие.

— В чужую душу не влезешь, — сказал после минутного молчания Домонтович.

— А вы лично?

— Как говорится: и рада душа в рай, да грехи не пускают.

— И большие грехи?

— Порядочные! Ведь перед тем как перейти к Власову, я работал в харьковской полиции.

— Вот как!

— Ну, ясное дело, приходилось принимать участие в разных акциях...

— В том числе и карательных?

— Всякое случалось... Эх, да что там вспоминать! Домой возвращаться мне не светит. Впрочем, на эту тему мы еще поговорим. А теперь идемте, я покажу вам вашу кровать. Их тут много свободных.

— Ждут новое пополнение?

— А черт его знает! Нас так содержат, что и носа из казармы не высунешь. Сейчас сами увидите.

Двор, на котором они через несколько ми-

нут очутились, был похож на большой каменный колодец четырехугольной формы. Стенами служили четыре одинаковых пятиэтажных дома, имевших вид единого архитектурного ансамбля. С внешним миром двор соединялся лишь высокими воротами, обшитыми металлическими листами и теперь накрепко запертыми. Наглухо закрытой со стороны улиц была и арка подъезда, расположенного с северной стороны, как раз напротив ворот. В подъезд выходило несколько дверей, очевидно, наспех и недавно сделанных.

На заасфальтированном дворе ни деревьев, ни кустика. Только в центре ярким пятном выделялись клумбы на круглой площадке, над которой, как зонтик, поднимался туго натянутый тент.

— Место развлечений и отдыха? — улыбаясь, спросил Сомов.

— Парилка, — скривился Домонтович. — От казармы веет жаром, сверху печет. Сюда днем и нос высунуть невозможно. Чувствуешь себя, как карась на сковородке... Здесь есть единственный уголок, где можно хотя бы немного душой отдохнуть, — он кивнул головой в сторону подъезда.

— А что там?

— Самое главное — небольшой бар. А вообще есть магазинчик, парикмахерская, чистильщик обуви, он же и сапожник...

— Вы неплохой чичероне.

— А я тут вроде квартирмейстера. Всех новичков сопровождаю.

Большая и длинная комната, в которую Домонтович ввел Сомова, производила странное впечатление. Свет падал в нее с двух сторон: через прорубленные под самым потолком четыре узеньких окошка в стене, напротив входа, и два обычных окна, в стене слева.

— Смахивает на модернизированный каземат, — пошутил Сомов.

— Там улица, — коротко объяснил Домонтович, указав глазами на окна-бойницы, и уже другим, деловым, тоном спросил: — Вы хотели бы поближе к окну или у противоположной стены?

— Если можно, то у окна: все же больше воздуха.

— Тогда занимайте вот эту, первую от входа. Вещи можете положить в тумбочку стола, он полностью в вашем распоряжении... Ну, отдыхайте.

Козырнув, Домонтович вышел.

Теперь Сомов мог внимательней рассмотреть свое жилище. Два ряда кроватей, выстроенных вдоль стен, между ними маленькие столики с одной тумбой, на каждом по чернильнице... Белье приличное. Удобно, что спинка кровати в ногах имеет форму стоячей вешалки для одежды. В глубине комнаты, возле стены, напротив двери, стоит круглый стол, очевидно, для общего пользования. Газеты, несколько брошюр. И во всех, конечно, идет речь о прелестях «свободного мира». А вот и рассказы «беглецов с Востока». Значит, тут заботятся не только о теле, но и о пище духовной. Интересно. Придется все это просмотреть... Но в первую очередь следует привести в порядок мысли. Удачно или неудачно прошло сегодня его «приземление» в лагере бывших власовцев?

Тот, кто назвал себя Сомовым, начал придирчиво вспоминать каждый свой шаг, взвешивать каждый поступок. По-видимому, все идет как надо. Даже лучше, чем можно было ожидать. Острая стычка с Протопоповым, безусловно, сыграет роль лакмусовой бумажки, которая поможет познакомиться с распределением сил, а главное — напасть на след тех, кто стремится возвратиться в Советский Союз. Может быть, они установили уже связь с комиссией по репатриации? Общими усилиями им будет легче обезвредить Протопопова, помешать коварным планам Думбрайта, Нунке и тех, кто за ними стоит.

Успокоенный мыслью, что старт взят удачно, Григорий разделся и в одних трусах улегся на кровать. Только прикоснувшись головой к подушке, он почувствовал, что смертельно устал.

Но отдохнуть ему не удалось. Не успел он задремать, как кто-то коснулся его плеча. Возле кровати стоял уже знакомый майор — один из партнеров Протопопова по игре в домино.

— Мистер Хендкопф приглашает вас к себе.

— Как к нему пройти?

— Мне поручено вас сопровождать.

Проходя по двору мимо арки подъезда, Сомов коснулся рукой щеки. Надо побриться! Как хорошо, что он не взял с собой бритвы. По крайней мере будет повод, чтобы выйти лишний раз из помещения казармы. Нужно будет узнать у Домонтовича о распорядке дня, потому что этот майор не очень-то говорлив.

Все же Сомов попытался вызвать его на разговор.

— Ваша группа давно уже находится здесь? — спросил он.

— Сопровождая вас, я выполняю служебное поручение, но это не означает, что между нами могут быть какие-либо отношения, кроме официальных, — сердито буркнул тот. — Просил бы запомнить это!

— Вас лично я, кажется, ничем не обидел... Что же касается Протопопова...

— Предупреждаю: моего лучшего друга!

— Тем хуже для вас.

— Щенок! Наглец! Так разговаривать со старшим, боевым офицером? Да знаете ли вы, что я пять раз ранен, что я... что Протопопов... — захлебываясь словами, майор вплотную подступил к Сомову.

«Боевой офицер! Пять раз ранен! За кого же ты проливал свою кровь, подлец!» — хотелось крикнуть Григорию, но Сомов холодно сказал:

— А у меня одиннадцать ранений, и я получил едва ли не такое же количество наград. Что же касается боевой дружбы, то я не хуже вас знаю ей цену. Только я никому, даже другу, не разрешу навязывать мне свои взгляды и убеждения.

Ничего не ответив, майор поднялся на ближайшее от ворот крыльцо, раскрыл дверь и, пропуская Сомова вперед, бросил:

— Кабинет налево.

Комната, куда секретарь ввел Сомова, меньше всего напоминала служебное помещение и даже кабинет в частной квартире. Ковры и картины на стенах. Масса столиков, тумб, полок, заставленных посудой, статуэт-

ками, старинными часами. Прямо на полу в углу — куча книг в дорогих переплетках. Создавалось впечатление, что через несколько дней в этом помещении собираются открыть антикварный магазин.

Хозяин кабинета, в одной майке, но в форменных брюках американского офицера, сидел за старинным письменным столом и рассматривал через лупу какое-то мелкое украшение.

— Сомов? — спросил он.

— Да.

— Мне не совсем нравится ваш внешний вид, — сказал Хендкопф по-немецки. Отложив в сторону лупу, он смерил Сомова взглядом с ног до головы, будто и в самом деле проверяя, по форме ли он одет и все ли хорошо пригнано.

— А мне не нравится ваш, — спокойно ответил тот, зная, что речь идет об обычном обмене паролями.

— Семьдесят...

— И три, — закончил Сомов.

— О'кэй! Устраивайтесь хотя бы вот здесь, в этом кресле у стола, и, пока я разберусь с этой чертовой геммой, хозяйничайте сами. Надеюсь, среди бутылок вы найдете что-нибудь по вкусу... Тьфу! Честное слово, ничего не пойму! Кажется, опять попал впроак! Как, по-вашему, эта штука в самом деле чего-то стоит, или она из тех копейных сувениров, которые подделывают под древность?

Хендкопф протянул Сомову лупу, и прозрачный, почти прямоугольной формы, дымчато-черный агат, будто подсвеченный изнутри красноватой искрой. На гладко отполированной поверхности камня тонким узором проступала резба.

Сомов пожал плечами.

— Признаться, я не знаток. Слышал только, что здесь, в Германии, — кажется, в Богемии и Саксонии, — было очень много фабрик, которые не только шлифовали агаты, но и искусно их окрашивали. Возможно...

— Влопался, выходит! Ведь видел же, что старый хрыч глаза прячет! Начало восемнадцатого столетия! Печать самого Великого Мастера Ложи...

— Тут и в самом деле вырезано что-то, похожее на мажонские знаки: циркуль, треугольник, молоток... Цифра 7 или 3... Резьба немного стерлась, а по краю, где вырезан девиз, камень выщерблен. Странно, что щербинка только сверху, именно там, где надпись, хотя следы снятой оправы заметны вокруг всего камня. С ценными вещами так не обращаются.

Забрав агат и лупу, Хендкопф с силой швырнул их в ящик стола. Губы его обиженно надулись, лицо покрылось красными пятнами.

— Со всем этим хламом можно и своего лишиться! — раздраженно воскликнул он, показывая на вещи, которыми была заставлена вся комната, и без перехода, уже совсем сердито прибавил: — Передайте вашим, что в любом деле нужна прежде всего точность! Первого и шестнадцатого каждого месяца я обязательно должен получать вознаграждение, обусловленное договором. Сегодня восемнадцатое...

В дверь постучали.

— Ну? — недовольно крикнул Хендкопф. Секретарь пропустил курьера.

Тот выложил на стол несколько газет, кучу писем и маленький бланк — уведомление о денежном переводе.

— О-о! — обрадовался Хендкопф. — Напрасно я волновался, во всем виновата почта! Будем считать, что я ничего не говорил, а вы ничего не слышали. Потому что милая тетушка Розы, присылающая мне эти трогательные проявления своей благосклонности, может и обидеться...

— Розы? — удивился Сомов и, сразу же сообразив, в чем дело, рассмеялся: — Насколько мне известно, она — дама довольно пунктуальная.

Кивком отпустив курьера, Хендкопф отодвинул в сторону бумаги, лежавшие на столе, и повернулся к Сомову.

— Так чем же конкретно я могу вам помочь? — спросил он по-деловому.

— Пока ничем. Сначала нужно познакомиться с людьми и обстановкой.

— Но я не люблю получать деньги напрасно, — возразил Хендкопф. — А что касается людей, я могу вам дать исчерпывающую характеристику: сброд! Признаться, чем скорее я от него избавлюсь, тем спокойнее у меня будет на душе. Что ни говорите, а я тоже рискую, если не головой, то своим положением. А вы с первого дня начали вести себя как-то странно. Вместо того чтобы завоевать расположение главаря, быть с ним в союзе, вы... Нет, я совершенно не одобряю ваше поведение во время встречи с Протопоповым.

— Прежде чем вывезти группу, я обязан обнаружить советского агента, который надежно замаскировался. Не забывайте об этом! И моя драка с Протопоповым была первым шагом к...

— Выходит, вы нарочно ее спровоцировали? — перебил Хендкопф.

— Я рассчитывал только на стычку, но мне повезло. Все разыгралось, как по нотам! Теперь дичь сама выйдет на приманку, которой я для нее являюсь.

— А вы не боитесь, что Протопопов вас того?.. — Хендкопф сделал красноречивый жест.

— Ваше дело — побеспокоиться о моей безопасности.

— Вот этого я гарантировать не могу. Он уже трех на тот свет отправил, а они только заикнулись о желании возвратиться... Один умер от каких-то колик, второй как будто пьяным из окна вывалился, а третий скончался от внутреннего кровоизлияния.

— Мистер Хендкопф, — голос Сомова прозвучал холодно и властно, — вы — заместитель коменданта лагеря, и вмешиваться в ваши служебные функции я не имею оснований. Но я вправе требовать, чтобы вы всячески содействовали выполнению возложенной на меня миссии. А выполнить ее я могу только будучи живым. Вам понятно, что заключенный с вами договор будет считаться действительным, если со мной что-нибудь случится? Что вот эти переводы от тетушки Розы являются достаточно красноречивыми документами для того, чтобы вас скомпрометировать?

Хендкопф побледнел, в его глазах промелькнул страх.

— Я, конечно, приму все меры, но... не могу же я всего предусмотреть!.. Бывают стечения обстоятельств, когда... Черт возьми, ну и влип же я!

— Не так уж сильно, если хорошо подумать. Власть в ваших руках, нужно умно ее использовать. Именно за это мы и платим вам. Кстати, мне поручили сообщить вам, что в случае успеха вы получите пять тысяч долларов премиальных.

Хендкопф свистнул.

— Неплохо! Они не скряги, ваши ребята!

— Мистер Думбрайт вам звонил?

— Полчаса назад. Приказал передать вам, чтобы каждый день через меня вы информировали его о ходе дела. Он обеспокоен сведениями, полученными им из городской воинской комендатуры.

— Что-нибудь новое?

— Вчера опять пришел письменный протест советской комиссии по репатриации. Русские настаивают на своем утверждении, что наше командование сознательно скрывает группу бывших власовских офицеров, и если раньше они делали этот упрек, не подтверждая его доказательствами, то теперь точно указывают, что власовцы находятся в районе Мюнхена. Значит...

— Вы хотите сказать, что может прийти третье письмо, в котором будет точно указан адрес и количество человек в группе?

— Боюсь, что так может случиться.

— Кто из группы Протопопова имеет связь с городом?

— Выход за ворота казармы строго воспрещен.

— Писать письма разрешается?

— Нет.

— Кто-нибудь из группы встречается с людьми, которые бывают в городе?

— Тоже нет.

— У кого хранится список группы?

— У меня и Протопопова. Но сегодня утром я приказал заменить все фамилии кличками. С завтрашнего дня даже в частных разговорах члены группы будут обращаться друг к другу согласно этому приказу.

— Боюсь, что поздно.

— Возможно. Единственный выход — как можно скорее эвакуировать группу.

— А вместе с ней и того, кто только и мечтает, чтобы связаться с советскими войсками? Ведь он же завалит нам все дело!

— Вы, пожалуй, правы. К сожалению, правы... И все-таки поторопиться следует.

— А я, кажется, даром времени не терял.

— Вы о Протопопове? — Хендкопф рассмеялся. — Теперь, когда я понял, в чем дело... А здорово у вас получилось! Я просто в восторге. Люблю ребят, умеющих драться.

— Я считал, что вы больше увлекаетесь искусством.

— Вы об этом? — Ткнув рукой в стоящую на краю стола бронзовую статуэтку фавна, Хендкопф с отвращением скривился. — В печенках у меня сидит все это барахло! Тошнит от него! Так бы и вышвырнул на свалку!

— Тогда я совсем ничего не понимаю!

— Спрос! Проклятый спрос! У нас все словно с ума сошли: подавай им всякие древности. Как же тут не использовать ситуацию?

Хендкопф с такой искренней откровенностью жаловался на обстоятельства, заставившие его взяться за немилый сердцу бизнес, что Сомову стало и смешно и противно. И в то же время он почувствовал облегчение. Чтобы получить пять тысяч долларов премиальных, такой не пожалует ни сил, ни времени, ни изобретательности, лишь бы поскорее и с наименьшим для себя риском добиться своего.

И в самом деле, молчание, вдруг наступившее, не было обычной паузой в разговоре. По всему было видно: заместитель начальника лагеря сосредоточенно обдумывает, как ускорить ход событий.

— Хорошо. Безопасность я вам гарантирую. Ручаюсь! — сказал он уверенно. — Инсценирую расследование по делу тех, кого Протопопов поторопился убрать, и так скручу его в бараний рог, что он сам станет вашим ангелом-хранителем.

— Это значительно упростит и облегчит мою работу.

— Чем могу еще помочь? Конечно, вам понадобится список всех, кого нужно вывезти.

— Упаси бог, никакого списка! Зачем иметь при себе такой компрометирующий документ! Что касается всяких записей, мы с Думбрайтом придерживаемся одного мнения. Но с характеристикой и анкетными данными каждого из членов группы я хотел бы ознакомиться. Это поможет мне в моих поисках. Вы ничего не будете иметь против, если мы начнем сегодня же?

— Еще бы! Ведь каждый час проволочки — это выигранный времени для красных. В случае неудачи мы оба останемся в дураках. Достаточно, чтобы список попал к ним — и... Тьфу! Ну и работка же выпала на мою долю! Им, конечно, легко загребать жар чужими руками! В случае чего отвечать мне...

— Кому это «им»?

Поняв, что проговорился и чуть было не бросил тень на свое высшее начальство, Хендкопф с преувеличенной озабоченностью начал рыться в сейфе.

— Вот! — сказал он, кладя на стол канцелярскую папку. — Начнем по алфавиту?

— Конечно. Так, по крайней мере, мы никого не пропустим. С вашего разрешения, я

буду записывать некоторые интересующие меня сведения. Я — неплохой стенографист, поэтому не беспокойтесь: мои записи нашу работу не замедлят. А потом я их, конечно, уничтожу. Или передам вам.

— «Анохин Павел Яковлевич, — прочитал Хендкопф, — тысяча девятьсот шестого года рождения, уроженец села Марковки, Курской области. Работал заводом снабжения артели «Кожгалантерея» в городе Орле. Беспартийный. Был осужден к пяти годам лишения свободы за подделку финансово-отчетных документов. В армию Власова вступил в тысяча девятьсот сорок... Быстро продвинулся по службе от рядового до старшего лейтенанта. Близких родственников на территории России не имеет. Любит широко пожить, к Советской власти относится резко отрицательно».

«Антоненко Василий Сидорович, тысяча девятьсот пятнадцатого года, уроженец села Соленое, Днепропетровской области. Там же работал старшим механиком тракторно-ремонтной мастерской. Родители в свое время были раскулачены. Сам репрессиям со стороны Советской власти не подвергался. В армию Власова завербован из лагеря военнопленных. Войну закончил в чине капитана. За храбрость, проявленную в боях, немецкое командование наградило его орденом Железного Креста второй степени и медалями. На территории России остались жена и сын, но об их судьбе ничего не знает, да и знать не хочет. Категорически возражает против возвращения в Советский Союз».

«Варабаш...»

Сомов внимательно вслушивался в чтение Хендкопфа, время от времени что-то записывал, иногда довольно хмыкал, просил перечитать еще раз. Вскоре заместитель начальника лагеря начал откровенно зевать.

— Может быть, продолжим завтра? — спросил он, закинув руки за голову и потянувшись всем телом. — Вчера, знаете, засиделся в кабаре, а в семь утра уже должен был возвратиться в казарму. Кстати, без копейки в кармане...

— В счет премии я мог бы одолжить вам сотню долларов.

— А вот это уж нет! Никаких долгов. Иначе возвращусь домой, в чем ушел... Значит, заканчиваем?

— Давайте я быстренько просмотрю список, а завтра вы хотя бы коротко охарактеризуете каждого. Потому что сведений, указанных в списках, явно недостаточно.

— О, пожалуйста! А я пока ознакомлюсь с тезисами сегодняшнего лектора. Черти бы его забрали вместе с этими лекциями!

— Вас даже лекторы посещают?

— Для этого сброда. Какой-то капитан Бромберг, будто бы бежавший из русского плена.

— Выходит, связь между власовцами и внешним миром все-таки есть?

— Будьте уверены, этот тип — в десяти водах мытый и перемытый. И петь он будет, как по нотам. Сами вечером услышите.

...Через полчаса Сомов, направляясь к своей казарме, опять пересекал двор. Сейчас под тентом, живо о чем-то разговаривая, толпились мужчины в полувоенной одежде. Заметив среди них фигуру майора, Сомов дога-

дался: очевидно, этот тип обрабатывает общественное мнение, сбивает своеобразный блок против наглого «новичка».

Может быть, подойти? Показать им, что он считает себя равноправным членом группы и не боится ни майора, ни Протопопова? Безусловно, о его утренней стычке знают уже все: драка не могла не произвести впечатления. Таким, как этот сброд, импонирует грубая сила, они склоняются перед ней скорее, чем перед доводами разума.

А между тем устал он смертельно. Ноги сами несли его в дальний угол двора, к дверям, за которыми теперь было его временное убежище. Вытянуться на кровати и уснуть. Хоть на короткое время забыть обо всем чужом и зловом, что окружало его.

То, что в комнате может быть еще кто-нибудь, почему-то не приходило в голову. В памяти осталось только помещение казармы с длинными рядами кроватей. Таким оно и всплыло сейчас в воображении. Тем большим было разочарование, когда он увидел, что побыть наедине ему не придется.

— О, нашего полку прибыло! — крикнул навстречу ему долговязый чернявый капитан, лениво спуская с кровати обутые в сапоги ноги. — Рад, рад. Не тому, что увидел персонально вас, а от собственного двуногого животному злорадства: приятно, знаете ли, видеть, что твоему ближнему повезло не больше, чем тебе... — Черные колючие глаза капитана насмешливо уставились на Сомова.

— Если мерять этой меркой, то у вас есть много оснований для радости: тут, кажется, собралось довольно большое общество.

— Я сказал бы наоборот — слишком маленькое. Мне хотелось бы видеть здесь всех тех, из-за кого я попал в эту переделку. Проигрыш в игре следует делить поровну.

— Не слушайте капитана Самохина! — вмешался маленький кругленький человечек с такими бесцветными волосами, что они казались совсем белыми. — Он или вливает в себя шнапс, джин, виски, бренди или выливает на голову первого, кто попадаетея под руку, излишки желчи. Перманентное состояние!

— А твое перманентное состояние, идиот, подхрюкивать каждому, с кем встречаешься. На всякий случай: глядишь, и перепадут какие-нибудь объедки.

Тот, к кому относились эти слова, покраснел так, что даже просвечивающая сквозь короткие и редкие волосы кожа на голове стала розовой. Между припухшими веками, которые, казалось, совсем не имели ресниц, сердито блеснули маленькие, узко прорезанные мутно-серого цвета глазки. Он, действительно, похож был сейчас на откормленного поросенка, который, проталкиваясь к кормушке, вот-вот хрюкнет.

Капитан подмигнул Сомову:

— В жизни случаются странные совпадения. Рекомендую: Николай Николаевич Кабанец. Свинство, так сказать, унаследованное от далеких предков и увековеченное для потомков.

— Это... это... даже для вас это слишком. Я — офицер, слышите, офицер, я буду требовать... я буду настаивать... Пусть суд чести,

так суд чести... — Слова срывались с дрожащих губ Кабанца беспорядочно, он, брызгая слюной и хрипя, будто захлебывался ими.

— Завели! — донеслось из глубины комнаты.

Только теперь Сомов увидел, что в комнате был еще один свидетель этого разговора. Его исполинская фигура внезапно поднялась с кровати, и вдруг почудилось, что потолок казармы мгновенно опустился, а проход между кроватями сузился.

Верзила стоял, хмуро насупившись и не произнося ни единого слова, но двое, затеявшие было ссору, сразу притихли. Капитан снова улегся поверх одеяла, а Кабанец, втянув шею в плечи, направился к дверям.

Немного растерявшись, Сомов подыскивал слова, чтобы непринужденно поздороваться с еще одним соседом по казарме, но тот скользнул по нему таким отсутствующим взглядом, что стало ясно: трогать его сейчас не следует, все равно он ничего не увидит.

В комнате царил теперь тишина. Капитан вынул из-под подушки флагу, глотнул из нее и, сладко зевнув, закрыл глаза. По тому, как вмиг обмякли черты его лица, видно было, что сон сморил капитана сразу.

Искоса поглядывая на великана, все еще стоявшего в проходе, Сомов тоже начал готовиться ко сну. Эта фигура, возвышавшаяся неподалеку, почему-то раздражала его, сковывала движения. Ну чего, спрашивается, торчит посреди комнаты? Уставился глазами в пол, будто пытается прочесть на нем что-то... Ну и вымахал парень! И не только в вышину. Ишь, какие плечи! Недаром эти фертики сразу же языки прикусили. Такому под горячую руку не попадайся... Окаменел он, что ли? А может, заснул стоя?.. Не очень-то приятно раздеваться, когда кто-то столбом стоит возле тебя!

Сняв ботинки, Сомов нарочно с силой швырнул их под кровать. Стук! Стук! Верзила, стоявший в проходе, вздрогнул. Какое-то подобие улыбки искривило его губы, плечи слегка опустились.

— Вы того... Не обращайтесь внимания... Спи-те! Я тихонько... Я только посижу минутку, потому что голова у меня... А потом тоже улягусь. Может, засну... Вколачиваешь, вколачиваешь в голову сон, а она только дуреет. Мне бы хоть подремать... — Потирая лоб рукою, верзила повернулся и, бессильно свесив руки вдоль тела, побрел к своей кровати.

Натягивая на себя одеяло, Григорий подумал, как часто и от него теперь убегает сон. Раньше этого не было. Он мог заставить себя заснуть в любых условиях, будто нажимал в себе кнопку, которая мгновенно отключала его от хлопот, боязни, волнений. Потому что сон был для него оружием, помогавшим держаться в форме. Неужели теперь он утратил эту способность? И почему? Потому что один-единешенек оказался в логовище врага? Но так было и в то время, когда, перевоплотившись в Генриха Гольдринга, он должен был собственными силами раскрыть тайну подземного завода и ряд других тайн коварного и хорошо подготовленного к войне противника. Тогда, среди врагов, он точно так же был одинок. Так, да не так... Тогда он выполнял приказ Родины и, как бы далеко она ни была,

чувствовал свою неразрывную связь с ней, считал себя бойцом многомиллионной армии своего народа. Да и был ли он по-настоящему одиноким? На помощь ему протянулись тысячи рук незримых друзей — французских маки, итальянских партизан. А теперь? Теперь у него нет даже абсолютной уверенности в том, что он правильно поступил, вмешавшись, на свой риск, в такое нелегкое и опасное дело...

Если бы была у него хоть маленькая возможность подать о себе весточку! Правда, проезжая через Мюнхен, он мог бы обратиться в советскую репатриационную комиссию, и теперь все было бы окончено. Как бы внимательно ни следили за ним, а в большом городе всегда можно найти возможность сбить со следа, незаметно исчезнуть. Но имел ли он право думать только о себе, только о своем спасении?

Нет! Бежать Григорий не имеет права. Он будет Фредом, Шульцем, Сомовым, чертом, дьяволом, но весь свой ум, все способности, приобретенный опыт направит на то, чтобы разоблачить, разрушить змеиное гнездо. Придет время, и он найдет возможность связаться со своими, подать о себе весточку, предупредить о тех планах, которые вынашивают сейчас хозяева Думбрайта и Нунке.

Главное, чтобы задание с вывозом власовцев было выполнено с наименьшим вредом для Родины и в то же время укреплено бы доверие к нему Нунке и Шлитсена... Хитрец этот Шлитсен! Перед самым отъездом на аэродром он, будто между прочим, бросил: «Надеюсь, мы еще увидимся». И улыбнулся. Явно намекал на то, что Фред-Сомов может не возвратиться из Германии.

Вот и просчитался. Григорий возвратится. Обязательно возвратится! Он это знает. Но перед этим...

Перевернув горячую подушку, Григорий закрыл глаза. Точка! Не смей сейчас думать. Это в самолете ты мог прикидывать и так и сяк, составлять планы, обдумывать их варианты. Теперь же, когда подошел к делу вплотную, должен иметь свежую голову. Давай лучше послушаем, что выстукивают колеса вагона, в котором ты будто бы едешь: ты-со-мов... ты-со-мов...

Из полнейшего небытия его вырвал громкий оклик:

— Сомов! Слышите, Сомов! Так можно и царство небесное проспять, а ужин и тем более... Благодарите судьбу, что я зашел за папиросами и вас увидел.

Над ним склонился Домонтович и бесцеремонно тормозил за плечо.

— А-а... Это вы лейтенант! Вы, оказывается, неплохой товарищ. Неужели я столько времени проспал? Лишь сейчас почувствовал, как проголодался.

— В таком случае поторопитесь, потому что все наши уже поужинали. А бар по случаю этой проклятой лекции тоже будет закрыт.

Домонтович присел на соседнюю кровать и деликатно отвернулся, ожидая, пока Сомов оденется.

— Ну вот, я и готов... Можем идти. Пойдите, а как быть с малюткой? — Сомов кивнул в сторону кровати, на которой, повернувшись лицом к стене, лежал верзила. — Он ведь тоже, наверное, не ужинал? А остаться без ужина этакому...

Домонтович только рукой махнул.

— На Середу опять нашло, — объяснил он уже на лестнице. — То парень как парень, немного, правда, мрачный и не очень разговорчивый, но все же хоть людей не избегает... А иногда просто не подступись. Или бешеный такой, что под руку не попадайся, или такой, что хоть мину под его кровать подкладывай, не увидит и не услышит. Повернется ко всем спиной и лежит, уставив глаза в стену. Заскучал, наверное. Где же это видано — с такой силищей и без дела! Ему бы топор в руки — лес валить или саблю — да в чистое поле... Эх, затолкали нас в этот каменный мешок, черт бы их всех побрал, и сиди! Жди, пока тебя перетолкнут еще куда-нибудь. Будто стадо закупленного скота, с которым они сами не знают, что делать...

Когда Домонтович и Сомов пришли в столовую, там уже никого не было. Застывшие бобы с тушенкой вязли в зубах, оставляли на небе неприятную пленку, и Сомов с удовольствием запил их жиденьким, но еще теплым кофе.

— Ну что ж, пошли на расправу? — спросил Домонтович.

— Вы считаете, что расправа неизбежна?
— А вы надеетесь, что стычка с Протопоповым на этом и закончится?

— Ну что ж, чему быть — того не миновать, — решительно бросил Сомов и направился к выходу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Воронье собирают в стаи

Выезжая в Мюнхен, Гончаренко крайне скептически относился к опасениям Нунке, утверждавшего, что в группу бывших власовцев пробрался советский агент. Один процент из ста за то, что этот агент существует. А если это так, то едва ли удастся наладить какую-то связь, передать сведения о себе и сообщить о деятельности школы близ Фигераса. И все же, строя план своих будущих действий, он учитывал и этот один процент: категорическое заявление о том, что он, Сомов, решил возвратиться на Родину, не сможет остаться незамеченным, оно, безусловно, привлечет к себе внимание этого человека и в то же время посеет раздор среди членов группы. Во что бы то ни стало надо расколоть ее и таким образом лишить школу «Рыцарей благородного духа» столь значительного пополнения, как эти власовские головорезы.

И теперь, идя на лекцию какого-то Бломберга, он был рад, что представится случай увидеть сразу всю группу, а может быть, и поспорить кое с кем.

Гончаренко поднял голову и в открытом окне одного из домов увидел Хендкопфа.

«Значит, в случае новой драки с Протопоповым помощь обеспечена...» — пронеслось в голове.

Вскоре во дворе появился Протопопов в сопровождении долговязого мужчины в штатском костюме, висевшем на нем, как на вешалке.

— Знакомьтесь: это господин Черногуз! Герр Бломберг, о выступлении которого было объявлено, сегодня прийти не мог, — сообщил Протопопов и, низко склонив голову, уселся на одном из двух стульев, стоявших позади маленького столика.

Господин Черногуз не принадлежал к тем ораторам, которые способны увлечь аудиторию. Он говорил гладко, чисто, но без подъема — видно было, что эта речь произносилась им уже не один раз.

С первых же слов стало понятно, к чему он ведет: господин Черногуз, оказывается, приехал вербовать добровольцев в отряды украинских националистов для «небом благословенной» борьбы с большевизмом.

Подробно, но очень туманно оратор говорил о том, как успешно проходит эта борьба, всячески хвалил население Западной Украины, которое будто бы готово отдать последнюю рубашку своим «освободителям» и поделиться с ними последним куском хлеба.

Сомов внимательно наблюдал за аудито-

рией. Позы присутствующих, откровенные зевки, приглушенный шепот — все говорило о том, что оратора слушали краешком уха, а то и вовсе не обращали на него никакого внимания.

Оживились власовцы лишь после того, как господин Черногуз затронул материальную сторону дела. Из всего сказанного им следовало, что каждый офицер, в зависимости от звания, будет получать такое же жалование, как и в немецкой армии. Половина его, в долларах, будет переводиться на личный счет в иностранном банке, половина — выдаваться на руки советскими или немецкими деньгами. Все, кто даст согласие вступить в отряды, немедленно получат поощрительную премию в размере ста долларов.

Эту часть речи присутствующие выслушали с напряженным вниманием. Дело в том, что азартная игра в казармах приобрела размеры стихийного бедствия. На деньги играли не только в карты, но и в домино, шашки и даже в городки. Поэтому награбленные во время войны ценности и деньги остались только у немногих «счастливчиков», которым везло в игре. Остальные же перебивались долгами, продажей обмундирования и другим мелким «бизнесом».

А тут обещают сразу же выдать премию! Целых сто долларов! Было над чем подумать...

На конец своей речи Черногуз прибегнет самый убедительный аргумент: перемещенные совершенно лишены возможности прилично устроиться на какую-нибудь работу. Сославшись на собственный опыт, он рассказал, как во времена коллективизации эмигрировал в Польшу, потом во Францию, как пришлось ему в поисках лучшей доли объездить почти весь мир и повсюду терпеть горькую нужду.

— Чем вы можете заняться здесь, за границей? — патетически восклицал он. — Ну, если есть какая-нибудь специальность — слесаря там или токаря, а может, и инженера, — то хоть с голода не умрете, кое-как сможете перебиваться с хлеба на воду. А у кого специальности нет? В Африку? На рудники? Был я там, знаю...

И, не жалея красок, Черногуз нарисовал картину жалкой жизни эмигрантов, завербовавшихся на рудники или плантации.

— Ведь вам же счастье само в руки плывет, да еще какое! — убеждал он. — Договор можете подписать на год, два, три... Возвратитесь, а на счет каждого из вас — солидная сумма. Года два сможете жить припеваючи. Институт какой-нибудь закончить, язык выучить... А то и небольшую мастерскую или ресторан открыть...

Докладчик, наконец, умолк и сел.

— Ну, как, господа офицеры, сделаем небольшой перекур, прежде чем приступить к обсуждению? — спросил Протопопов, очевидно, привыкший проводить собрания возглавляемой им группы.

— Ведь мы не в помещении, курить можно и здесь, — сказал кто-то из присутствующих. Его поддержали другие.

— В таком случае продолжаем... Вопросы к господину Черногузу будут?

— Как с обмундированием? — спросил кто-то.

— Формы там не носят. Это же не регулярная армия, а подпольные отряды! Нужно будет добывать одежду самим, такую же, в какой ходит местное население, чтобы не выделяться.

— Разрешите вопрос!— Сомов высоко поднял руку.

— Спрашивает только что прибывший лейтенант Сомов,— многозначительно пояснил Протопопов.

Все взглянули в сторону Сомова.

— Скажите, господин Черногуз, а если кого-нибудь из завербованных убьют, кому достанутся деньги, которые будут переводиться на его счет? Ведь на тот свет их не переплешь...

Среди присутствующих пробежал смехок.

— Тут серьезное дело обсуждается. Нам не до клоунских шуток!— вскипел Протопопов.— А вы...

— А мы — не убиенные, по которым панихиду служат. Мы только кандидаты в убиенные,— весело бросил Сомов и сел.

— Если вы все время делаете упор на помощь местного населения, значит, отряды эти регулярно снабжаться не будут?— спросил Кабанец.

Черногуз вытер вспотевшее лицо, поджался.

— Вы о снабжении спрашиваете! Да там, на западных землях Украины, скота и птицы, молока да творога на целую армию хватит. Пусть это вас не беспокоит... Теперь о деньгах, которые могут остаться на счету, если, не дай бог, убьют кого-нибудь... Нам, разумеется, известно, что все вы, бывшие воины армии Власова, одинокие. Если и были у вас семьи в Советском Союзе, то они наверняка репрессированы, а то и совсем погибли. Значит, наследников ни у кого из вас нет. Поэтому центральное руководство и решило, что деньги, оставшиеся на счету погибшего, пойдут на развитие святого дела, за которое сложил голову герой... Но хватит об этом, потому что, как говорят у нас на Украине, «живой о живом и думает».

Но тут во весь свой исполинский рост поджался Середа.

— Нет, погодите. Как же это получается: значит, ваше руководство заинтересовано в том, чтобы как можно больше завербованных на тот свет отправилось? Так?

— Это почему же?— удивился Черногуз.

— А как же! Если деньги останутся руководству, или как там его у вас называют, выходит, на них можно новых перемещенных набрать... Карусель получается.

— Садись, помолчи! Не твоего ума дело!— стукнув кулаком по столу, зло крикнул Протопопов.

— А почему не моего ума дело? У меня своя голова на плечах! Не маленький, чтобы мной помыкали!

Присутствующие, пожалуй, за исключением Сомова, были просто поражены таким дерзким поведением всегда молчаливого парня. Дело в том, что Середа, хотя и носил офицерские погоны, но фактически был охранником Протопопова. Так было на фронте, так по инерции продолжалось и теперь. Он кормился за счет своего шефа, курил его сигареты и за это безропотно выполнял все приказы и поручения Протопопова, никогда не протестуя и не проявляя своего недовольства.

И вдруг Середа взбунтовался! Да еще где? На многолюдном собрании!

Почти все, и в первую очередь Протопопов, поняли, что эта дерзкая выходка — ре-

зультат стычки Протопопова с Сомовым, стычки, из которой руководитель группы вышел далеко не победителем...

— Ну, берегись! Мы с тобой еще поговорим!— многозначительно пообещал Протопопов.

— А ты не очень-то задавайся, потому что и на тебя управа нашлась!

Это был уже прямой намек на сегодняшнюю драку. Откровенный и брошенный в присутствии многих. А поэтому особенно дерзкий.

— Да знаешь ли ты, что я... Я не посмотрю, что ты такой вымахал!..— двинулся к нему Протопопов.

— Эй! Протопопов! Спокойно!— донеслось

сверху. Голос Хендкопфа прозвучал для присутствующих еще более неожиданно, чем слова Середы. Ведь до сих пор их вожак пользовался абсолютной поддержкой лагерного начальства.

— Довольно болтать!— приказал Хендкопф.— Кто принимает предложение мистера Черногуза, пусть зайдет ко мне! Протопопов тоже!

Не ожидая, пока собрание будет официально закрыто, все встали. Но никто не ушел. Возле Протопопова собралась небольшая кучка его сторонников, и они тихо, но оживленно переговаривались о чем-то.

— Не найдется ли у вас закурить?— слышалось рядом с Сомовым, молча наблюдавшим за врасовцами.

— Пожалуйста!— Сомов протянул Серede пачку сигарет.

— Серeda! Ко мне!— махнул рукой Протопопов, грозно глядя на своего вышедшего из повиновения ординарца.

— Нужен я тебе, так и сам подойдешь!— закуривая, спокойно ответил тот.

— Смотри, пожалеешь! Ты ведь знаешь, я слов на ветер не бросаю!— Не дождавшись ответа, Протопопов круто повернулся и быстро зашагал к комендатуре.

Немногие последовали его примеру. Медленно и неохотно поплелись они вслед за ним, будто колеблясь: идти им к лагерному начальству или лучше повременить.

— А вы почему не идете?— спросил Сомов у Середы, кивнув в сторону окна Хендкопфа.

— Ко всем чертям! Навоевался! На мой век хватит...

Серeda бросал фразы отрывисто, с сердцем. Было видно, что ему и в самом деле до отвращения, до беспамятства надоела война.

— Давно воюете?

— С сорок второго... Шофер я... всю войну начальство возил... А на гражданке возле Брянска работал на лесозаводе.

— А тут как очутились?

— Да все из-за этого же сатаны. По дурости моей затянул он меня к Власову, а потом возврата не было.

— О ком это вы?

— Да о Протопопове же! Вы с ним уже познакомились...

— Имел такую сомнительную честь...

— И в первый же день набили ему морду! Ха-ха!

— Мне кажется, вы и сами давно могли бы с ним управиться,— насмешливо заметил Сомов.

Серeda взглянул на свои огромные кулаки и густо покраснел.

— Морду набить я, конечно, мог, но только после этого меня и на свете уже не было бы. Вы не знаете, какой это подлец! Родную мать, если поперек дороги встанет, на расправу шкуродеру отдаст! Вот увидите: ни вам, ни мне сегодняшнего не простит... Не такой, чтобы забыть!

— Не боюсь я...

— А вы бойтесь! Он не из тех, кто в открытую... Подошлет кого-нибудь — и прирежут... Или удавку сонному на шею набросят... Он и так зол на вас, а тут еще я перцу подсыпал...

— Перепугались?— улыбнулся Сомов.

— С глазу на глаз я его не боюсь. А из-за угла, ночью, когда все спят... Послушайте: мы же с вами в одной казарме, и кровати наши почти рядом. Давайте ночью по очереди спать. Сначала, например, вы, потому что мне удалось днем выспаться, а потом я. А? Не думайте, я не из трусливых, просто знаю его, как свои пять...

— Вы считаете, что Протопопов уже в эту ночь...

— На этом его авторитет держится... Стоит кому-нибудь против него слово сказать — сразу же точка. Конец. Все это знают. Поэтому и не решаются возражать. Меня ребята просили вас предупредить.

— С чего бы это вдруг? Друзей у меня здесь нет...

— Большинство ненавидит Протопопова, вот и...

— Что ж, одну ночь можно и не поспать,— согласился Сомов, понимая, что Середа не стал бы напрасно пугать его...

Впрочем, в эту ночь не спал почти весь лагерь.

Те, кто записался в отряды «избавителей Украины», сразу же получили по двадцать пять долларов — часть аванса, обещанного Черногузом.

Такую неожиданную подачку грех было не «спрыснуть». А поскольку примитивный бар при казарме через подставное лицо содер-

жал Хендкопф вместе со своим боссом, то на подобные нарушения порядков, установленных в лагерях для перемещенных, начальство не только смотрело сквозь пальцы, но даже поощряло их.

Поэтому казарма сразу же опустела. Сомов и Середа остались одни. Изредка навещался к ним только Домонтович.

— Вы тоже решили открыть счет в банке для своего руководства?— спросил Середа, когда тот зашел за сигаретами.

— Мне это ни к чему. Ведь по профессии я — инженер-электрик. И здесь не пропаду.

— Значит, вы своих друзей в освободительный поход провожаете?— не удержался от

иронического замечания Сомов, глядя на раскрасневшееся от шнапса лицо Домонтовича.

— А почему бы и не выпить, если представляется удобный случай?— уходя, улыбнулся тот.

— А он не из приспешников Протопопова?— поинтересовался Сомов.— Может, его нарочно послали — посмотреть, не спим ли мы?

— Едва ли... Он в лагере не так уж и давно, а вокруг Протопопова больше его старые дружки крутятся... Впрочем, черт его знает. В душу человека не влезешь. А береженого и бог бережет.

Сомов и Середа не спали почти всю ночь. И не потому, что так уж боялись, а просто завязался между ними разговор. Сомов рассказал о своих приключениях, конечно, заимствованных из выученной еще в «Школе рыцарей» «легенды» — он надеялся вызвать Середу на откровенность. И не ошибся.

— Странно, что вы это... так о себе рассказываете. Мы тут, как волки. Друг другу горло перегрызть готовы. Вот и таимся друг от друга. О прошлом — ни звука. Каждый боится своего прошлого, хочет даже сам от себя скрыть его, позабыть о нем...

— Вы тут давно, наверное, многих знаете...— начал было Сомов, но Середа перебил его:

— Я здесь месяца полтора, не больше... И все мы из разных частей. Не каждого и по фамилии знаешь. А чтобы о прошлом завести разговор...

— Наверное, не очень-то оно светлое?

— Чернее черного... И у меня, и у Протопопова, и, я уверен, у любого, кого ни спроси.

— А вы Протопопова давно знаете?

— Будь он проклят! Пусть бог, если он есть, отплатит ему и за все его дела, и за меня лично.

Середа умолк и так сжал зубы, что откусил конец сигареты, которую держал в зубах.

— Ого! Наверное, штучка этот Протопопов?

— Всю жизнь мне испортил, всю душу искалечил...

— А у кого из нас она не искалечена...

— Обидно мне, что меня, будто глупого теленка на веревке, в это болото затащили... Эх, хоть душу отведу! А может, и неинтересно вам?...

— Послушаешь о чужой беде — и своя более легкой кажется... Да и ночь скорее пройдет.

Середа склонился на спинку кровати, затянулся несколько раз и после паузы начал:

— Появился в наших краях Протопопов года за полтора до войны. Звали его тогда не Протопоповым, а отцом Кириллом.

— Попом был, что ли?

— Вроде попа, только у сектантов... Я тогда на лесозаводе служил. Зарабатывал прилично, уже и жениться было надумал. Одна молодая женщина, вернее, бездетная вдова, в душу запала... Все шло, как у людей... А потом сомнения разные на меня напали. У нас в то время нивесть что делалось... Сегодня приезжает к нам в лесхоз новый директор, а назавтра будто корова его языком слизала: сел! Появится новый инженер или техник, покрутится дня два — и нет его. «Где новенький?» — спрашиваем друг друга. «Забрали», — отвечает

кто-нибудь... В Брянске, куда мы лес возили, не знаешь, к кому и ткнуться: сегодня он начальник, а завтра...

— Я те времена немного помню,— бросил Сомов.

— Ну так вот... И пошли между нами, лесорубами, всякие разговоры. Что же это происходит? Был у меня товарищ один, Мишка... Отозвал он меня как-то в сторонку да и говорит: «Знаешь, Василь, встретился я с одним человеком, который все до капельки объяснить может... И любой совет даст. Хочешь, познакомлю? Он у лесника живет, людей к нему ходит видимо-невидимо! Пойдешь?»... Я и согласился. Будь он проклят, тот день! В воскресенье отравились мы с Мишкой — это километров восемь от нашего поселка. Вышли на рассвете. Пока солнце взошло, мы и до лесниковой хаты добрались. А там народу, народу — негде и курице клюнуть.

— И Протопопов между ними?

— А как же! Сначала он, значит, службу божью служил, а потом начал проповедь читать... Глаза к небу, руки поднял, на глазах слезы. Ну, просто святой да и только! Спасайтесь, говорит, кто к царству божьему стремится, потому что скоро конец света наступит. Тут женщины голосить начали, некоторые, как в припадке, об пол бьются...

Я хотел было поднять одну, а Миша дерг меня за руку. «Не трогай, шепчет, это на нее благодать божья нисходит»... А тут и у меня почему-то слезы вдруг потекли, стою, вытираю их... Взглянул на Мишку, а он тоже головой об пол колотит. Про все, что там творилось, не расскажешь, это самому увидеть надо...

Закончилось все, народ расходиться начал. Собрался было и я, а Миша меня не отпускает. «Тебе, говорит, надо с самим отцом Кириллом поговорить...». Поговорили. Уж лучше бы я оглох в ту пору... Короче говоря, начал я каждое воскресенье ходить в лесникову хату. И псалмы там пел, и слезами обливался, и на пол грохался да поклоны земные бил. У отца Кирилла в Брянске дружок жил, тоже сектант. Каждый раз, когда вез я, бывало, лес в город, Кирилл поручал мне этому приятелю свертки какие-то передавать, а тот, в свою очередь, то письмо, то книжечки ему посылал... Про женитьбу я и думать перестал. Какая уж там женитьба, если конца света дожидаться надо.

Войну я так и понял, как начало этого конца. И не один я. Бросились мы к отцу Кириллу, а он еще больше утвердил нас в этой мысли. «Кара господня, говорит, надвигается. Примите ее с покорностью и радостью в сердцах ваших. Не сопротивляйтесь и не берите в руки свои оружия...» Меня при себе оставил — он тогда в землянку, чтобы безопасней было, перешел. В то время многие сектанты землянки в лесу выкопали. Да все равно про нас из-

вестно стало. Облаву устроили, захватили нас человек пятнадцать. И под суд! Дезертиры... Просидел я в тюрьме, пока Гитлер не стал подходить, да и убежал, воспользовавшись паникой. Некоторое время в лесу скрывался, а когда немцы пришли — в город подался.

И знаете, кого я там встретил? Отца Кирилла! На машине! Как брошусь к нему, как закричу! Услыхал-таки, приказал шоферу остановиться. Вижу: рядом с ним офицер немецкий... Присмотрелся и чуть не вскрикнул. Это брянский приятель Кирилла, которому я свертки возил... Расспросил меня Кирилл, написал записку и приказал: «Вот по этому адресу придешь завтра утром». И денег немного дал... Пришел я — пусть бы у меня лучше ноги отсохли! — и... стал шофером начальника районной полиции. Пропал, как швед под Полтавой...

Василь Середа умолк и почему-то закрыл глаза. Сомов не нарушал молчания, он догадывался, что, начав исповедь, Середа обязательно ее закончит. Ему необходимо было выговориться.

И в самом деле, закурив, он продолжал:

— Итак, стал я шофером начальника полиции Ефима Протопопова. Так теперь назывался отец Кирилл... святой да божий! Видели бы вы, что он выделял!

— И вы все время были с ним?

Середа кивнул.

— Не было мне возврата! Напоит, бывало, этот гад и говорит: «Для нас теперь в одном спасенье: конца войны дожидаться. Тогда немцы нас наградят. А пока что эту награду заслужить надо...»

— Ну и как, заслужили?

— Не спрашивайте! Больше ничего не скажу. Прямо в дрожь меня бросает, когда вспомню... На совести у него не десяток — где там! — наверное, не одна сотня людей... Будто волк лютовал. А потом в армию Власова переметнулся. И меня с собой забрал.

— Почему же вы не отказались?

— Потому что связаны были одной веревочкой, — сердито бросил Середа и умолк. То ли выговорился уже, то ли потому, что в казарму опять зашел Домонтович.

— Проигрались, наверное? — спросил Сомов, увидев, что Домонтович, разыскивая что-то, роется в своем чемодане.

— Да, не везет, — неохотно буркнул Домонтович и уже от дверей крикнул: — А ты, Середа, почему скис? Может, пойдём сыграем? Да и записаться еще не поздно!

— Пусть записываются те, кому жизнь надоела. А я еще пожить хочу. Может, хоть немного грязи с себя смою...

Разгул продолжался всю ночь. Сомов улегся спать. Возбужденный воспоминаниями Середа тоже растянулся на кровати, но заснуть не мог. Прошлое, словно неумолимый судья, стояло у его изголовья.

Перевод с украинского Н. Николенко

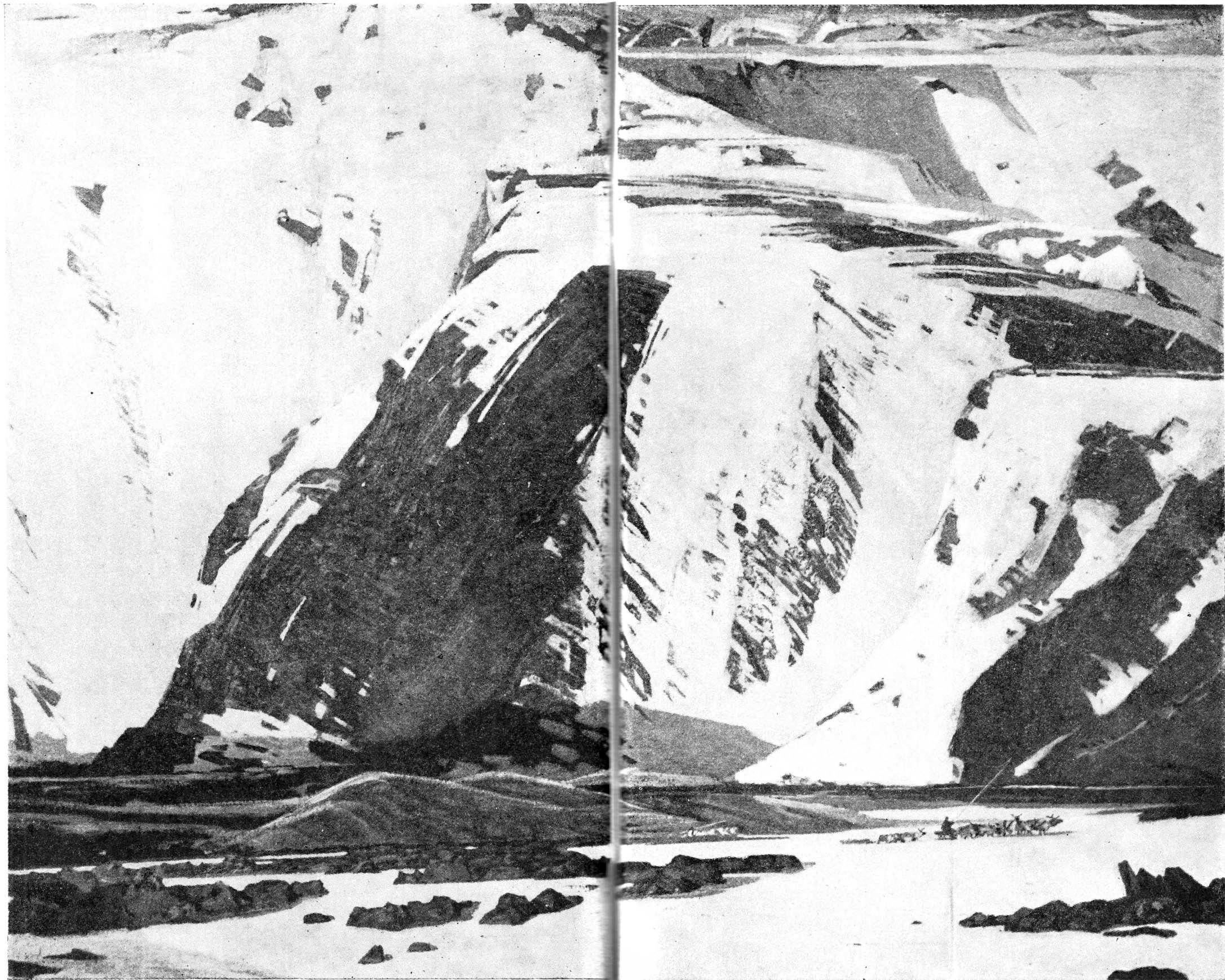
Продолжение следует

Н. Г. ЧЕШОКОВ

*из альбома
художника*

ВЕСНА В ПЕЛЕНГИЧАХ

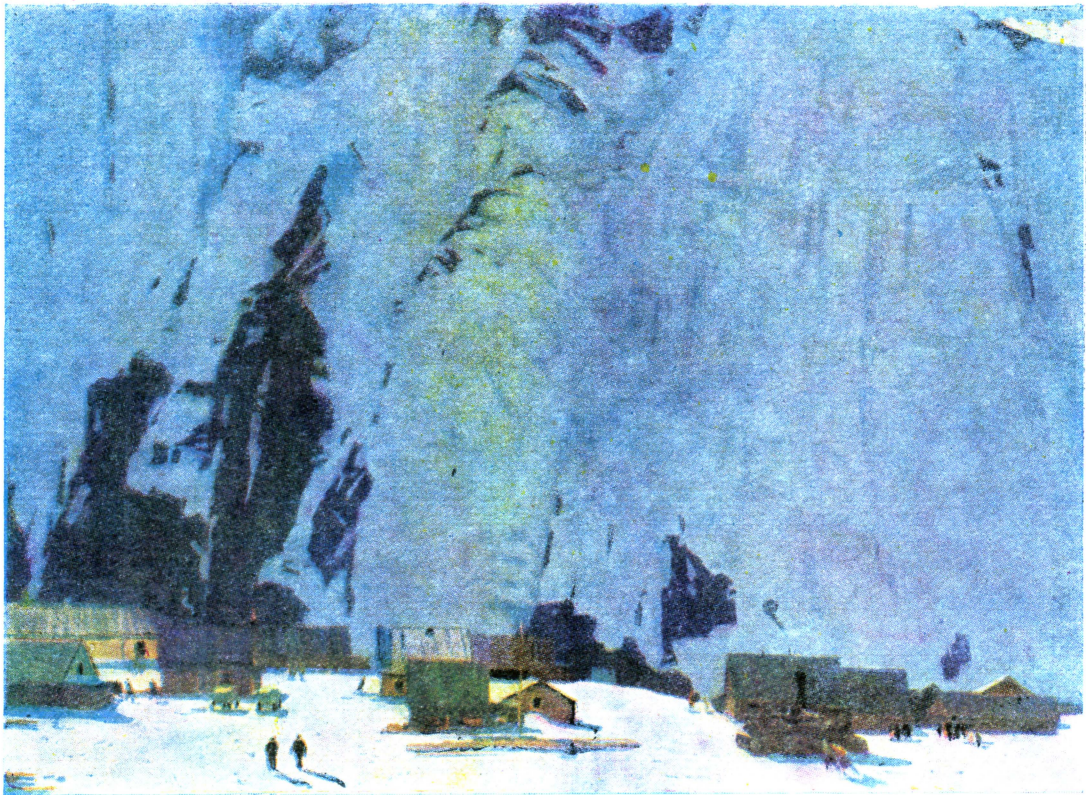

УРАЛ ПРИПОЛЯРНЫЙ

В ОБЩЕЖИТИИ

ПЕЛЕНГИЧИ

Уральские этюды

Н. ЧЕСНОКОВ

Весенняя дорога держится последние дни, она вся разбита, и машину кидает, как утлую посудину в шторм. Нам тесно: железный кузов забит вещами, оборудованием и мешками с крупой. В машине — полумрак, все задраено брезентовым тентом.

Долго ехали тундрой и лесом, затем пошли горы. За десять часов пути нас изрядно помотало. Тело болит, руки и ноги онемели.

В поселок Пеленгичи прибыли вечером; транспортер остановился, и мы высыпали из машины.

Было еще достаточно светло. Кругом громоздились заснеженные, с редкими проталинами, очень высокие и крутые горы. Поселок накрепко зажат этими громадами. Захотелось немедленно развернуть этюдник и писать, писать эти горы и этот крохотный поселок, где весело горели в окнах огни и неутомимо стучал движок электростанции.

Комната, в которую меня поместили, сияла янтарем бревенчатых стен, поражала обилием репродукций с картин советских художников. Железная печь, грубо сколоченный стол, одна деревянная скамейка и четыре никелированные кровати составляли всю ее обстановку.

Жили здесь два Бориса — Борис Крикун и Борис Парпутц да молодой человек огромного роста — Виталий Тимошенко.

20 апреля 1963 года, в субботу вечером, я стал четвертым обитателем «янтарной комнаты».

Сбылась, наконец, давняя мечта: я добрался к сердцу Урала, к его самым высоким вершинам. Где-то здесь, совсем рядом, горы — Манарага, Народная и Карпинского, чудесные горные озера и реки, — все это я вскоре должен был увидеть сам и показать людям.

Первая вылазка на гору Столовую чуть не окончилась трагически. Дело в том, что на крутых склонах попадают полосы снега, так плотно утрамбованного ветрами, что ноги скользят, как по льду. Я и попал на такой снег. Сердце зашлось от страха, когда ноги потеряли опору. Я упал, распластался, но остановить все ускоряющееся скольжение было невозможно. Меня сдержали камни, торчавшие из-под снега, и я отделался легкими ушибами да поцарапал этюдник. Зато научился внимательно и осторожно выбирать дорогу в горах.

С вершины Столовой по всему горизонту открылась величественная панорама снежных хребтов. Никогда до этой минуты я не думал, что есть где-нибудь на Урале такие могучие горы. Стал писать мощную грядку.

Этот горный этюд получился неважно, но я

был удовлетворен и взволнован всем тем, что испытал.

Первого мая с Борисом Парпутцем и Виталием Тимошенко мы отправились на горную площадку — в шести километрах от Пеленгичей. С нее очень хорошо виден хребет Малды и хребет Росомаха; зрелище изумительное!

Дальше путь лежал на гору Черную. Виталий вернулся домой, а Борис увязался с рыбаками на Балбан-Ю. Пришлось путешествовать одному. Плато горы Черной, ровное, как стол, тянется на много километров, шагать по нему очень удобно: снег не проваливается. Далеко впереди — похожая на пирамиду вершина, слева вдоль плато хребет Малды. Говорят, что протяженность его около 70 километров. Видны все складки гор. Поражают гигантские кары — впадины, на дне которых летом образуются озера. Левее, прямо на юге, видна гигантская двугорбая вершина, возвышающаяся над всем массивом.

Ее я долго рассматривал. На вечернем небе скалистые зубцы горят раскаленными углями, а весь массив зеленовато-серый. Как потом выяснил, это была вершина горы Старухи.

С высоты наш поселок еле виден. Спускаться к моему приходу.

Порой пробирал страх, особенно на снежных полосах. Где ползком, где на коленях, на животе или сидя, я кое-как за два часа одолел опасный маршрут.

Зато какое наслаждение доставили скромный ужин и горячий чай, приготовленные Валерием к моему приходу.

На другой день позировал тракторист Геннадий Груша, а вечером я полез опять на вершину Черной, чтобы написать увиденную накануне гору. Наверху холодно, гуляет ветер, но вечерние вершины хороши, и пишется с упоением.

Захотелось увидеть все это при восходе солнца. Жаль, что поднялся налегке, без продуктов и теплых вещей. Мелькнула шальная мысль сбежать за всем домой, прихватить еще картон, побольше размером. Сказано — сделано, и вот уже выбрано место для спуска вниз, там, где особенно круто и снег лежит без проталин до самого низа. На этот раз я просто сажусь на наст и мчусь вниз, притормаживая каблучками. Минут через 20 я уже внизу. Правда, от брюк осталось одно воспоминание. Чего не сделаешь ради искусства!

В ту же ночь поднялся обратно и встретил наверху восход солнца.

Горы светились неправдоподобно розовым светом, а там, где падала тень, мерцали синие,

лиловатые и зеленоватые оттенки. Камни на проталинах рдели густыми, красными с лиловинкой цветами.

Передо мной был огромный первозданный мир, мир безмолвных великанов. Какая-то космическая беспредельность, в которую трудно укладывалось понятие о человеке, хотя совсем рядом — поселок, и я, совершенно живой и реальный, стоял перед лицом горной твердыни, замирая от восторга. Этюды мои были слабой попыткой остановить прекрасное мгновение, и было очень обидно за свою беспомощность и неумение спеть эту песню так, как она звучит в природе. Снова — за кисти, за новый этюд. Такой Урал видели немногие. Геологи, туристы да пастухи-оленеводы, для которых эти горы — дом родной.

Когда я следующим вечером спустился вниз, мои товарищи по комнате смотрели на меня, как на чудака, и никак не могли понять моей «дури». Виталий прямо заявил: «Ни за что на свете не полез бы на эту гору два раза подряд, нагруженный, как ишак, да еще ночью».

Я слушал, улыбался, и очень хотелось мне передать хоть часть восторга этим замечательным ребятам, очень хотелось показать им родную землю, мой Урал, таким не похожим на привычное о нем представление.

Шли дни. Я побывал на Росомахе, на горе Лапчо-Из, на священной горе Иркутсей, на ручье Ош-Киян-Шор. Излазил все ближайшие вершины. Не раз попадал и в дождь, и в снег, и в туман.

В поселке меня уже считали своим человеком. Старожилы рассказали о природе края и о том, как трудно было осваивать его. Гибельное бездорожье, снежные обвалы и бури, суровая зима с ноября по май. Но пришли тракторы и машины, бурильные станки и компрессоры. Уже круглый год здесь живут и работают люди. Люди! Молодые парни. Народ очень колоритный, пиши хоть каждого. Но природа так захватила меня, что я, никогда прежде не писавший пейзажей, сейчас только о них и думал.

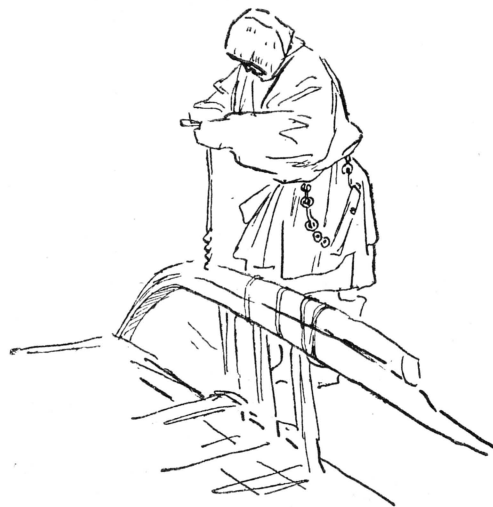
Неудержимо тянуло в горы. Хотелось увидеть Народную, посмотреть знаменитые озера Балбан-Ты, побывать у оленеводов. Для дальней поездки мне дали лошадей. Иван Федорович Мельников, который 14 лет ходит по здешнему горному краю, согласился сопровождать меня. Было совсем уже собралось в путь, но погода

вдруг испортилась. Густые туманы скрыли дороги. Часто накрапывали дожди. Реки вздулись, гремят и ворочают камнями, как бешеные. Наступила пора снежных обвалов. В это время года геологам не разрешается уходить в горы, и Юрий Николаевич Николаев — начальник участка Пеленгичи — рекомендует отложить поездку. Валяюсь целый день с книгой. Этакое транзитно-железнодорожное состояние.

И вдруг!

— Николай Гаврилович, скорее вставайте! Олени приехали! — это Борис Крикун бурей ворвался в комнату.

Впервые в жизни вижу оленью упряжку. Олени низкорослые, светло-серые, седые какие-то; нос, глаза — черные. От носа на лоб — широкая темная полоса. Рога молодые и мягкие, очень темные, разбухли как будто и покрыты серебристой короткой щетинкой. По форме напоминают кактус. Упряжка стоит под окнами у Валея: приехал брат его жены коми Василий. Это — загорелый, синеглазый, очень крепкий мужчина. Я стал спрашивать его взять меня с собой.

— Не могу. Тяжело олешкам: снега много оттаяло, камень голый. Шесть оленей нарты плохо тянут, в гору одного не могут везти.

— Надо очень, доедем, может быть,— упорствую я.— Я пешком пойду, вещи только...

— Ехать лошадь надо, обратно бригадир отвезет. Лошадь проси, Иван дорогу знает.

Я бегу к Ивану и вместе с ним возвращаюсь обратно. Василий пьет чай; бисеринки пота покрывают его красный лоб, глаза, как голубые звездочки, светятся. Начинаются подробные расспросы: где ехать, где чум стоит, где снег, какие перевалы на пути. Василий отвечает обстоятельно, не торопясь.

— На Иг-Шоре стоим, завтра день стоим, еще послезавтра. Николай-Шор едем.

— Едем, Иван!

Иван советует отправить этюдники с Василием: на лошадь их выучить неудобно. Василий недоверчиво осматривает незнакомые вещи.

— А не разобьется тут ничего?

— Как разобьется, на нартах ведь!

— Все бывает. Под гору олени рысью бегут, камень стукнет, сами летим, нарты так-так перевертываются.

— Привяжи крепче, в шкуру заверни...

Спать укладываюсь возбужденный. Этюдник, кисти, краски уехали с Василием. Утром разбудил Иван, и вот я уже покачиваюсь на вьючном седле. На переправах лошадь осторожно выбирает дорогу, низко опустив морду, рассматривает каменное дно реки — кажется, нюхает воду. В устье Лапчо-Шора свернули и поехали по нему. Ручей небольшой, местами течет подо льдом. По много километров мы едем этими ледяными мостами. Горы сегодня суровые, погода пасмурная. Движемся медленно, все время на подъеме.

Незаметно поднялись к главному перевалу у Лапчо-Из. Подъем на перевал сравнительно пологий и дался легко. Зато спуск оказался крутым и заснеженным. Лошадей вели на поводу; иногда они проваливались и бились в снегу — смотреть страшно!

Иван рассказывает, что этой дорогой ходили тракторы до горы Народной. Это кажется невероятным.

Вышли к верховьям небольшого ручья, притоку реки Кузь-Пуй-Ю. Впереди — гора, за ней должен быть ручей Иг-Шор. Поднимались очень долго, часто отдыхали. С вершины чума не видно, но след от нарт Василия змеится вниз по снежному склону. Показалось оленье стадо, издалика похожее на отару овец.

Собаки встретили нас дружным лаем. Маленькие, лохматые, они сновали вокруг. Из чума высыпали ребятишки мал-мала меньше. Взрослое население чума — тринадцать человек: бригада пастухов и их жены.

Бригадир Николай Трофимович Хозяинов — рыжий, с красным веснушчатым лицом, небольшого роста, стройный и подвижной мужчина. Волосы крупными завитками падают на лоб, узкий нос и очень синие глаза. Он прихрамывает — давнее ранение на фронте в Отечественную войну.

Чум просторный. В центре — большая железная печь со множеством кастрюль и чайников. По бокам от печи постелены деревянные крашенные доски, а полукругом с той и другой стороны на оленьих шкурах расположены спальные места.

Чум удобен в перевозке: разбирается и собирается очень быстро.

Мужчины пасут оленей, содержат в порядке нарты и упряжь, заботятся о дровах, охотятся. Оленей в стаде около полутора тысяч. Пастухи уезжают в стадо на сутки в любую погоду. У каждого — оленья упряжка из шести быков. Личное снаряжение — винтовка, топор, котелок и бинокль. Одеты они в малицы и тобоки. Одежда настолько теплая, что можно спать прямо на снегу.

Мне не повезло. В тот же день, когда мы приехали, поднялся буран. Горы снова засыпало снегом.

Непогода бушевала неделю. За это время написал Митрофана и жену его брата — Катю. Очень привязался ко мне мальчуган Никола. Долго упрашивал его позировать, но так и не уговорил: боялся Никола. Первой отважилась на это Лида — дочка ненца Степана. Нарядили ее в праздничную белоснежную малицу. Сидела Лида хорошо, только мало.

В один прекрасный день бригадир велел мне собираться. Одели меня в малицу, дали тобоки, усадили на нарты. Еле держусь на них, вот-вот вылечу: так нарты подбрасывает.

Олени паслись на большой высокой горе, километрах в восьми от чума, стадо разбрелось, и пастуху без бинокля было трудно следить за животными. Горные хребты тянулись мощными грядами, а на их фоне — олени. Чудо! Писал этюд, а потом решил пойти к бригадиру. По дороге нашел олененка. Лежит он, а вокруг бегают важеньки. Что-то с теленком неладное. Поставил его на ноги, а он падает. Испугался, взял олененка на руки и понес. Ох и попало же мне от

бригадира! Оказывается, важенка бросает новорожденного теленка, если к нему притронулся человек. На этот раз обошлось: важенка приняла моего крестника.

С чумом мы переехали с Иг-Шора на Николай-Шор и собрались на Сюра-Рузь. Погода разгулялась, и в Пеленгичах могли быть самолеты или транспортеры. Было уже 4 июня. Я подумывал о возвращении на базу. Бригадир советовал не торопиться:

— Не спеши. Сюра-Рузь приедем, Пеленгичи ближе, оленях отвезем.

Я прикинул: еще, значит, дня три, а то и четыре ждать.

— Пойду пешком.

— Дорогу найдешь, не заблудишься?

— Карта есть, только с Караванного спуститься, а там дойду как-нибудь.

— Ну ладно, Андрей с Митрофаном на Караванный дрова повезут, проводят тебя, а там дорогу покажут,— согласился бригадир.

И вот мы из плато Караванного перевала. Андрей показал мне начало Караванного ручья, по которому нужно спускаться к реке Пеленгичи. Вокруг было так красиво, что я не выдержал и взялся за этюдник. Андрей испугался:

— Замерзнешь!

Действительно, ледяной ветер пронизывал одежду. Писал всего лишь сорок минут. Этюд оказался мне сырым. Сейчас его считают одним из лучших.

В Пеленгичи пришел рано утром.

...И снова гремят гусеницы транспортеров.

Сижу в кузове. Погода отличная, все хорошо видно. Очень беспокоили реки. Вещи я привязал к стенке кабины под самый потолок, чтобы не замочило. Речку Балбан-Ю форсировали благополучно, вода прошумела под днищем. А Лимбик-Ю нагнал на нас страху. Вода хлынула в кузов. Мы забрались на скамейки. И все же залило сапоги, затопило вещи.

Реку Дурную миновали так же успешно, устроили отдых, выспались. На третьи сутки подошли к реке Севь-Ю и застряли. После дождя река взбеленилась. Транспортер двинулся было в стремнину, но тут же отступил назад...

По материалам этой замечательной поездки написал несколько пейзажей. Один из них — «Урал приполярный». В нем я попытался передать общее впечатление о крае гор и снегов, о его необыкновенной красоте. Другой — «Поселок у горы Черной» — изображает Пеленгичи. «В общежитии» — это сценка из жизни нашей комнаты. Шахматные баталии происходили ежедневно, и я изобразил Борю Парпутца с Виталием Тимошенко за шахматами. Другой этюд — «Весна в Пеленгичах»...

Насколько удалось мне передать свое восхищение приполярным Уралом, сейчас пока трудно судить: пейзажи еще только начинают свою жизнь, и зрители должны сказать свое слово.

Пользуясь случаем, хочу через «Уральский следопыт» передать мою величайшую благодарность и привет всем дорогим для меня людям, жителям сурового края, которые помогли мне в этой поездке.

Радость первого полета

В. АСТАФЬЕВ

Рисунки Ю. Ефимова

Осторожно пробираюсь по речке Быковке с удочкой. Черемушник наклонился над речкой с обеих сторон. Цвет с черемух почти осыпался. Деревца стояли с еще неполным листом и чуть обозначившимися ягодами, немного растерянные, неприбранные. Слишком быстро сорвало сильным ветром с них цвет. Над речкою два дня бушевала словно бы снежная метель. Не облетели лишь нижние кисти черемух. Они касались воды, размазывали свои же белые отражения и густо сорили в струи речки лепестки.

От этого речка у берегов, в уловцах и возле замоин, вроде бы взялась куржаком. По всему извилистому коридору речки плыл тугою струею горьковатый запах тлеющего цвета. Было не по-весеннему тихо, будто перед заморозком. Злой ветер растрепал деревья и успокоился. Изредка на плесах раздавался всплеск — это хариус бросался на крутящийся в воде лепесток, приняв его за мотылька.

Я закинул удочку. Жду поклевку и думаю, люблюсь, чуть грущу. «Отцвела вот черемуха, быстро отцвела и не ко времени...» Словом, мысли тихие, меланхолич-

ные, мигом и бесследно уходящие. Слышу, издали, из черемушной густоты, несется звонкое, такое тонкое: «тити-вити», «тити-вити», «тити-вити».

Что за оказия?! Днем, при всем свете, при ярком солнце поют кулики, вечерние птицы! И главное, судя по голосам, кулики-то молоденькие.

— Ти-ти-вити, тити-вити, тити-вити! — приближается ко мне песня, и никаких. Что за гуляки такие?!

Тут прямо из черемух, из речной пахучей студености вылетели два кулика, взмыли с песнею над моей удочкой и стриганули вверх по речке. Хвостики у них веерочком, у лапок голенько и клювики еще желтоватые, остренькие, как только-только высунувшиеся из земли травинки.

Куличата-детенки — и уже на крыле! Ну и труженица у них мать! Уже успела вырастить дитят! Когда и успела только.

— Тити-вити, тити-вити! — Дальше и дальше летят кулички. Ну, летите, летите,

Смокла песня. Нашли, должно быть, родительницу малыши. Однако через несколько секунд песня возникла за тем же поворотом вниз по речке и опять понеслась по черемуховому коридору и стала приближаться ко мне. Снова куличата быстро вынырнули из черемух, качнулись над удочкой вверх, показали свои лапки, прижатые к животам, покрытым еще мягоньким и реденьким пушком, показали маленькие хвостики, похожие на зубчатое кружевцо, нежно и тонко сплетенное.

Я думал — все, больше не прилетят. Но куличата вновь и вновь делали круг, возвращались за поворот речки и оттуда, набрав разгон, тянули вверх по течению, пролетали рядом со мной, плавно и как-то важно делали горку над удочкой, ровно бы всем своим видом хотели сказать: «Гляди, как мы умеем!»

И я догадался: да они и в самом деле хотят, чтобы кто-нибудь видел, как они летают! Ну конечно же, они лишь сегодня, может быть, утром, а может быть, и всего несколько часов назад, «встали на крыло». И вот летают и не могут налетаться. Им, наверное, так хочется поделиться

с кем-то своей радостью, счастьем первого полета!

Я решил проверить, так ли это. Пробрался за поворот речки, сел на мысочке подле подмытой ивы и закинул удочку. Сразу же сильно взял хариус, второй, и мне стало не до птичек.

А они между тем кружились высоко над речкою, над вершинами ольшаника, черемух и не то удивленно, не то растерянно покрикивали: «ти-вить, ти-вить!».

«Уж не ищут ли они меня?» — подумал я, и тут кулички отыскивали мою засидку, радостно вскрикнули, трепыхнули крыльями вниз, развернулись и пошли над речкою с этой восторженно-упоительной песенкой. Зорким круглым глазом косили куличата на меня, делая дугу над удочкой, и трепетали еще маленькими, несильными крылышками и напевали, напевали, напевали...

— Да вижу, вижу! — ворчал я на них. — Ну, летаете! Ну, рад за вас! А зачем же рыбачить-то мешать?

Кулики, должно быть, понимали, что я несердито им выговариваю, и все летали, летали надо мною до самого позднего вечера, пока я не ушел домой.

КАК
ЧТО
ПОЧЕМУ

Опята на березе

Недалеко от деревни Курганово, Свердловской области, я наблюдала интересное явление. Большая береза была вся усеяна опятами. Они росли кучками с обеих сторон дерева, у корня, и на расстоянии полутора метров от земли.

Чем объясняется это?

А. ВЛАСОВА

Отвечает кандидат биологических наук
В. Н. Павлинин.

Опята, растущие на живой березе, — сравнительно редкое, но известное явление. Опенок (медовая губка) — обычный и опасный вредитель древесных пород, особенно хвойных. Он разрушает пни, живые и упавшие деревья, старые бревна на лесосеках. Известны случаи, когда эти грибы поселялись даже на стенах в производственных постройках лесозавода. Растут опята на живых и отмирающих деревьях иногда на высоте до двух метров.

В СТРАНЕ СНЕГОВ И БУЙНЫХ ТРАВ

Владислав ЛЯХНИЦКИЙ

Рисунки С. Киприна

Дядя Матвей

Сегодня выходной, и мы все дома. Я черчу, сын, пристроившись на краю стола, готовит уроки, жена чистит картошку. В углу комнаты, освещенной тусклым светом керосиновой лампы, гудит раскаленная печь.

Неожиданно гул стих, и густые клубы дыма ворвались в комнату. Не сговариваясь, привычно, мы с сыном схватили шапки, выбежали на крыльцо и зажмурились от дневного света. После керосиновой лампы он кажется нестерпимо ярким. Даже не верится, что сейчас день. В квартире нашей ночь тянется уже больше недели.

Сын берет «теплые» лыжи. Здесь, в этой удивительной стране, у каждого свои «теплые» лыжи. Здесь не ходят на обычных спортивных и презрительно называют их просто «голицами», то есть голыми. Лыжи тут самодельные. Короткие. Широкие. Легкие. Упругие. Подшитые камусами — мехом с конских ног. Он прочный, хорошо скользит вперед и позволяет подниматься на очень крутые склоны. Идешь, а ворс топорщится, упирается. Держит.

И еще одно незаменимое качество у этих лыж: к ним не льнет мокрый снег,

Я тоже хватаю свои лыжи и вслед за сыном иду наверх по крутой снежной лестнице.

Летом наш дом как дом. Высокий, с большими окнами. С дороги на крыльцо ведут четыре ступеньки. Сейчас дом засыпан снегом вровень с крышей. И с дороги его не видно. Сейчас вообще ничего не видно. Падает снег. Кить. Несколько дней кить. Сквозь пелену падающего снега заметно, что на нашей крыше возле трубы ворочается темная фигура. Это прохожий. Он, вероятно, сбился с дороги и обвалил снег в нашу трубу. Такое случается. Мы одеваем лыжи и идем на крышу к трубе. Втроем быстро очищаем ее от осыпавшегося снега. Теперь можно и оглядеться.

Прохожий невысок. Кражист. На нем черная ватная тужурка, подпоясанная красным кушаком. На ногах рыжие бродни. Из-под рыжей лисьей ушанки ледяными сосульками свисают запорожские усы. А над ними — подвижные, живые глаза. Черные, как угли.

— Матвей?.. Дядя Матвей!

— Ба! Какими судьбами? — в словах дяди Матвея удивление. В глазах прячутся веселые, довольные огоньки. Под запорожскими усами дрожит лукавая усмешка.

— Работаю туг. Пятый месяц.

— Да ну? А я и не знал. С участка соседнего иду. Отпуск взял. Надо в вашем магазине ружейные припасы пополнить. Да, вишь, с дороги сбился.

— Не бывало раньше сто-бой такого.

— Не бывало. Глаза снегом забило... М-да-а... Так сколько мы с тобой не виделись?

— Лет десять.

— Нет, девять, парень. Я все эти дни высчитывал... — оговорился дядя Матвей и осекся.

— Неправду говоришь, старый медведь. Неправду. Знал ты, что я здесь живу, и шел не в магазин, а ко мне, и не с дороги сбился, а нарочно снег в трубу обвалил. Хотел не в избе, а на улице встретиться.

Матвей сконфужен разоблачением. Он толкает меня под бок и упрекает: Я же чувствую себя виновным.

— Ты бы тово... при молодежи.. не шибко, — показывает он на моего сына. — И когда только научишься уважению к старикам, — ворчит по привычке Матвей. — Ну, а раз понял все, то скажи: найдется в твоей берлоге место для ночевки Матвею, а?

— Найдется, дедушка Матвей. Найдется, — вступает в разговор сын, наслышавшийся рассказов об этом удивительном человеке.

— И это твоя наука? — спросил сердито дядя Матвей. — Дедом назвал? Да какой я дед? Нет уж, дедом меня, сынок, не зови. Не жалую такое название. Очень не жалую... Не хочу... Вот так-то!

Снова гудит в квартире раскаленная печь. Снова, чуть мигая, чадит старая керосиновая лампа. На столе чайник, чашки. Я сижу, слушаю дядю Матвея и не устаю смотреть на его лицо. Очень интересное лицо у него. Оно все время меняется. Красноречиво Матвей умеет рассказывать таежные были. Особенно после третьего или четвертого стакана чая. Но ежеминутно меняющийся блеск выразительных глаз, взлет густых седеющих бровей или их неожиданный нахмур, лукавая усмешка, спрятавшаяся в седеющих длинных усах, подчас красноречивее слов.

Тринадцать лет назад

Тринадцать лет до этой встречи долговязый парнишка скользил на лыжах по крутому таежному склону. Он очень любил забираться далеко в тайгу, всматриваться в удивительные краски зари, учиться читать таежные истории по свежим следам на снегу.

На широкой поляне, окаймленной высокими заиндевевшими березами, он увидел след. Странный. Ранее не виданный. Кто-то прошел по тайге на одной лыже да так, что не поймешь, в какую сторону: не видно ни следа второй ноги, ни

лунок от палок. «Чем он отталкивался? Как сохранял равновесие на склоне? Неужели так и мчался вниз, стоя на одной лыже. Вот артист! А может быть, он нарочно применил эту маскировку. Может быть, он...». Фантазия разыгрывалась. В голове промелькнули все читанные романы о сыщиках и бандитах, о погонях и преследованиях. Но нигде не писалось о подобных следах. Это новое.

Парнишка хотел затормозить и вернуться, но тут из-под самых его ног поднялся вверх столб снежной пыли. Рядом второй, третий. Казалось, весь снег вскипел, клокочет и поднимается с земли к вершинам берез. Растерялся парнишка — впервые пришлось ему наехать на спящих косачей — и сорвался прямо вниз по крутому склону. Очутился в реке. В полынью.

Вылез он на берег мокрый с ног до головы. Лыжи изломаны. А до ближайшего жилья километров пятнадцать. Снег глубокий. По пояс. Мороз градусов двадцать пять да еще с ветерком. Мокрая одежда сейчас же покрылась льдом и больно резала тело при каждом шаге.

— Конеч!..

— Стой! Стой! Ложись в снег! — Невысокий коренастый мужчина на лыжах догнал парнишку, повалил его и забросал снегом. — Лежи. Ветер не хватает под снегом. Так теплее.

Потом он разжег костер, большой, жаркий. С подветренной стороны из плаща и пихтовых веток устроил наклонную стенку-экран.

— Раздевайся. Сушись, — приказал усач, — да в другой раз не заглядывайся на косачих. Не у каждой полынью караулит выдру дядя Матвей. Я тут ее третьи сутки выслеживаю. Видел ее след на увале? Видел? Будто кто на одной лыжине прошел...

Мужчина насильно стаскивал с парнишки одежду. Она промерзла и брошенная на снег сохраняла контуры тела.

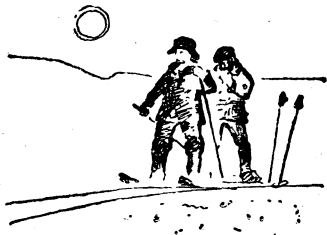
А на костре уже закипал чайник. Его вскипятил дядя Матвей. Тот самый дядя Матвей, что тринадцать лет спустя обрушил снег в дымовую трубу нашего дома. А незадачливым парнишкой был автор этих строк...

Потом мы несколько лет работали вместе. Случалось так, что я был начальником дяди Матвея, а он — моим учителем и наставником. Требовательным, строгим. Он редко хвалил ученика и все больше ворчал:

— Непутевый ты мужик. Непутевый. И когда таежного ума наберешься?

Но уже в то время я привык больше верить не словам дяди Матвея, а тону — каким тоном они сказаны. А говорились они с хитрым прищуром добрых Матвеевых глаз, с лукавой усмешкой, притаившейся под прокуренными усами.

Пропавший лес

Сегодня чудесная солнечная погода, и мы с дядей Матвеем собираемся в путь. Мы хотим посмотреть один из ключей, подготовить его под разведку. Я прилаживаю лыжи и не могу оторвать глаз от дикой красоты ущелья, по дну которого течет река. Ущелье редко показывает себя во всем своем величии. Все больше дожди, туманы и снегопады.

Слева высится серая неприступная скала. Она тянется стеной вниз по течению и скрывается за поворотом. На вершине прерывистой лентой стоят темные пихты. Отсюда, со дна ущелья, пихты кажутся маленькими настольными елочками из капрона, усыпанными клочьями ваты.

А за ними сверкает на солнце белоснежная громада Муртинского гольца. Он словно врезан в чистое голубое небо, такое яркое, такое синее, что кажется нарисованным.

На правой узкой террасе реки притулился небольшой поселок. В нем мы работаем и живем. Он засыпан снегом. Видны лишь паутина тропок, сизо-белые столбы дыма и редкие черные фигуры людей, то неожиданно появляющиеся на снегу, то ныряющие куда-то под землю.

— Не заблудитесь, — напутствует начальник участка.

Дядя Матвей нагибается к креплению лыж и сердито фырчит.

— Столько лет хожу по тайге. Не блуждал ни разу. — обиженно отвечаю я.

— Тайга тайге рознь. Наша — особенная, — поясняет начальник.

Я зажмуриваюсь и совершенно отчетливо представляю себе весь путь. Сейчас поднимемся на водораздел и незамерзающим ключом спустимся в долину другой реки. Под толщей пушистого снега земля не мерзнет. Теплые ключи со всех сторон стекают в реку, и в этих местах чернеют большие поляны. Кажется, что река стоит талая. Черная звенящая вода в сверкающих снежных берегах.

— Тут всего шестнадцать километров, — возмущенно говорю я. — Я помню каждый куст. У меня карта. Компас. Со мной дядя Матвей.

— Вот разве дядя Матвей... — неопределенно говорит начальник и отходит.

Часа через четыре я стоял в седловине гольцов. В руке компас, карта. На лице полная растерянность.

Мы поднимались сюда, как положено, широким распадком. Вышли на вершину. Тут, я отчетливо помню, был лес. Невысокий, но очень густой. И чуть поодаль, на взлобке, стояла сушина. Осенью я убил на ней глухаря. Вот этот распадок. Вот этот взлобок. Но где лес? Где сушина? И вправо и влево, сколько хватает глаз, совершенно чистая снежная грива. Ни дерева, ни куста, ни травинки.

Я чувствую, как взмокает мой лоб. Я помню по нашей дороге чуть не каждое дерево, но мои приметы исчезли. Я собираюсь вернуться обратно к реке и снова искать дорогу.

Матвей невозмутимо набивает трубку. Раскуривает ее. Пыхает дымом.

— Ты хорошо разгреб окна от снега? — спрашивает он меня, будто мы не вместе два вечера трудились, пропуская свет к окнам.

— Так неужели лес под снегом? — догадываюсь я. — Здесь? На самом хребте?

— А тут его больше выпадает... Ну, куда пойдем дальше?

Дурная трава

Как-то мы спускались с гольцов вдоль русла говорливой горной реки. Долина узкая, вся завалена огромными валунами и поросла чахлым пихтачом. Совсем недавно — по геологическим понятиям, — лет тысяч двадцать тому назад, этой долиной сползал ледник. От него остались небольшие озера, морены и уйма валунов. Валуны огромные. Каждый гранитный «каравай» — диаметром около метра. Но их не видно. Они прикрыты тонким слоем дерна и травой.

— Ты называешь это травой? Травой?! — возмущенно переспрашивает мой приятель. Его рост 182 сантиметра. И лошадь под стать седоку. Но когда он едет верхом, то из травы виднеются только плечи и голова, а порой скрываются и они. Тогда только видно, как колышется над идущими лошадьми полуметровые соцветия морковника и кивают темно-синие колокольчики на двухметровых стеблях.

Лошади шли, тяжело раздвигая грудью упругую травянистую стену. Вечерело. Легкий ро-

зовый туман заполнил долину. Неожиданно впереди трава резко заколыхалась. Я привстал на стременах. Матвей поднял руку и крикнул:

— Зверь! Без команды не стрелять!

Ружья сняты с плеч. В стволы вложены патроны с пулями. Большие пальцы легли на курки.

В этой густой траве, за шумом порожистой речки, козы и маралы подпускали нас почти вплотную. Но, спугнутые, стремительно удрали. Мы обычно видели только, как быстро катился от нас по траве небольшой вал. На этот раз траву крутило, словно в водоворотах. Эти водовороты то удалялись, то приближались. Зверь почему-то не мог уйти. Он ходил возле нас. Но кто он? Гу-

дая высокая трава скрывала зверя. Но она же скрывала и нас от него.

Метрах в сорока лежала поваленная лесина. Длинные ветви, как руки, вздымались над травяным морем. Неожиданно травянистый водоворот остановился у этой лесины. Торчащие ветви заколыхались. Лесина, наверно, тяжело затрещала. Но треск потерялся в шуме реки. Зато мы увидели зверя.

Он забрался на лесину, и над травой показалась огромная лохматая морда. Она была не бурая, а какая-то желтоватая. Вроде плюшевая. Маленькие блестящие глаза смотрели на нас беззлобно. В них виделись любопытство и удивление. Видимо, этот зверь — хозяин тайги. Тревожиться не привьк.

— Медведица! — крикнул дядя Матвей.

Мы взвели курки.

— Без команды не стрелять, — предупредил Матвей.

Медведица увидела над травой три человеческие головы. По сравнению с ее головой — очень маленькие. Она пришла в ярость. Открыла пасть и заревела. Наверное, заревела. За гулом реки рева не слышно. Наверно, она хотела сказать: «Вот кто нарушил покой! Я вам сейчас покажу!..»

Медведица соскочила с лесины, и травяная круговерть стремительно понеслась нам под ноги.

— Приготовиться!

Мы были совершенно спокойны. Шесть стволов с пулями сразу становятся любого зверя.

Но стрелять не пришлось. Шагах в десяти от нас травяной вал улегся, и мелькнули две желто-бурые, мохнатые, когтистые лапы. Так мелькают над водой руки утопающего. Трава снова «вскипела», заколыхалась, и вал помчался к пихтушке, одиноко стоявшей в травяном море. Вал забурлил возле пихты, несколько раз обошел вокруг нее. С каждым разом трава редела. Зверь утапывал ее, и вскоре мы увидели всю медведицу. Она стояла на задних лапах и то смотрела на нас, и голова ее как-то особенно хитро клонилась набок, то начинала рыгчать. Мы видели, как она открывала пасть и, что есть силы, колотила по стволу тяжелыми лапами.

— Э-э, вон оно что! — крикнул дядя Матвей. — Смотрите!

По стволу, медленно пятясь, спускались два бурых мохнатых комка. Медвежата. Нижний все время смотрел через плечо вниз. На мать. Он спускался спокойно, деловито. Верхний — трусливо прижал уши, вытянул голову вверх и спускался нерешительно, рывками и вздрагивал при каждом ударе по стволу.

Мы стояли возле реки. Медвежата были метрах в тридцати от нее. Они должны были слышать нас. Мы закричали пронзительно, громко. И тотчас мохнатые шарики подскочили к самой вершине пихты. Тот, верхний, трусливый, вскарабкался на самую макушку. Она нагнулась. Медвежонок сорвался и повис на передних лапах. Всего на мгновение. Затем, как заправский гимнаст, поднял задние лапы и закачался большой бурой каплей росы или гигантской пихтовой шишкой.

Это повторялось несколько раз. Мать свирепела. Она то подбегала к нам почти вплотную, но ни разу так, чтобы испугать лошадей. То прыгала в реку и неистово колотила по воде лапами, поднимая снопы брызг. Начиная закат, и брызги казались розовыми, а некоторые — красными, словно рубины. То бежала опять к пихте и била по ней. Медвежата торпливо спускались вниз. Но мы начинали кричать. Медвежата взмывали обратно и терялись среди густых ветвей.

Медведице, видно, надоела наша забава. На четвертом или пятом круге она подпрыгнула, вцепилась в пихту и поднялась над землей метра на четыре. Пихта затряслась, заходила, как ковыль в ветренный день. Медведица, что есть мочи, трясла жидкое дерево. Макушка обломилась, и вместе с нею брякнулся на землю трусливый медвежонок. Второй бурой стрелой прошмыгнул мимо матери по стволу.

Последнее, что мы видели, — двух медвежат, жавшихся друг к другу, и рассвирепевшую, ревушую мать. Она нагнулась и поддела лапой одного из своих ребят. Движения ее были быстры, ловки, а этому удару позавидовал бы и опытный теннисист. Бурый «мячик» буквально взвился в воздух и исчез в траве. За ним скрылось и все семейство.

Мой товарищ приложил ложе ружья к щеке.

— Зачем? — спросил дядя Матвей. Он опустил руку на стволы и властно пригнул их к земле. — Разве они на тебя нападали?

Дают адрес

В детстве меня поразил рассказ про Австралию. Там лебеди черные! Животные несут яйца! Птицы бескрылы! Эвкалиптовые леса не дают тени! Сколько чудес!

Я не был в Австралии. Но узнал просторы нашей страны. Очень правильно Сергей Владимирович Образцов сказал своим заглавием фильма «Удивительное рядом». Правильно. Удивительное рядом. Разве не удивительна страна, где снег погребает зимой лес? Где летом трава под стать иному молодому леску?

— Но где эта страна?

Рядом.

Северо-западные ветры подхватывают влажный воздух, нагретый Гольфстримом, и несут его над Русской равниной. На пути встали невысокие горы Урала. Они задержали часть влаги. Но большая часть ее пронесется над Сибирской низменностью, над урманами, Барабинской степью, Кузбассом. В холмистой Кузнецкой котловине снега выпадает около метра. Дальше с севера на юг стеной поднимается хребет — Кузнецкий Алатау. Его вершины достигают 2000—2100 метров над уровнем моря. Они узкой грядой перегораживают путь влажным ветрам. Они заставляют их сбросить влагу, приносящую из Атлантики.

На западном склоне Кузнецкого Алатау и прилегающей Кузнецкой котловине глубина снегов около метра.

На восточных склонах, в пределах Хакассии, снега нет совсем. Там не знают саней. А по хребту Кузнецкого Алатау толщина снега пять-шесть метров на ровном месте. Эта полоса обильных снегопадов протягивается с севера на юг на двести—двести пятьдесят километров, а с запада на восток — на пятнадцать-двадцать, местами сорок километров. Снег не может покрыть тайгу в долинах, где высота деревьев до двадцати метров, но на горах, где тайга низкорослая, где высота деревьев достигает всего нескольких метров, снег полностью скрывает лес. Описанный мною случай совершенно точен.

Летом обилие влаги вызывает очень быстрый рост травы. Она достигает двух с половиной метров. Недаром ее зовут дурнотравьем. Дурная трава. Для сена она почти не годится — очень трудно высушить «травинки» толщиной в несколько сантиметров.

Обилие снега зимой, обилие дождей летом создают здесь очень своеобразную жизнь и для зверей, и для птиц, и для растений, и, конечно, для людей, добывающих там полезные ископаемые. Об этой жизни я расскажу в следующей раз.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

СЛОВАРИК

Как называется город или село, в котором вы живете? Река, по которой вы летом путешествовали, или озеро, которое исследовали? Гора, вершину которой вы собираетесь штурмовать? Что означает слово, взятое народом для ее названия?

Прочтите об этом в нашем географическом словарики.

АЛАКУЛЬ. Озеро на Южном Урале (башкирско-татарское ала — пестрый, пегий, куль — озеро). В географических названиях слово ала встречается очень часто. «Пестрым» озеро может называться по разным причинам, например, потому, что оно заросло камышом.

БАШТАШ. Горный хребет на Южном Урале. Находится к северу от станции Вязовая. Название происходит от башкирско-татарского баш — голова, главный, и таш — камень, то есть «главный камень» или «голова-камень».

ВИЛЬВА. В Северном Приуралье это название имеют шесть рек. Оно происходит из коми-пермяцкого языка: виль — новый, свежий, а ва — вода. Очевидно, название имеет значение «чистая, проточная, постоянно обновляющаяся река». Интересно, что все Вилвы протекают по левобережью Камы в непосредственной близости от Уральского хребта. Значит, так называются только горные (самые чистые) реки.

ГАТЬ. Название железнодорожной площадки и дачного поселка на дороге Свердловск — Нижний Тагил. Происходит от русского диалектного слова гать — деревянный настил на болоте. Сырых мест в этом районе очень много.

ИТКУЛЬ. Озеро в окрестностях Верхнего Уфалея. Название происходит из башкирско-татарского ит — мясо и куль — озеро, то есть «мясное озеро».

КОЙП. Высокая гора в верховьях Печоры (1108 м). Название ведет свою родословную из мансийского языка: койп — бубен, барабан. Местное русское население называет эту вершину Копна, переделав мансийское название на свой лад. Издали Койп действительно походит на высокий стог сена.

КОСЬВА* Левый приток Камы. Название связано с коми-пермяцким кос — сухой и ва — вода. Косьва — очень быстрая река с опасными порогами (тулумами) и перекатами.

ЛУНТ-ХУСАП-СЯХЛЬ. Высокая гора в верховьях реки Печоры (1182 м), у обрывистого подножия которой в небольшом горном озере берет начало река Лозьва. Поэтому манси и назвали эту вершину «гора гусиной ямы» (дословно — коробки). Название происходит от мансийских слов лунт — гусь, хусап — коробка, сяхль (или чахль) — гора.

ПЕЧЕР-Я-ТОЛЯХ-ЧАХЛЬ. Горная вершина в верховьях реки Печоры. Мансийское название так буквально и переводится: «гора в верховьях реки Печоры» (Печер-я — Печера, толях — вершина, сяхль, чахль — гора).

САГРА. Железнодорожная станция на Горнозаводской линии между Свердловском и Нижним Тагилом. Правильнее ее надо было бы называть Согра (русское диалектное слово согра — болото, поросшее лесом). Вблизи станции много таких согр.

ТАВАГУИ. Горное озеро близ Свердловска. Название происходит из коми языка: та ва туй — этот водный путь. Известна легенда о манси, который указал русским первопроходцам путь по озеру, сказав «та ва туй», что будто бы означает: «иди этим путем». Как видим, легенда довольно точно передает смысл названия.

ЮГ. Несколько рек с таким названием есть на западном склоне Урала, а также в Вологодской и Архангельской областях. Никакого отношения к югу (стране света) они не имеют. Название связано с древним коми словом юг — река (в современном коми-зырянском языке река будет — ю).

ЯЛПИНГ-НЬЕР. Красивая двуглавая вершина на Северном Урале. Издавна служила местом мансийских жертвоприношений. В переводе означает священный камень (мансийское ялпинг — святой, священный, ньер — скалистая гора). Русские называют эту вершину «Молебный Камень».

А. МАТВЕЕВ

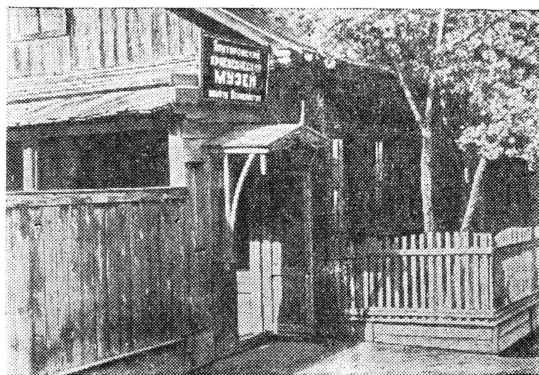
МЕБЕЛЬ ДЕКАБРИСТА В МУЗЕЕ

Все, кто приходит в Ялutorовский краеведческий музей, обращают внимание на бутылку странной формы. Вот ее история.

В 1935 году реставрировали дом. Считалось, что в нем во время ссылки жил декабрист И. Д. Якушкин. Разбирали печи, черные полы из расколотых на две половины вековых сосновых стволов. И под одной из половиц, на которой был выложен фундамент печи, рабочие нашли бутылку. Она лежала в специально вырубленном гнезде. Горлышко опечатано сургучной печатью, а внутри — свернутая трубочкой записка.

Это было письмо-завещание М. И. Муравьева-Апостола. Декабрист сообщал, что дом построен в последние годы царствования Екатерины II. С первых лет существования он был приютом ссыльных. До декабристов здесь жил командир Преображенского полка, сосланный Павлом I за неосторожное заявление: ему не нравится цвет сукна солдатских мундиров. Дальше Муравьев-Апостол рассказывал, кто и когда из декабристов жил в Ялutorовске. Заканчивал письмо так: «Для будущих археологов, которым желаю всего лучшего в мире, кладу эту записку 18 августа 1849 года. Муравьев-Апостол».

Это интересное письмо породило новую загадку. Если дом, где нашли записку, принадлежал Муравьеву-Апостолу, то где же жил Якушкин? Работники музея прибегнули к необычному «пособию» — картинам тобольского художника Ми-

хаила Знаменского. Он вырос в семье, где часто бывали декабристы, учился в школе, открытой декабристами, и позднее написал немало картин о жизни своих ссыльных друзей и учителей. Внимательно разобравшись в документах и описаниях улиц с помощью картины М. Знаменского «Ялutorовск», историки-краеведы отыскали, наконец, и дом И. Д. Якушкина.

В краеведческом музее хранятся также книги с автографами декабристов и мебель, принадлежавшая М. И. Муравьеву-Апостолу.

Как они были найдены более сотни лет спустя? Это тоже целая история.

Нам хорошо известно, что семья М. И. Муравьева-Апостола выехала из дома зимой 1856 года. Люди и вещи уместились всего в два возка. Стало быть, почти вся мебель осталась в Ялutorовске. Но у кого? Мы установили, с кем общались декабристы, но конца, с которого можно начинать поиски, не находилось. Помогла чистая случайность.

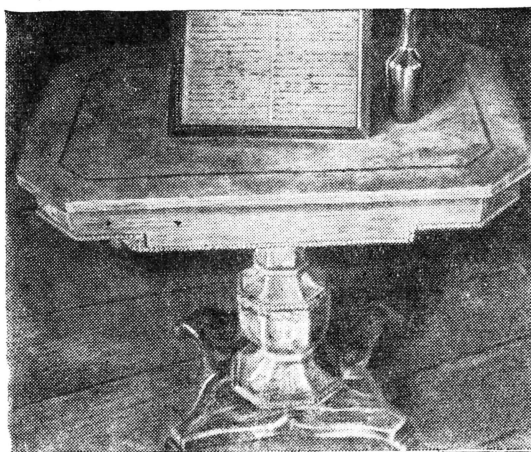
Во время ремонта дома, в котором жил М. И. Муравьев-Апостол, на чердаке обнаружили архив: официальные документы архива городской управы, представлявшие несомненный интерес по истории города, и письма, адресованные А. А. Тарakanову. находка подтверждала, что обладательницей некоторых вещей и писем декабристов была Ю. В. Тараканова.

казалось, мы у цели. Но... Как выяснилось, Ю. В. Тараканова умерла в глубокой старости еще в конце 20-х годов, а все ее вещи родственники поделили между собой и увезли из Ялutorовска. Нить, на которую возлагалось столько надежд, оборвалась.

Оставалось еще раз просмотреть переписку между декабристами и их друзьями. В письме декабриста И. Д. Якушкина к местной жительнице А. В. Мясниковой сообщалось, что здание женской школы, благодаря ее материальной помощи, открыто для занятий. А нет ли родственников А. В. Мясниковой в Ялutorовске?

Беседы с наследниками Мясниковых и людьми, знающими неписанные легенды о городе, помогли выяснить судьбу мебели декабриста М. И. Муравьева-Апостола.

Вскоре на квартире у одного из родственников Н. Мясниковой, семидесятилетнего Николая Александровича Мясникова, мы увидели мебель декабриста. Часть гарнитура он сумел сохранить до наших дней и передать музею.

И. ТЕРЕНТЬЕВ

Разбойник под «черной маской»

Осенью, во время отлова ондатры, охотники из деревни Шайтан-Дуброва, Верхне-Тавдинского района, стали замечать, что какой-то хищник пожирает зверьков, попавших в капканы. «Колонок, наверно, повадился», — думали они. Но, когда выпал снег, на его поверхности стали отпечатываться следы совершенно не известного здесь «вора». Они петляли среди колодника по болоту, уходили в заросли камышей, появлялись на пашне.

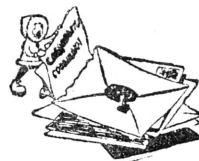

Охотники решили поймать маленького разбойника. И вот он попался в капкан. «Вором» оказался светлый, или, как его еще называют, степной, хорек. Длина его едва достигала пятидесяти сантиметров, а вес — около одного килограмма. Пышный желтовато-бурый мех. На брюшной стороне — темные пятна. Голова белесая. Хищный оскал. Около глаз желтовато-бурое, почти черное, пятно, напоминающее маску.

Степной хорек распространен в зонах степи и лесостепи. Он предпочитает открытые места — полупустыни, залежи, луга; избегает даже зарослей кустарников. Питается преимущественно грызунами, сусликами, хомяками, мышами — вредителями сельского хозяйства. Ближайшее место, где встречались степные хорьки до сих пор, — южная часть Слободо-Туринского района. Хищник, пойманный близ Шайтан-Дубровы, продвинулся на север от обычной границы распространения километров на сто пятьдесят.

За последние десять лет в фауне Верхне-Тавдинского района произошли значительные изменения. Совершенно исчезла, когда-то многочисленная здесь, косуля, значительно возросла численность куницы. С севера стал довольно часто заходить соболь. И вот еще один новосел, житель южных степей, маленький разбойник в «черной маске», — степной хорек.

Б. ГРИГОРЬЕВ

Медведи на овсах

Как-то во время обложных августовских дождей застрял я в одном колхозе, что километров на полтора северо-восточнее Тобольска. Вечером зашел к председателю Петру Андреевичу, пили чай.

— Беда от медведей, — вдруг сказал он. — Каждый год посещают. Нынче вот, когда дождей еще не было, убирал Паша Грехов овес комбайном. Глядит, с другой стороны поля медведица с двумя медвежатами. Ходят себе спокойно и овес обсасывают. Паша, конечно, испугался, но работать продолжал. Полакомились медведи и ушли.

А в прошлом году и вовсе любопытная история приключилась. Убирали школьницы овес. Связали снопы у Марьинова озера. А еду — молоко и хлеб — под суслон положили. Работают и не видят, что к суслону тому медведь подобрался. Стоит, обсасывает колоски. Настала пора обедать, тогда и увидели девчата косолапого. Легонько, легонько от него в сторону.

Овса мы сейчас мало сеем, но медведи в гости все же навещаются: приглянулись им, видимо, наши места.

В. ЕЛОВСКИХ

Снежный верблюд

Этого снежного верблюда обнаружил в лесу инженер с Уралмашзавода Евгений Бирюков.

Фельетон

— Вот. Железная вещь. Секешь? — сказал Лешка.

Мы стояли в Лешкином сарае, возле какого-то странного сооружения. Оно подмигивало разноцветными лампочками и загадочно клацало при этом.

— Чертежи из журнала. Работа моя, — добавил Лешка. — У меня, старик, котелок варит.

При других обстоятельствах я бы обязательно пошел Лешку за его тарабарский язык. Но «вещь» произвела на меня такое впечатление, что я не решился. Все-таки в технике Лешка разбирался!

— Молодец, — сказал я.

— Эх, — вздохнул он и кивнул в сторону сооружения. — Никак вот не могу имя ему присобачить. А послезавтра эту штуку я должен в школе показывать.

— Ладно, — сказал я. — Помогу. Придумаю имя. Только сначала объясни, что это за штука.

Лешка вытащил из кармана сложенную вчетверо журнальную страницу и торжественно прочитал:

— «Кибернетическое запоминающее устройство. Само устанавливает и запоминает связь между звуком и его видимым источником, то есть между голосом и лицом говорящего человека. А потом только по голосу графически воспроизводит на экране это лицо».

Я даже присвистнул от удивления. Вот это да!

— Секешь? — осведомился Лешка и прочитал дальше: «Сначала надо расположить лицо перед телеобъективом и произнести в микрофон свою фамилию, имя, отчество»...

— Ну-ка, хляй сюда, — оторвался от бумаги Лешка. Я подошел. — Подвинь свой котелок. Как включу это табло, с ходу шуруй: фамилия, имя, отчество.

Лешка нажал какую-то кнопку, и тотчас на табло вспыхнули слова: «Внимание: запоминаю!». Я кашлянул и храбро произнес: «Щукин Борис Петрович». Что-то щелкнуло, табло погасло.

— В порядке, — раздался Лешкин голос. — Запомнил!

И Лешка снова уткнулся в бумагу:

— «После этого на магнитофонную ленту записываются произнесенные тем же голосом пять слов, обозначающие основные части портрета: «голова», «глаза», «нос», «рот», «уши». Эта запись дается кибернетическому устройству на прослушивание. В его памяти большой запас слов современного русского языка. Устройство само отбирает пять понятий, соответствующих

произнесенным словам, и, узнав говорящего по голосу, тут же воспроизводит на экране именно его лицо».

— Да, — сказал я. — Включай магнитофон, а я скажу пять слов: «голова», «глаза», «нос», «рот», «уши»...

— Законно!

Когда мой голос был записан, Лешка перемотал пленку на начало и подключил магнитофон к кибернетическому художнику.

— А теперь отвали в сторону. Чтоб кибер тебя не видел.

Я перешел в угол сарая, не спуская глаз с экрана. Лешка даванул клавиш. Диски магнитофона завертелись. Вспыхнуло табло: «Внимание: воспроизвожу!», а под ним еще одно: «Портрет Щукина Бориса Петровича».

В полной тишине я глядел на экран. На нем происходило чудо. Сначала появился овал лица, потом глаза, нос, рот и, наконец, уши. И главное — все это было мое! Мой портрет!

— Ну что! — воскликнул Лешка. — Сила!..

— По... поразительно, — прошептал я.

— То-то. Ну, а мелкие детали не в счет, — засмеялся Лешка и потыкал пальцем в щеки, напекая на мои веснушки. — Эх, ты...

— Слушай, Лешка, а ведь я придумал имя.

— Ну?!

— Эх.

— Чего? — избычился Лешка. — Передразниваешь?

— Да нет же, это другое «ЭХ» — электронный художник — ЭХ-1. Подходит?

— А, — обрадовался Лешка. — Дошуропил.

Электронный художник — ЭХ-1. Законно!

Лешка подошел ко мне, положил на плечо руку, словно посвящая в рыцари, и торжественно произнес:

— Послезавтра вечером будешь моим ассистентом. Будешь шуровать на маге. Топай сюда.

Мы подошли к магнитофону, и Лешка принялся объяснять.

— А теперь, — сказал он, — повалили ко мне в хату. Предков дома нет. Мы с тобой афишу состряпаем. Эх, и разинут в школе хлебозерки!

— Слушай, Лешка, — не выдержал больше я. — Что у тебя за язык? В кибернетике с электроникой ты разбираешься, а говоришь, как пещерная личность.

— Это все чепуха! Главное, старик, я в технике кумекаю. А всякие там правильные выражения мне не нужны.

И тут я за эти слова на Лешку разозлился. А, когда я разозлюсь, мне обязательно что-нибудь в голову приходит. И сейчас пришло. Я посмотрел на магнитофон, потом на Лешку.

— Знаешь, Лешка, — сказал я, — тут мне кое-что непонятно. Объясни-ка мне еще раз принципы работы ЭХа. Только, пожалуйста, не по журналу, а так. Своими словами.

И незаметно включил магнитофон.

Лешка пожал плечами и стал объяснять...

А потом я сказал:

— Ты уж, Лешка, иди сам афишу делать. А я пока здесь останусь. Понимаешь, потренируюсь на магнитофоне. Чтобы тебя не подвести...

Лешка строго глянул на меня:

— Ладно. Оставайся. Только не покурочь чего-нибудь. — И вышел.

Я бросился к магнитофону переклеивать только что сделанную запись. Ведь Лешка говорил своими словами!..

* * *

— А сейчас вы увидите кибернетическое за-
поминающее устройство ЭХ-1 в действии,— объ-
явил Лешка притихшему залу.— Для начала оно
железно нарисует мой собственный портрет. Без
дураков, тютелька в тютельку.

— Абсолютно тютелька в тютельку,— под-
твердил я ребятам, потихоньку нащупывая за
пазухой бобышку с магнитной пленкой.

Лешка заглянул в телеобъектив и четко произ-
нес: «Клюшкин Леонид Антонович».

Потом подал мне сигнал, и я включил маг-
нитофон.

— Голова. Глаза. Нос. Рот. Уши,— произнес
в микрофон Лешка. Потом повернулся ко мне
спиной и сказал в зал:— А сейчас на этом экра-
не будет мой портрет. А чтоб без обмана, буду
стоять к киберу спиной.— И, не поворачиваясь
ко мне, Лешка поднял руку.

О, я был готов. Пока Лешка говорил, я ус-
пел подменить пленку на магнитофоне.

— Начали,— махнул рукой Лешка.

И вот на экране появились первые линии.
Сначала зал удивился. Потом заулыбался. По-
том захихикал. И, наконец, засмеялся. Лешка,
ничего не понимая, повернулся в мою сторону.
Он открыл рот, видимо, собираясь что-то сказать,
и так с открытым ртом и остался. Лешка уви-
дел экран, а на нем... строго под надписью:
«Портрет Клюшкина Леонида Антоновича» было

нарисовано нечто, отдаленно напоминавшее че-
ловеческую физиономию.

Это нечто состояло из какой-то посуды с
двумя круглыми выступами в верхней части, ниже
торчали странные рукоятки, скобы и гайки.

— Это... чего-то... почему-то...— растерянно
забормотал Лешка. Потом повернулся к залу.

— Эх вы, чего ржете? Просто кибер непра-
вильно команду принял. Сами же слышали, как
я говорил: «Голова, уши». Сейчас проверим.

Лешка перемотал пленку и переключил маг-
нитофон. И в наступившей на миг тишине маг-
нитофон четко произнес Лешкиным голосом: «Ко-
телок. Шары. Рубильник. Хлеборезка. Лопухи».

Лешка, красный, как помидор, медленно по-
дошел ко мне, украдкой показал кулак, отес-
нил боком от магнитофона и прошипел.

— Не подвел, значит? Где правильная
пленка?

Потом быстро повернулся к заливавшемуся
на разные голоса залу и сказал:

— Я, ребята, того... забыл. Эх, как бы вам
сказать... Вот. Кибер... это самое... с юмором.
А сейчас он настоящий мой портрет нарисует...

— Пожалуйста,— протянул я Лешке пленку
и, не удержавшись, мстительно прошептал:
— А разве то был не настоящий твой портрет,
Лешка? Ведь точно получилось. Ну, а мелкие
детали, голова там и прочее, не в счет. Секешь?

В. ВАЙНЕР

ВИНТОКРЫЛЫЙ ГЕОЛОГ

Три минуты на крепление
груза, несколько минут
для стокилометрового прыжка
через тайгу, минута на разгрузку
— и семитонное основание
буровой установки на месте.
По воздуху к нему доставлены
остальные блоки, бурильные
трубы, строительные и другие
материалы, цистерны.

Так в октябре впервые в ис-
тории «переехала» на новое

место буровая установка Тю-
менского геологического уп-
равления под номером 360. Ее
старый адрес — поселок Шух-
тунгорт, Ханты-Мансийского
национального округа, но-
вый — газовое месторождение
Сотэ.

Буровая установка имеет
специальную конструкцию. Она
может расчленяться на блоки.
Весит около 150 тонн, а выш-
ка достигает высоты трехэтаж-
ного дома.

Сейчас «воздушная путе-
шественница» смонтирована.

Председатель Государствен-
ной комиссии, главный инже-

нер Тюменского геологического
управления Николай Михай-
лович Морозов, дает особенно
высокую оценку труду экипа-
жа летчика Дробышевского.

— Этот метод подвесок,—
говорит он,— не требует спе-
циальной разгрузочной поса-
дочной площадки. Он до мини-
мума сокращает время такелаж-
ных работ. Вот почему мы
считаем, что винтокрылая ма-
шина получит широкое приме-
нение при геологоразведочных
работах, особенно в трудно-
доступных районах.

Ю. РЯБОВ

ВЫ ПЕРВЫМИ КИНУЛИСЬ В БОИ. С. Захаров. Из документальной повести	1
В НИЖНИЕ ЭТАЖИ ПЛАНЕТЫ. Уральская мар- ка. М. Ергина	9
НА ГРАНИЦЕ ДВУХ ОБЛАСТЕЙ. Г. Бабаков.	9
ФАКЕЛ ГОЛУБОГО ОГНЯ. По Великой Програм- ме. В. Георгиев	10
ТОПОЛЯ. Евг. Пермяк. Рассказ.	13
ДОРОГУ ХИМИИ.	16
ПУТЬ К ИСЧЕЗНУВШИМ БЕРЕГАМ. Биография современника. Михаил Немченко	18
РУССКИЙ ЛЕС. Аф. Матросов. Стихотворение.	25
КВАНТЫ ИЛИ МЫСЛЬ? Конкурс научной фанта- стики. Олесь Бердник	26
ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ. В. Сибирев. Поэма.	34
ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ПРОШЛОЕ УРАЛА? А. Козлов.	37
ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ	38
ДУНАЙСКИЕ ВСТРЕЧИ. Б. Крупаткин. Новеллы	40
ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ. А. Корзников	46
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА.	48
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Юрий Дольд-Михайлик. Приключенческий роман. Книга вторая, часть вторая.	50
УРАЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ. Н. Чесноков	65
РАДОСТЬ ПЕРВОГО ПОЛЕТА. В. Астафьев. Но- велла.	69
ОПЯТА НА БЕРЕЗЕ. Как? Что? Почему?	70
В СТРАНЕ СНЕГОВ И БУЙНЫХ ТРАВ. Владислав Ляхницкий	71
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК. А. Матвеев	75
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	76
ЭХ-1. В. Вайнер. Фельетон	78
ЧИНТОКРЫЛЫЙ ГЕОЛОГ. Ю. Рябов	79
Обложка В. Бубенщикова и М. Заводчикова	

В № 1 «Уральского следопыта» на стр. 22 была допущена опечатка. Следует читать: редколлегия журнала наградила значком «Уральского следопыта» Парамонова Анатолия Ивановича, члена КПСС с 1907 года.

Главный редактор В. ШУСТОВ
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, В. ОЧЕРТИН, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 25/1 1964 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. 10,85 уч.-изд. л.
НС 17006. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ № 843.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
—Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

О ТРЕТЬЕМ УРАЛЬСКОМ СЛЕТЕ СЛЕДОПЫТОВ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Третий Уральский — традиционная ежегодная встреча следопытов. Слет имеет целью расширение и дальнейшую активизацию следопытского движения. За год следопытами совершено много замечательных дел: открыты новые месторождения полезных ископаемых, нужных нашей промышленности, строительству, сельскому хозяйству, химии; освоены сотни «следопытских гектаров», разведаны трудные пути-дороги к землям, которые вскоре станут аренной великих строков; взяты под охрану десятки объектов нашей щедрой на дары, но требующей повседневной людской заботы природы. Задачи слета — обменяться опытом работы, отчитаться о проделанных за год общественно полезных делах, обменяться мнениями, планами и мечтами на будущее, выявить лучшие следопытские отряды и определить победителей в соревнованиях за переходящие призы журнала «Уральский следопыт».

Слет должен стать школой следопытства и вместе с тем праздником его.

КТО МОЖЕТ СТАТЬ УЧАСТНИКОМ

Любой следопытский отряд страны может посоревноваться с уральцами из Свердловской, Челябинской, Пермской, Тюменской, Курганской и Оренбургской областей, Башкирской, Удмуртской и Коми АССР за переходящий приз журнала.

Следопытский коллектив может быть сформирован на базе школы, детского дома, ремесленного училища, техникума, вуза, клуба, промышленного предприятия, колхоза и совхоза. Можно объединяться в коллектив ребятам и нескольких школ, учебных заведений и предприятий, но обязательно размещенных в одном городе, поселке или селе.

В соревновании за переходящие призы журнала принимают участие коллективы юных следопытов (13—17 лет) и молодежные коллективы (18—25 лет) раздельно — каждый по своей группе.

Следопытский коллектив, включившийся в соревнование, должен:

быть сформирован не позднее 1 апреля (коллективы, сформированные позднее, к участию в соревнованиях допускаются лишь вне конкурса);
подать заявку на участие в соревновании не позднее 1 мая;

провести в течение года не менее одного следопытского похода или выполнить какие-то другие общественно полезные дела (освоить следопытские гектары, собрать ценные исторические материалы, оказать помощь в охране природы и т. п.);

ежемесячно сообщать в редакцию о своей работе и о ходе подготовки к слету.

Для участия в слете коллектив выделяет отряд из представителей, отобранных и утвержденных на общем собрании коллектива, в количестве от 6 (не менее) до 10 (не более) человек, включая руководителя (в молодежном отряде руководителем может быть один из членов отряда).

РУКОВОДСТВО СЛЕТОМ

Организацией и подготовкой слета ведает оргкомитет, созданный редколлекцией журнала.

В каждой из областей и республик создается к 1 мая местный штаб подготовки к слету в составе представителей обкомов ВЛКСМ, директора ДЭТС, начальника областного Совета по туризму.

Местные штабы подготовки к слету проводят свои заседания: в мае — организационное, в июле — для обсуждения хода подготовки, утверждения кандидатов, оформления документации, сметы и др.

В области, где будет проводиться слет, местный штаб к 3 июля расширяет свой состав до 10 человек для того, чтобы обеспечить всю подготовительную работу к слету.

Во время проведения слета создается Совет слета из представителей оргкомитета, местного штаба, судей, ученых-консультантов, а также представителей всех отрядов-участников. Совет слета выделяет из своего состава жюри для определения победителей слета.

ПРОГРАММА СЛЕТА

Слет проводится 23, 24 и 25 августа. Место проведения будет сообщено отрядам к 1 июля.

23 августа — прибытие и регистрация отрядов, оборудование площадки, получение продуктов, оформление выставок. Вечером — торжественное открытие слета. Костер.

24 августа — следопытская игра-соревнования¹. Форум следопытов. Осмотр выставок. Киновечер.

25 августа — закладка коллективного следопытского гектара, подведение итогов. Вручение призов. Торжественное закрытие слета.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Победители в соревновании за переходящие призы журнала определяются по итогам общественно полезных следопытских дел, свершенных за год, отдельно по группе молодежных коллективов и по группе коллективов юных следопытов.

Кроме того, вручаются призы победителям в следопытской игре-соревнованиях, а также спецпризы за успехи в разных областях следопытской работы, за отдельные экспонаты выставок, за следопытскую самодеятельность и др.

СРЕДСТВА

Средства на дорогу до места слета и обратно и за питание в пути и во время слета изыскиваются местными штабами по подготовке к слету. Остальные расходы по организации, подготовке и проведению слета обеспечиваются оргкомитетом слета и областью, где будет проходить слет.

ЧТО БРАТЬ С СОБОЙ

Все отряды, прибывающие на слет, должны иметь с собой походное снаряжение, спортивные костюмы, предметы личной гигиены. Каждый отряд имеет свой вымпел, везет отчеты, выставочные материалы, любительские кинофильмы (если есть). Следует подготовить хотя бы один-два номера самодеятельности.

При регистрации отряда, когда он прибудет на слет, капитан отряда сдает письменный рапорт (заверенный местным штабом) о проведенной за год работе, список членов отряда, список выставочных материалов и кинофильмов, перечень подготовленных номеров самодеятельности, заявку на выступление на следопытском форуме.

¹ Условия игры будут сообщены в июле.

30 коп.

73413

1943 - 8 9 10 11